

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
XLIX

**СЛОЖЕНИЕ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ СТАРОГО СВЕТА**

Материалы Международной конференции,
состоявшейся 14–18 мая 2007 года
в Государственном Эрмитаже

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2009

УДК 321(Р47)+940.20
ББК (Т)63.3
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редакционная коллегия:
Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сениченкова

Т78 **Труды** Государственного Эрмитажа : [Т.] 49 : Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 656 с. : ил.

ISBN 978-5-93572-343-9

Сборник, сформированный на базе докладов одноимённой конференции, посвящён краеугольной теме Российской истории – возникновению русской государственности и зарождению русской народности. Углублённо рассматриваются славянская этническая база Руси и участие выходцев из Скандинавии в сложении русской государственности, а также влияние, которое оказывало на этот процесс взаимодействие с Византийской и Франкской империями, с Хазарским каганатом, Волжской Болгарией и Арабским халифатом. При наличии различных точек зрения разных авторов по некоторым из означенных проблем сборник даёт достаточно целостное и отчасти уточнённое и обновлённое представление о начальном этапе истории Руси/России.

УДК 321(Р47)+940.20
ББК (Т)63.3

На обложке: Круглая подвеска с растительным орнаментом, украшенная филигранью X–XI вв. Серебро. Высота 3,1 см. Смоленская губ., д. Гнёздово. Клад 1857 г.
Государственный Эрмитаж

Д. А. Мачинский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СЛОЖЕНИЯ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ VIII – СЕРЕДИНЕ XI в.

*Посвящается моему другу Марку Борисовичу Шукину –
уникальному и незаменимому исследователю
«варварского мира» Европы*

Данная статья представляет собой попытку обрисовать в основных чертах проблематику, намеченную в названии прошедшей в 2007 г. конференции, а также выразить сложившееся у автора то видение процессов, приведших к сложению древнерусской¹ государственности и этнической общности, которое представляется ему наиболее объективным и соответствующим разнообразным источникам (письменным, археологическим, лингвистическим и др.). Автор надеялся, что подобную попытку предпримет кто-либо из известных историков, участвовавших в конференции, однако этого не произошло. Поэтому беру на себя эту почти неисполнимую задачу.

Кратко намечу те исходные принципы, коими руководствуюсь в настоящей работе. Они основаны на личных мировоззренческих и историософских позициях, интуитивно предчувствуемых уже в юном возрасте, постепенно дооформляющихся в течение всей жизни, проверяемых и уточняемых логикой, фактологией и всеми жизненными коллизиями и событиями – в первую очередь, занятиями историей (для меня – преимущественно историей Скифии, Сарматии, славянства и Руси), а также знакомством с мыслями, открытиями и прозрениями некоторых историков, мыслителей и создателей прошлого и современности.

Вот эти опорные положения, следующие по нисходящей – от более общих к более частным и конкретным.

1. Следует постоянно помнить, что суммарное знание всего человечества о мироздании и своём месте в нём, не говоря уже о знании отдельной личности, ничтожно по сравнению с безмерной областью непознанного. Дело не только в ещё неизвестных нам закономерностях и фактах нашего срезка бытия, но и в непознанности (и даже в отказе академической науки от познания) жизни Живой Вселенной и наполненного различными формами сознания околоземного пространства и самой Земли, где несомненно бытийствуют образы, отражающие реальности прошлого, а также предназначения и «проект» (неизбежные и вероятностные) Будущего. Некоторые цивилизации древности – например, эллинская и древнееврейская – умели и учились вслушиваться в голоса прошлого и будущего, и в итоге, пройдя через многие трагические коллизии,

¹ Под «Древней Русью» здесь подразумеваются русские государственные образования 988–1252 гг. Русские раннегосударственные образования середины VIII в. – 988 г. я именуую «русскими протогосударствами».

мы всё же имеем такие общечеловеческие ценности, как Европейская цивилизация и Библия. А нам следует помнить об ограниченности наших методов познания и скудости информации – и учиться, по возможности, целостно (т. е. фактологично, логически, образно и интуитивно, бескорыстно и отважно) постигать и воскрешать прошлое, в котором предугадано или предопределено будущее.

2. При возникновении каждой обретающей длительное (в земных масштабах) бытие этнической или государственной общности, помимо всех предшествующих и сопутствующих обстоятельств её рождения (временных, природно-территориальных, экономических и пр.), ей таинственно даётся некое задание, некая роль в общечеловеческой драме, которая во многом определяет её дальнейшую судьбу и характер её «инстинкта», постепенно и не всегда дорастающего до «менталитета». Если эта изначально заданная и многократно репродуцируемая в новых исторических условиях роль начинает казаться носителем её формирующегося самосознания в чём-то негативной, трагической и нуждающейся в коррекции, то попытка скорректировать инерцию первоначального импульса должна опираться на отважное и полное осознание всей доступной нам, зачастую горькой правды о начальном и поворотных этапах развития изучаемой общности. Зачастую в свидетельствах письменной традиции, иногда подтверждаемой данными археологии и лингвистики, можно уловить некую словесную формулу или образ, предвосхищающие многое в дальнейшей истории той или иной общности. Всё сказанное в полной мере относится к истории славянства и Руси-России.

3. Историческое бытие и развитие этнических и государственных общностей определяется на глубинном уровне не религией, экономикой, политикой, интересами и волей отдельных социальных слоёв или личностей и т. д., а единым потоком жизненной энергии, с её приливами и отливами, закономерности коих трудноуловимы. Для отдельных эпох прошлого наиболее действенным проявлением этой энергии представляется один из перечисленных (или иных) факторов, что иногда соответствует действительности, а иногда является лишь проекцией в прошлое тех или иных представлений историков нового и новейшего времени о «движущих силах истории».

Трудноуловимы для историков и причины (неожиданные и для современников) мощных «взрывов» энергетики в недрах отдельных этносов, вроде Великого расселения славян во второй половине V–VIII вв., возникновения и распространения ислама или походов викингов – явлений, имеющих прямое отношение к феномену возникновения этносоциума русь/ῥῶς и протогосударственного образования Русь/Ῥωσία.

Лишь изредка для отдельных эпох мы можем соотнести такие «взрывы» (например, Великую греческую колонизацию VIII–VI вв. до н. э.) с резкими и длительными взаимосвязанными изменениями в интенсивности космического облучения, солнечной активности и напряжённости магнитного поля Земли, имеющими глобальный характер и отражающимися в концентрации радиоуглерода в атмосфере и в годовых кольцах деревьев. Определение точного возраста таких изменений достигнуто на стыке радиоуглеродного и дендрохронологического методов. Наиболее яркий пример – так называемое «Гальштат-плато», фиксируемое на калибровочной кривой и обычно датированное 800–400 гг. до н. э. (Impact of the Environment 2004; Радиоуглерод 2007).

Название крайне неудачно: во-первых, этот интервал не вполне совпадает с хронологическими рамками гальштата, во-вторых, такое название преуменьшает глобальные масштабы воздействия отмеченных факторов на историю человечества. На самом деле

внимательное изучение калибровочной кривой показывает, что собственно «плато»² фиксируется в пределах 760–410 гг. до н. э., но оно обрамлено с двух сторон периодами резкого подъёма калибровочной кривой, и в целом суммарная датировка отмеченных аномалий охватывает приблизительно 840–340 гг. до н. э. Этот временной промежуток поразительно совпадает с той охватывающей обширные и весьма различающиеся по уровню социально-политического развития области Старого Света³ эпохой в диапазоне около 820–320 гг. до н. э., которую я условно называю так: «эпоха мощной интенсификации мироосмысления и самоосознания человечества и его жизнотворчества на всех уровнях бытия» (Мачинский 2001: с. 101–108).

Эта эпоха соответствует ранней части того поворотного периода в истории человечества, которую философ и историософ К. Ясперс выделил исключительно для «зоны цивилизаций Старого Света» и назвал «осевым временем» (VIII–II вв. до н. э.). Период VIII–V вв. до н. э. о. Александр Мень называл «эпохой великих пророков» (иудейских и эллинских, а также Заратустры, Шакья Муни, Лао-цзы и Конфуция).

В хронологических пределах означенной эпохи оказываются и Великая греческая колонизация VIII–VI вв. до н. э., и первое отчётливо уловимое движение кочевых этносов Евразии⁴ с востока на запад в VIII–VII вв. до н. э., и, по мнению лингвиста В. Мажюлиса, поддержанному В. Н. Топоровым, начало выделения приблизительно с V в. до н. э. праславянского языка из прабалтопротославянского языкового массива (Топоров 2006: с. 20). В VIII–V вв. до н. э. кристаллизуется общеэллинское самосознание, а в VI в. до н. э. возникает археологическая ясторф-культура – как считают, соответствующая ядру формирующегося германства.

Ещё несколько эпох отмечены отчётливо выраженным «плато» на калибровочной кривой с обрамляющими его участками резкого подъёма. Это, во-первых, время около 3400–2850 гг. до н. э. (собственно «плато» 3300–2950 гг. до н. э.), описанное в статье (Zaitseva, Geel von 2004: fig. 2). Правда, позднее М. А. Кулькова убедительно продемонстрировала, что непосредственно рядом с отмеченным «плато» существует второе, чуть менее выраженное, судя по графику, соответствующее ≈ 2850 –2500 гг. до н. э. (Кулькова 2007: с. 316–333, рис. 3). В целом эпоха непрерывных космо-соларно-магнитных аномалий, группирующихся вокруг двух соседствующих «плато», по принятым мною критериям, охватывает период ≈ 3400 –2450 гг. до н. э., а по более широким критериям, применяемым М. А. Кульковой, ≈ 3500 –2350/2250 гг. до н. э. Автор этого открытия (Кулькова 2007: с. 324–330, табл. 2), а также автор этих строк (Мачинский 2002б: с. 52–55) обратили внимание, что на эту эпоху падает возникновение и развитие цивилизаций и письменности в Египте и Двуречье, в частности, строительство пирамид и сооружение царских могил Ура, расцвет кикладской культуры со скульптурами «дев» и ритуальными «сковородами», Троя эпохи «клада Приама», появление в афанасьевской культуре Южной

² Участки на калибровочной кривой, когда конвенциональный радиоуглеродный возраст почти совсем не растёт с увеличением календарного возраста в продолжение 2,5–4 столетий.

³ Как в это время обстоят дела в Новом Свете (Америке), мне пока неясно.

⁴ Термин «Евразия» я здесь и далее употребляю в его первичном географическом значении – как название суперконтинента, объединяющего две неразрывно слитые части света – Европу и Азию. То, что «евразийцы» 1920–1930-х гг. и некоторые их современные эпигоны (историки и политики) называют Евразией во вторичном смысле (территория, почти совпадающая с пределами Российской империи), я в соответствии с античной традицией обозначаю словом «Скифия».

Сибири уникальных скульптур трёхглазых «дев» и «мужей» (до 4,68 м в высоту) – свидетельство древнейшей эзотерической традиции, прокладывание сакральных и одновременно многофункциональных путей между Сибирью и Эгеидой и многое другое.

Также на калибровочной кривой, по тем же критериям, выделяется период 1500/1600–1950 г. н. э., а собственно «плато» охватывает 1700–1950 г. н. э. (позднее 1950 г. калибровочная кривая не строится). Эта эпоха отмечена беспримерным «прогрессом» европейской цивилизации во всех областях и её мощной и жёсткой экспансией, объединившей почти всё человечество в системе её колониальных империй, равно как мировыми войнами и, наконец, созданием ООН и Совета безопасности. Для России это время колонизации Сибири и Дальнего Востока, присоединения Кавказа и Средней Азии и имперского государственного строительства, сопровождаемого расцветом и подавлением культуры – от реформ Петра до создания ГУЛАГа и Варшавского пакта.

Некоторые исследователи предполагают, что «пики» подобных эпох повторяются с периодичностью около 2400 лет.

Обычно связь между изменениями космического и солнечного излучения и магнитного поля, с одной стороны, и интенсификацией духовной и материальной жизни – с другой, объясняют примерно по следующей схеме: космо-соларно-магнитные изменения (КСМИ) влияют на климат (например, увлажняются полупустыни), это влияет на растительность, что, в свою очередь, ведёт к изменению хозяйства, после чего начинаются крупные социальные сдвиги и миграции и возникают новые этнополитические образования и государства. Вероятно, подобная цепочка, соответствующая жизни трёх-четырёх поколений, в ряде случаев действительно имеет место⁵.

Однако некоторые факты, засвидетельствованные археологией и имеющие точные калиброванные радиоуглеродные даты, показывают, что иногда кардинальные социально-политические и религиозно-мировоззренческие новации происходили сразу же после начала радикальных КСМИ, в пределах жизни одного-двух поколений.

Так, в пределах 822–781 г. до н. э., т. е. рубежом IX–VIII вв. до н. э., датируется ныне курган Аржан 1 в Туве (Зайцева, Чугунов, Алексеев и др. 2007: с. 251–262) – не имеющее прямых аналогий в более раннее время грандиозное погребение-святилище «царя», возглавлявшего древнейшее мощное объединение ранних кочевников и «полукочевников», возникшее в межгорных и предгорных степях Центральной Азии во второй половине IX в. до н. э. Сам «царь», судя по костным остаткам, человек преклонного возраста, родился не позднее 850 г. до н. э. На обнаруженных в Аржане 1 сравнительно немногочисленных предметах (курган ограблен в древности) присутствуют, однако, почти все основные образы складывающегося «звериного стиля», выражающего мировоззрение ранних кочевников. Напрашивается предположение, что резкие КСМИ воздействовали не только на климат и растительность, но и непосредственно и немедленно на человеческие популяции и на их лидеров, возможно, ещё во внутриутробный и детский периоды формирования индивидуумов новых поколений, сообщая им дополнительную энергию, что при других способствующих обстоятельствах приводило к возникновению новых экономо-социополитических структур и мировоззренческих систем.

⁵ Хотя, также в ряде случаев, радикальные изменения климата (например, похолодания, фиксируемые льдами Гренландии) возникают не после начала КСМИ, а предшествуют им. Так, «малый ледниковый период» 1300–1850 г. начинается раньше эпохи КСМИ 1500/1600–1950 г.

Однако для VI–IX вв., времени Великого расселения славян, возникновения и экспансии ислама, начала эпохи викингов, возникновения Франкской империи, а затем и сложения ранних русских протогосударств, подобные КСМИ и резкие изменения климата отсутствуют. Попытки связать те или другие миграции и социально-экономические сдвиги со сравнительно незначительными постоянными колебаниями солнечной активности и климата пока малоубедительны. Различные этносы и ранние государства на примерно одинаковые «вызовы» (термин А. Тойнби) природного и человеческого характера отвечают совершенно по-разному – по-видимому, в соответствии со своим сформировавшимся этнопсихологическим складом, а также с состоянием в данный исторический момент своей таинственно изменяющейся энергетики.

Отмечу, что и эпоха жизни уникальной личности – Иисуса из Галилеи, а также формирования первоначального христианства и гностицизма, возникновения и расцвета Римской империи и первых достоверных сведений о славянах античных авторов (суммарно 27 г. до н. э. – 180 г. н. э.) также лежит вне пределов резких КСМИ и климатических изменений.

Какими путями разнородная энергетика таких эпох связана с пульсациями разнородных энергий космоса, солнца и земли (или здесь действуют иные, ещё не понятые нами импульсы Живой Вселенной), пока можно только предполагать (или постигать на образно-интуитивно-религиозном уровне).

В целом через всю историю человечества неуклонно проходят действующие (то быстрее, то медленнее) тенденции к увеличению численности населения Земли, усложнению и совершенствованию всех технологических процессов, познавательно-информационных возможностей и экономо-социополитических структур, а также к установлению устойчивых, всё более дальнедействующих, а позднее и глобальных связей и объединению всего человечества в единый организм (что предполагает и необходимые противоречия внутри него). Некоторые из этих доминирующих тенденций (иногда в замедленном, иногда в резко ускоренном варианте) отчётливо выявляются в процессах, предшествующих (I–VIII вв.) и сопутствующих (середина VIII – середина XI в.) сложению древнерусской государственности.

4. Не следует чрезмерно преувеличивать значение «экономики» (в современном смысле слова) в истории Руси-России, особенно в начальный период – VIII–X вв., во всяком случае, не рассматривать её в традициях марксизма как пресловутый «базис». Как известно, при формировании русского государства огромную роль играло освоение этносоциумом «русь» речных, морских и сухопутных путей Европы и Юго-Западной Азии, обычно неточно именуемых «торговыми путями». Мне уже приходилось писать о том, что эти пути и поездки по ним в VIII–X вв. (как и подобные им в более ранние эпохи) в целом были и сакральными, и торговыми, и военно-завоевательными, и военно-грабительскими, и данническими, и дипломатическими, и познавательно-воспитательными – с преобладанием в каждом конкретном случае той или другой комбинации функций (Мачинский 1998; 2002: с. 38–44; Мачинский, Кулешов 2004).

Для Руси VIII–X вв. (а отчасти и позднее) актуально то отношение к получаемому в результате войн, даней и торговли «богатству», которое прекрасно охарактеризовано в книге А. Я. Гуревича применительно к скандинавам VII–XI вв. (Гуревич 1970: с. 28, 65–81). Имущество в ту эпоху не представляло богатства в современном понимании, не было базой для дальнейшего накопления и чисто экономического могущества;

получение прибыли, стяжание, постоянное накопление были чужды тому обществу. Наоборот, постоянное отчуждение приобретённого богатства повышало общественный престиж; обмен дарами, раздача даров – по сути магичны, это приобщение к дарованной свыше счастливой судьбе конунга (князя)-дарителя. Стремление к обретению серебра и золота имело религиозный характер, в них материализовались удача, счастье и слава.

Древнейшие многофункциональные пути, по которым передвигались и русы, и часто примыкавшие к ним скандинавы, были направлены в сакрально приоритетные места – в Прикамье, в Константинополь, в Багдад.

«Мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое» (Константин Багрянородный) ежегодное плавание русов по этим путям являлось, наряду с его практическими целями, выражением и сбросом колоссального запаса энергии, проявившегося и в Великом расселении славян, и в «эпохе викингов». Эти поездки и походы и для отдельных вождей, и для спаянных вокруг них военно-торговых сообществ были одновременно и способом постижения предназначенной им судьбы, и испытанием своих возможностей корректировать её.

5. Само собой разумеется, что следует опираться на проверенные временем и научной критикой письменные источники, археологические и лингвистические данные. Но необходимо сделать несколько оговорок.

Парадоксально, когда опытные исследователи отказываются использовать данные, содержащиеся в письменных источниках, фиксирующих скандинавскую эпическую традицию, будь то «саги о древних временах», или даже «Сага об Инглингах», и при этом с огромным доверием и без должной критики текста относятся к содержащемуся в летописях «сказанию о призвании варягов», обнаруживая в нём даже юридически полноценный договор некой «конфедерации племён» (сведения о которой отсутствуют в сообщениях летописей) с приглашёнными князьями, договор, который они на равных сопоставляют с договорами Альфреда Великого с Гутрумом, предводителем датского войска в Англии, и Карла Простоватого с Ролло, вождём викингов, обосновавшихся на нижней Сене, не замечая, что ранние сообщения летописей – это те же «саги о древних временах», только, в отличие от скандинавских, крайне сокращённые (Мачинский, Панкратова 2002). Критика такой позиции дана в статье П. В. Шувалова в настоящем сборнике.

Несомненно, фрагменты эпической традиции, содержащиеся и в скандинавских, и в древнерусских записанных текстах, после тщательной критической проверки становятся чрезвычайно ценным источником. Готская эпическая традиция о событиях I–IV вв. н. э., зафиксированная Аблабием – Кассиодором – Иорданом в VI в. (и отчасти отражённая в сказаниях Младшей Эдды и песнях Старшей Эдды, записанных в Исландии в XIII в.), нашла блестящее подтверждение в данных археологии, в том числе и в той своей части, где речь идёт о древнейших славянах – венетах и антах. То же можно сказать о русской летописной и скандинавской «саговой» эпических традициях о событиях в Восточной Европе в VIII–IX вв., подтверждённых, в основных чертах, данными других письменных источников, археологией и лингвистикой.

В последние годы я с меньшим доверием, чем прежде, стал относиться к абсолютным датам, основанным на дендрохронологии.

Дендрохронология Ладоги и Рюрикова городища для середины VIII – конца X в. построена на основе новгородской дендрохронологической шкалы, достоверность которой, к сожалению, в ранней своей части вызывает сомнения.

Приведу цитаты из одной ныне подзабытой статьи, посвящённой синхронизации и проверке взаимных сопряжений кривых роста годичных колец деревьев из культурного слоя Новгорода, с одной стороны, и из конструкций новгородских церквей с известными датами строительства – с другой. Синхронизация велась от поздних построек к ранним. Вот каковы результаты проверки шкалы Неревского раскопа: «Первый этап работ с кривыми XIII–XV вв. выявил полную корректность всех выполненных ранее сопряжений, однако по мере продвижения вглубь на границе XII–XIII вв. мы начали сталкиваться со сбоями, число которых возрастало по мере удаления за пределы середины XII в.»; «Так, для 14 сопряжений кривых дерева построек XI–XII вв. для 50% имелись сбой от нескольких колец до нескольких десятков их... Работа по устранению всех выявленных несоответствий продолжается, чему способствует привлечение новых материалов X–XII вв. Несомненно, в будущем эти отрезки шкалы будут полностью откорректированы». Проверка сопряжений на Троицком раскопе завершается фразой: «Мы не берёмся комментировать те коррективы, которые имели место, ибо это тема самостоятельного исследования с детальной разработкой и привлечением данных стратиграфии» (Урьева, Черных 1995: с. 106–114). Ясно, что и на Троицком не всё в порядке.

Мне неизвестны специальные тщательные исследования, продолжившие намеченную в цитированной статье важнейшую тему. Через какой-то срок после написания статьи А. Ф. Урьева уехала за рубеж, и прозвучавшие тревожные сигналы как-то заглохли.

Но в любом случае достаточное доверие может вызывать лишь относительная, а никак не абсолютная датировка вещей и событий на базе дендрохронологической шкалы Северо-Запада России середины VIII – середины XII в. Необходимо продолжить работу по уточнению нашей шкалы, сопоставив её с дендрохронологической шкалой Северной Европы, в частности Хедебю, Треллеборга и т. д. Хорошо бы соотнести дендрохронологию Северо-Запада с глобальной калибровочной кривой, как это было сделано для скифских памятников IX–III вв. до н. э. Пока же, видимо, можно пользоваться дендродатами Северо-Запада ранее середины XII в. с большой осторожностью, допуская возможную ошибку от нескольких до 20–30 лет.

6. В ряде статей я, чуть ли не впервые, обратил внимание исследователей на то, что не существует ни одного списка «Повести временных лет» (ПВЛ), в котором было бы написано, что Рюрик первоначально «сѣде... в Новѣгородѣ», а в пяти из семи наиболее древних и достоверных сообщается, что все три призванных от варягов-руси брата совместно «срубиша (сѣдѣлаша) городъ Ладогу и сѣде старейший въ Ладозѣ Рюрикъ». Такое же чтение имелось в утраченных списках В. Н. Татищева с вариантом «утвердиша городъ Ладогу».

Рассказ Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛм) о первоначальном приходе Рюрика в Новгород является вторичной и «проновгородской» обработкой исходного предания, обнаруживающей ряд внутренних противоречий и пропусков (Мачинский 1982; 2002а; 2003а; Müller 1967; Мюллер 2000).

Наиболее полно исходный текст устного эпического сказания сохранён в Ипатьевском (И) и Хлебниковском списках ПВЛ (Творогов 1997).

Некоторые попытки возражений А. А. Гишпиуса несколько обесценены преимущественной направленностью полемики против того, что я и не утверждал (Гишпиус 2007), посему не вижу смысла перегружать и так перенасыщенную статью малопродуктивной дискуссией и откладываю её на будущее.

Как и прежде, я опираюсь на некоторые драгоценные сведения, сохранённые в «Истории Российской» В. Н. Татищева, в частности на Раскольничью летопись (Р).

Позорная книга А. Толочко (2005), в которой с помощью ряда передержек и неточностей неподготовленному читателю внушается, что В. Н. Татищев был мастером подлога и мистификации, сама по себе является подлогом. Если в ближайшее время никто из российских учёных не даст развёрнутого анализа и опровержения основных выводов этого опуса, то придётся это сделать мне, опираясь на консультации петербургских русистов-источниковедов.

Я избегаю употреблять для обозначения первичных русских этно-социо-политических образований середины VIII в. – 988 г. ныне принятые термины «вождество», «стратифицированное общество», «потестарное общество/государство», поскольку первый звучит как-то не по-русски, а все три, по буквальному смыслу своему (potestas ‘сила, власть’; «потестарное» – основанное на силе власти) могут быть применены к весьма различным сообществам – от «стратифицированных» стад высокоразвитых обезьян до некоторых современных государств, возглавляемых, по существу, «национальными вождями». Не использую я и термин «предгосударственное образование», декларирующий некий несовершенный, подготовительный характер обозначаемого, ценного как бы только тем, что из него позднее выросло настоящее «государство».

Каждая эпоха в развитии этносоциополитической общности обладает своей особой самодовлеющей ценностью и неповторимостью и заслуживает достойного имени. Посему изучаемые образования, из коих позднее преемственно выросли и Древняя Русь, и Российская империя, я предпочитаю называть «русскими протогосударствами». Протός ‘первый, первоначальный’, отсюда – «протогосударство», так же как «протограф» – первичный текст, к которому восходят позднейшие тексты.

Полагаю, что дорюриково севернорусское политическое единство, возглавляемое этносоциумом русь/гѣс, глава которого уже в 830-х гг. смел именовать себя на международной арене «имперским» титулом «хакан» и посылать послов-шпионов к Ромейскому и Франкскому императорам, а его «руссы» ездили торговать в «Румское море», в Багдад и Хазарию и проявляли хорошее знакомство с мировыми религиями, хотя имели и собственную (выраженную в погребально-сакральных «сопках» высотой до 12 м и т. д.) – такое единство имеет право называться «русским протогосударством».

7. Статья представляет читателю сугубо авторское видение начальной русской истории. За редкими исключениями, я отказываюсь от полемики с коллегами и опираюсь только на те системные фактические данные (письменных источников, археологии, нумизматики, лингвистики), которые я считаю доказанными или наиболее вероятными. Преобладание ссылок на собственные статьи и, в меньшей степени, на работы некоторых петербургских авторов, опубликованные не в центральных изданиях и потому малоизвестные, связано с необходимостью обратить внимание на те работы, где используемые мною данные уже приведены и/или проанализированы. Несмотря на некоторые наивности и неточности в моих ранних статьях, я ссылаюсь на них, если согласен с их основными выводами и ныне. Ссылки на труды большинства моих предшественников и современников минимальны, поскольку затрагиваемые проблемы обсуждались столь долго и интенсивно, что ссылочный аппарат мог бы превзойти по объёму основной текст. Я совершенно не претендую на приоритет в том или ином утверждении или высоковероятной гипотезе, и если я опираюсь

на них, то это означает, что либо я пришёл к ним независимо и иным путём, чем другие, либо проверил их всеми доступными мне способами и включил в собственные построения.

В отдельных случаях я пользуюсь не изложением бесчисленных фактических данных и не «научными дефинициями», а ёмкими образами и «символическими фактами», обнаруженными в письменных источниках и доосмысленными мной и иногда более точно выражающими суть происходившего, чем невместимая в сжатый текст фактологическая аргументация. Следует помнить, что многое из того, что историки считают установленными фактами, является лишь «высоковероятностями», проверяемыми их логичной соотнесённостью с другими «высоковероятностями», в результате чего возникает логически и образно непротиворечивая картина, которую честные исследователи принимают как наиболее адекватно отражающую действительный ход и причинную связь событий.

Место действия

На западе суперконтинента Евразия находится не отмеченный в учебниках географии огромный «Европейский полуостров», омываемый незамерзающими морями, в южной части которого у эллинов и римлян и зародилось, и развивалось само понятие «Европа». Его восточной границей является широкий перешеек в месте максимального сближения Чёрного и Балтийского морей между Вислинским заливом и Днестровским лиманом. К востоку от перешейка и севернее Чёрного моря, Кавказа, Каспийского и Аральского морей, среднеазиатских пустынь, Тянь-Шаня, Нян-Шаня и Китайской стены лежит монолитная, с суровым континентальным климатом северо-восточная часть Евразии, которую античная географическая традиция, постепенно расширяя свой кругозор, к I–II вв. н. э. обозначила именем «Скифия» (подробнее: Мачинский 1986; 1988; 1993; 2001). Иногда западная часть этой Скифии – от Волги до Вислы – именовалась Сарматией, а западнее Вислы помещалась Германия (Кл. Птолемей). На самом деле границей зоны доминирования сарматов была, по данным того же Птолемея, а также Плиния Старшего и Тацита, не Висла, а расположенная восточнее неё область «обоюдного страха» (Гас. Germ. I) между германцами и сарматами (Мачинский 1976; Мачинский, Тиханова 1976; Мачинский 2008). С привлечением данных археологии можно утверждать, что «энергетическая» и этнокультурная восточная граница доминирования германцев во II в. до н. э. – II в. н. э. проходила примерно по среднему и верхнему течению Западного Буга и верхнему Поднестровью (карты 1, 2).

Географическая, климатическая и этнокультурная граница, отделяющая Европейский полуостров от Скифии (или Скифии + Сарматии), чутко улавливалась растениями и... славянами. Западной границей «славянской прародины» является установленная, в основном, по данным XIX – начала XX в. знаменитая «буковая граница», восточная граница распространения бука, идущая от побережья Балтики между устьем Вислы и Кёнигсбергом, пересекающая Западный Буг в его нижнем и верхнем течениях, выходящая на средний Днестр и поворачивающаяся на запад к Карпатам чуть южнее Кишинёва. Неподалёку от этой границы проходят и восточные рубежи произрастания ряда других центральноевропейских деревьев, названия коих отсутствовали в общеславянском языке

до Великого расселения славен-склавен и были заимствованы ими при миграции на запад из германских и иных языков. Все виды деревьев, произрастающие восточнее, между Западным Бугом и Днестром, имеют в славянских языках исконные наименования (Rostafiński 1908; Moszyński 1925; 1957; 1962; Godłowski 1979).

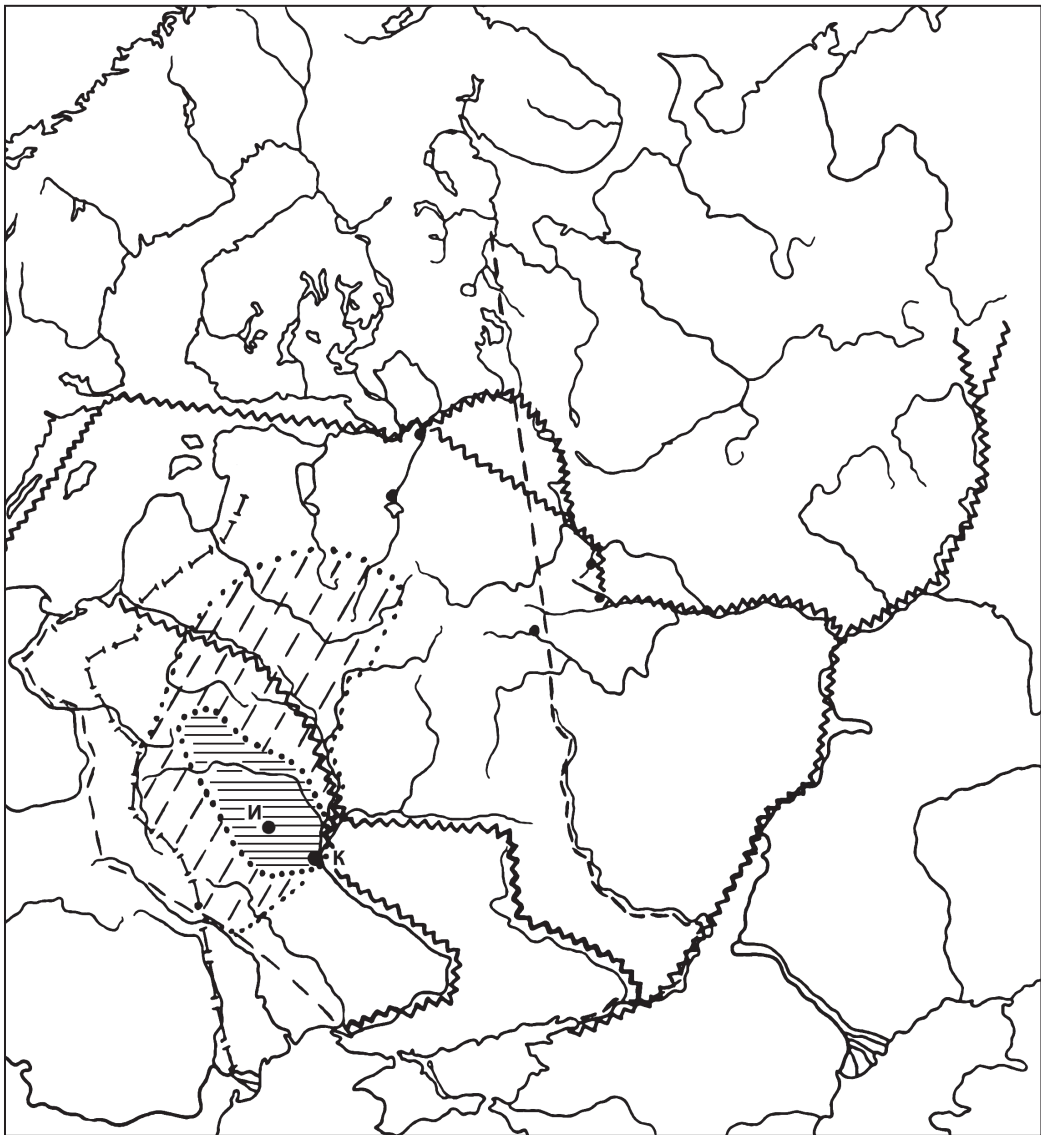
Данные палеоклиматологии показывают, что в I–IV вв. климат в Европе был несколько теплее, нежели в XIX в., и «буковая граница» могла пролетать даже несколько северовосточнее. Важны и новые данные палеоихтиологии, указывающие на первичную прародину славян западнее Березины и Днестра и севернее Припяти (Коломиец 1983).

В пределах огромной Скифии античная традиция выделила особую область на западе, расположенную в бассейнах рек, впадающих в Чёрное море и Балтику (на которых издревле господствовали европейцы – эллины и северные германцы) и прямо или опосредованно сближающихся друг с другом своими верховьями. Восточной границей этой территории, получившей название Европейской Скифии (Сарматии), был выбран Танаис (Дон), а также линия, идущая от его истоков прямо на север до Ледовитого океана. Далее за Доном начиналась Азиатская Скифия (иногда Сарматия + Скифия), простирающаяся до Северного и Восточного (Тихого) океанов и Китая (Мела, Плиний Старший, Кл. Птолемей).

Гениально намеченное эллинами и римлянами членение Северной Европы, когда собственно Европа в основном соотносилась с территорией Европейского полуострова, а прилегающая с востока континентальная область именовалась Европейской Скифией, являясь и частью Европы, и частью Скифии – такое членение предопределило многое в дальнейшей судьбе этносов, населявших Европейскую Скифию и, в первую очередь, наиболее динамичного и энергоснаряженного из них – славянства.

Греко-римскому миру I–VI вв. были доступны какие-либо знания об этносах, реках и горах Европейской Скифии лишь не севернее Финского залива, озера Ладога и Верхнего Поволжья. Область, лежащая южнее, и является собственно реальной Европейской Скифией, о которой имелись хоть какие-то конкретные сведения. И вот в срединной части этой «реальной Европейской Скифии» (далее – просто «Европейская Скифия»), однако тяготея и примыкая к западной её границе, между средней Западной Двиной, верхним и средним Днестром, средним Неманом, Западным Бугом и северной лесостепью, и располагалась в I–IV вв. «прародина славян», несколько меняющая свои границы и смещающаяся к югу и юго-западу. А вся Европейская Скифия является областью сложения Русского государства и этноса, «прародиной» и ядром Российской империи. Столицы (даже кратковременные) русских протогосударств и Древней Руси – Ладога, Невогард, Полоцк, Киев, Чернигов – расположены в Европейской Скифии. До настоящего времени две столицы России – Москва и Санкт-Петербург – также расположены в её пределах (карты 1, 2).

Само название «Европейская Скифия» и её географическое положение предполагали различные конкурирующие, сменяющие друг друга или совмещающиеся и актуальные до сих пор варианты самоидентификации: быть органичной частью Европы; быть частью всей Скифии с её пространственно (а иногда и политически) доминирующими азиатскими просторами; быть чем-то связующим между собственно Европой, Азиатской Скифией и лежащей южнее её собственно Азией; быть чем-то неопределённо промежуточным между ними; или, наконец, быть самой собой, Европейской Скифией или Русью, особой цивилизацией и силой.

Карта 2. Территория славян, этнокультурные границы и торгово-полифункциональные пути в I–IV вв.

- границы Европейской Сарматии, по Кл. Птоломею
- |-|-| восточная граница Германии, по Тациту
- ⊗ зона обитания и военной активности венетов в конце I в. н. э., по Тациту
- ⊙ древнейшая «корчакская» культура славян, по И. О. Гавритухину, и область венетов (славян), по Иордану (IV в.)
- ~~~~~ торгово-полифункциональные пути
И – Искоростень, К – Киев

Предыстория Руси

Базовым этносом в процессе возникновения древнерусской государственности и народности являются славяне. Но поскольку сам праславянский язык некогда отпочковался от прабалтийской ветви индоевропейского языкового древа, необходимо дать сверхкраткий очерк доминирующего уже полвека направления в изучении «балтославянской» проблематики (подробнее: Топоров 2006; Мачинский 2008).

В срединной части Европейской Скифии, от Балтики до междуречья Оки и Дона, от поречья Западной Двины до бассейнов Припяти и Сейма включительно, судя по данным сравнительного языкознания, топонимики и письменных источников, во II–I тыс. до н. э. доминировало население, говорившее, по терминологии В. Н. Топорова, на прабалтийских диалектах, среди которых был и протославянский диалект, наиболее близкий западным прабалтийским диалектам (Топоров 2006: с. 20).

Одновременно с начавшимся во второй половине I тыс. до н. э. обособлением праславянского языка происходит расхождение западной, срединной и восточной диалектных групп прабалтийского языкового массива и начиная с V–VII вв. возникают ранние формы собственно балтийских языков (пруссский, литовский, латышский, голядский (?) и др.) (Топоров 2006: с. 16–20, 33–35; Коряков 2006: с. 220–221, карты 1, 2).

Балтийская языковая стихия, в которой укоренена славянская, является для последней широким протоком, соединяющим её напрямую с исходной стихией древнего индоевропейского диалектного континуума. Даже современные балтийские языки (особенно литовский) превосходят все другие индоевропейские языки особой близостью к реконструируемому исходному индоевропейскому состоянию (Топоров 2006: с. 14–16).

Гипотеза о начале выделения праславянского языка из прабалтийского континуума около V в. до н. э. (т. е. ещё в «эпоху мощной интенсификации жизнетворчества» IX–IV вв. до н. э.) имеет пока слишком умозрительный характер (Топоров 2006: с. 34). С большой долей уверенности можно лишь на базе сопоставления письменных, топонимических и археологических источников утверждать, что в середине I в. до н. э. – середине III в. н. э. в бассейнах среднего и верхнего Немана, Березины и Припяти существовал особый этнос, который его германоязычные соседи (бастарны, готы и др.) обозначали именем, передаваемым по латыни как «venethi», но который имел и своё собственное, вполне «славянское» самоназвание (Мачинский 2008; Кулешов 2008).

До недавнего времени общепринятой была реконструкция этого древнейшего имени как *slověne, но в последнее время выдвинута другая аргументированная реконструкция, основанная на формах бытования и транскрипции исходного этнонима в соседствующих иноязычных традициях (греческой, латинской, германской, венгерской), а также на данных топонимики, сопоставляемых со свидетельствами письменных источников и археологии. Согласно с вышеозначенными данными древнейшее самоназвание следует реконструировать для I – середины IX в. как *slavēne (*slavēnai), с вероятным вариантом *slavāne (*slavānai), при возможном существовании краткой бессуффиксной формы *slavai (основа *slav-) (Тохтасев 1998: с. 30–31; Кулешов 2008; Мачинский 2008). Лишь примерно с VIII–IX вв. огласовка этнонима стала принимать форму *slověne, которая постепенно возобладали после середины IX в. и адекватно отражена в ранних памятниках славянской письменности и этнониме «словѣне» (ильменские).

К началу раннего периода (суммарно последняя треть I – середина II в. н. э.) относятся сведения Тацита об этносе *venethi* и Кл. Птолемея (восходящие, вероятно, к Марину Тирскому) об этносе *Σταυανοί*. В этнониме *Σταυανοί*, после привлечения данных топонимики и археологии, с уверенностью усматривается искажённый выпадением буквы *λ* этноним **slavēne*/*slavāne* в греческой огласовке и транскрипции со вставным *τ* между *σ* и *λ* (Шафарик 1837–1848; Lowmiański 1964; Иванов, Топоров 1980; Мачинский 1976; 2008; Мачинский, Тиханова 1976). Первоначально он должен был выглядеть как *στλαυανοί* – форма, близкая к зафиксированным в рукописях, восходящих к текстам VI в., греческим формам вроде *Στλαβηνοί*, *Σθλαυηνοί* (Свод 1 1994: с. 465) или латинским формам со вставным «с» во франкских рукописях IX в., восходящих к анналам начала IX в., – *sclavani*, *Sclavania* (Свод 2 1995: с. 447, 464–466).

Суммарно намеченная Тацитом территория и обитания, и «разбойных» набегов венетов занимает огромную область от певкинов-бастарнов (севернее верхнего Поднепровья) до финнов (южнее Приильменя), от «настоящих» германцев (Западный Буг) до зоны доминирования сарматов (лесостепь и Среднее Поднепровье). Ст(л)аваны занимают на реконструируемых и сопоставленных картах Тацита и Кл. Птолемея срединную часть области доминирования венетов, на некоем пути между прибалтийскими балтами (галинды и судины) и аланами-скифами, доминирующими в это время среди ираноязычных степняков, т. е. реально в бассейне сближающихся истоками и притоками Немана, Березины и Припяти (Мачинский 1976; Мачинский, Тиханова 1976; Мачинский 2008) (карта 2).

Наиболее полно этим ранним славенам-славянам-ст(л)аванам территориально, хронологически и культурно соответствует культура поздней штрихованной керамики (КПШК) середины I в. до н. э. – середины III в. н. э., а также расположенные восточнее и близкие ей группы памятников, отчасти продолжающие традиции милоградской культуры (суммарно между средней Западной Двиной, средним Неманом, верхним Днепром, а также на севере Припятского Полесья). Уже с I в. до н. э. чувствуется взаимодействие КПШК с зарубинецкой культурой Полесья (ЗКП), оставленной (как и поднепровские варианты ЗК) бастарнами (Мачинский 1966; Мачинский, Тиханова 1976: с. 72–76; Каспарова 1978; Шукин 1994: с. 116–119; Ерёменко 1997), носителями некоего германского языка, возможно, имевшего элементы, сближавшие его с языками кельто-иллирийского круга (Страбон, Плиний Старший, Тацит, Тит Ливий и др.). Симптоматично существование в середине I в. до н. э. – 70-х гг. н. э. городища Ивань (КПШК) в северном Полесье, в керамике которого чувствуется влияние ЗКП и возникают формы типологически переходные к раннеславянским «корчакско-пражским» формам сосудов IV в. н. э. (Егорейченко 1996: с. 31–34; 2006: с. 109; Гавритухин 2003: с. 135–136). Важным рубежом в развитии контактов КПШК и ЗКП является гибель в середине – третьей четверти I в. н. э. ЗКП как самостоятельного культурного явления.

После этого в Полесье и Подляшье, к югу от КПШК, возникают поселения и могильники конца I – начала III в., несущие черты и КПШК и ЗКП (Хабищи, Курадово, Радость-2, Красное село и др.), а элементы ЗКП распространяются на основной части территории КПШК. Эти недавно исследованные памятники («группа Курадово») частично заполняют ту «зону археологической трудноуловимости», которую я когда-то выделил на территории Полесья, будучи уверенным, что именно здесь будут обнаружены базовые древности славян конца I–V вв. (Мачинский 1976; Мачинский, Тиханова 1976).

На базовую, хотя внешне мало заметную роль «славено-балтской» КПШК в сложении культуры древнейшего славянства и на участие в этом традиций ЗКП я также обращал внимание давно и многократно (Мачинский 1976; 1981; 1989; 2008). Теперь к этой же мысли пришли и другие исследователи, которые, однако, склонны акцентировать в этом взаимодействии ведущую роль более яркой «бастарнской» ЗКП (Гавритухин 2003; Беявец 2004; Беліцкая 2006; Беявец, Вяргей 2005).

Рубежным событием в истории славянства и всей Европейской Скифии является проникновение в её лесостепную и степную чернозёмные зоны около рубежа II/III – начала III в. н. э. готов, вандалов и других германских племён. В сфере археологии это отражается в появлении здесь гото-гепидской вельбаркской культуры, на базе которой с участием местных и провинциально римских культурных элементов возникает черняховская культура, соответствующая готским протогосударствам.

В это же время (конец II – середина III в.) на территории Белоруссии и Восточной Литвы прекращает своё существование большинство памятников КПШК и, возможно, «группы Курадово». При этом в отношении КПШК речь не идёт о насильственном прерывании развития культуры, а, скорее, об уходе её носителей (Ушинскас 1989; Егорейченко 2006: с. 110–112). Западная часть её территории занимается в конце II–III вв. в результате этнокультурного импульса с запада балтской культурой восточно-литовских курганов, а восточная часть заселяется к IV в. носителями банцеровской культуры, распространяющейся с северо-востока. Из этого следует, что выселяться носители КПШК могли лишь на юг, в Припятское Полесье и прилегающие к нему территории.

И именно на территории восточной Литвы, там, где балтская культура сменяет «славенскую» КПШК, обнаруживается мощный пласт топонимов (преимущественно гидронимов) с корнем *šlav-*, соответствующий той западной части ст(Л)аванов Кл. Птолемея, которая в первой половине II в. и граничила с западными балтами-судинами. С середины III в. н. э. и до настоящего времени эта территория занята доминирующим балтским населением, и поэтому возникновение этого пласта «славенских» балтских топонимов не могло произойти позднее III в. н. э. (река *Šlavanta*, озеро *Šlavantas*, река *Šlavė*, на которой расположена деревня *Šlavėnai* – т. е. река Слава и деревня Славены, поле *Šlavintai* и городище КПШК Славичи в соседней Белоруссии и т. д.) (карта 2).

Лингвистический анализ этого гидронимического пласта показывает его исконную связь с этнонимом **slavēne/slavāne* (Vanagas 1981; Мачинский 2008; Кулешов 2008). Очень сходный стук гидронимов с корнем *slav-/slov-* наблюдается к югу от Припяти, на территории, насыщенной и иными архаичными славянскими и балтославянскими гидронимами (Трубачёв 1968: с. 282–285, карты 11 и 16) и соответствующей более поздней «славянской прародине» середины III – конца IV в.

Таким образом, можно считать доказанным, что носители КПШК (или какая-то часть их) в середине I в. до н. э. – середине III в. н. э. уже имели самоназвание **slavēne/slavāne*, которое было хорошо известно их западным соседям и родственникам по языку – балтийским галиндам, судинам и эстиям. Тацит, подходящий к описанию населения срединной части Европейской Скифии с юго-запада, со стороны германцев, знает их германское имя – *venethi*, а Кл. Птолемей, перечисляющий этносы с запада на юго-восток, со стороны западных балтов, знает собственное имя славен в западнобалтской огласовке, переданной и транскрибированной в соответствии с нормами греческого

языка – $\Sigma\tau(\lambda)\alpha\upsilon\alpha\nu\omicron\iota$, соответствующее и территориально, и хронологически, и лингвистически пласту восточнолитовских гидронимов с корнем $\mathit{slav-}$.

Сам этноним $*\mathit{slav\acute{e}ne}$, возможно, говорит о выраженном самосознании его носителей. Он восходит (с наибольшей вероятностью) к балтославянскому $*\mathit{sla\check{c}-}$ ‘звать, называть’, продолжающемуся в общеславянском slovo ‘слово’, sluti ‘слыть, быть тем, о котором говорят, быть знаменитым’, slava ‘слава, хвала’, а также в латышском slava ‘слава, хвала’, литовском $\mathit{\acute{s}lov\acute{e}}$ ‘слава, хвала’. Таким образом, самоназвание $*\mathit{slav\acute{e}ne}$ могло означать либо «обладающие речью (словом)», в отличие от неких иноязычных соседей (например, бастарнов и сарматов), либо «те, о ком говорят» (Тохтасьев 1998; Кулешов 2008; Мачинский 2008).

Возникновение подобного этнонима маловероятно в период и в обстановке прабалтопротославянского языкового континуума II–I тыс. до н. э., когда языковые различия были лишь на уровне разных диалектов. Возможно, толчком послужило появление в Полесье и на средне-верхнем Днепре в первой половине II в. до н. э. новых соседей: германцев-бастарнов. Но также надо отметить, что сама КПШК возникает, как убедительно показал А. А. Егорейченко, на базе КРШК (культура ранней штрихованной керамики) в результате «пассионарного взрыва», датируемого в южной части КПШК не ранее середины I в. до н. э., а севернее, вероятно, рубежом эр (Шукин 1995; Егорейченко 2006). Очень быстро орудия труда и оружие из кости и камня, доминирующие в КРШК, сменяются железными, в КПШК увеличивается количество укрепленных городков («городищ» в археологической терминологии), защищенных более мощными и сложными фортификационными сооружениями; КПШК сильно распространяется в южном направлении, по сравнению с территорией КРШК, что говорит о захвате и заселении новых земель на юге, явно усиливается общая военизация жизни. В целом начиная с середины I в. до н. э. до середины III в. н. э. в Белоруссии и восточной Литве существует та единая культура, на территории которой в последней трети I в. н. э. фиксируются «venethi» Тацита и в первой половине II в. – $\mathit{st(l)avani}$ Кл. Птолемея (карты 1, 2).

После гибели ЗКП, совпавшей с вторжением в европейские степи аланов и движением на запад аорсов и роксоланов, на территории Припятского Полесья возникают поселения и могильники, совмещающие черты КПШК и ЗКП, что говорит в пользу того, что носители КПШК ($\mathit{venethi-slav\acute{e}ne}$) также принимали участие в захвате территории бастарнской ЗКП в последней трети I в. н. э., т. е. в период, когда и были получены сведения о венетах, сообщаемые Тацитом (Мачинский 2008).

Столь подробное повествование об этом периоде обусловлено тем, что на базе взаимно коррелирующихся письменных источников, археологии, топонимики и сравнительного языкознания удаётся установить, что многие характерные черты древнерусской и даже всей российской истории в узловые её периоды предвосхищены и заложены в первоначальном славянстве середины I в. до н. э. – середины III в. н. э. Краткости ради, надеясь на эрудицию и ассоциативное мышление читателей, не буду указывать на конкретные ситуации в истории Руси/России, которые в общих чертах повторяют намеченное изначально (об этом см.: Мачинский 2008).

а) По крайней мере, южная часть территории доминирования венетов-славян – Припятское Полесье и Волынь – расположена в зоне «обоюдного страха» между германцами и сарматами (Тас. Germ. I), т. е., упрощая, между Европой и Азией.

б) Однако среди народов, помещаемых в этой зоне и вообще на восточной границе «Германии» (пассивные певкины-бастарны, мирные фенны и эсты), только венеты являются самостоятельной военной силой. «Венеты многое усвоили из образа жизни (сарматов), а именно – они обходят с целью разбоя всё, что возвышается лесами и горами между певкинами и феннами (Tac. Germ. XXVI).

в) Венеты – единственный этнос среди всех описанных Тацитом в «Германии», для которых «разбой» отмечается как форма жизни. Судя по тексту историка, подтверждаемого археологией (доминирование городищ по всей территории КПШК), эти «разбойные» нападения были направлены не только против соседей, но постоянно практиковались и внутри этого праславянского мира. Повышенная и иногда почти немотивированная «разбойность» и «междоусобность» прослеживается и позднее в истории части славянства (Шувалов 2001) и Древней Руси.

г) Вероятно, тот этнокультурный массив, который Тацит обозначает этнонимом «венеты», включал не только славен, но и родственных им балтов на севере – носителей днепро-двинской культуры. Однако общая направленность набегов венетов в сторону певкинов на юг и в сторону феннов на север подчёркивает «меридиональную», картографически «вертикальную» направленность активности славен на юг и на север, предвосхищающую такую же направленность основной структурирующей оси Руси – из варяг в греки и обратно. До этого времени все основные миграции и завоевания в Скифии западнее Урала имели «горизонтальное» направление по оси Восток – Запад, соответствующее природной зональности.

д) Тацит впервые ставит проблему причисления венетов (славен) к германцам («европейцам») или к сарматам (выходцам из Азии), и отнюдь не по лингвистическому критерию. Он склонен зачислить их в (условные) германцы, но их склонность к набегам, заимствованная у сарматов (вероятно, во время совместных акций), протестует против этого. Сомнения Тацита в известной мере разрешает Певтингерова карта (в интересующей части – не позднее начала III в.), где к северу от «Бастарнских Альп», т. е. Карпат, примерно между верховьями Днестра и Вислы, помещены уже прорвавшиеся сюда с севера *venadisarmatae*.

е) На той же карте севернее низовьев Дуная помещены *venadi*, проникшие ещё южнее, к границам античного мира. Это иллюстрирует важнейшую черту славянства, позднее сохранившуюся лишь у восточных славян, – их врождённый миграционизм, перерастающий в колонизацию, порыв на юг и запад (до Эгеиды и Эльбы), а позднее – обратно на северо-восток (и так до Колымы и Магадана). В известной мере, можно сказать, что славянами становились те из прабалтов, которые выбирали миграцию, трудное освоение новых природных зон, связанное с изменением уклада жизни, а балтами – те, кто оставался в родной зоне лиственных и смешанных лесов и там эволюционно совершенствовал традиционные способы жизни. Соответственно и балтские языки сохраняли (и сохраняют до сих пор) архаичность, сближающую их с реконструируемым исходным индоевропейским состоянием, а общеславянский отличался убыстрённым развитием и удалением от этого исходного состояния, что продолжалось затем и в отдельных славянских языках. Таким образом, балтийские языки принадлежат к более раннему «поколению», нежели славянские, и являются по отношению к последним как бы «дядюшками».

ж) Отметим ярко выраженную способность уже этих ранних славян к кардинальной трансформации уклада жизни, военно-производственной оснащённости и обычаев (взрывообразное возникновение КПШК на рубеже эр; появление на «смешанных» па-

мятникова конца I – начала III в. в Полесье и Подляшье могильников, отсутствовавших и в КРШК, и в КПШК; до сих пор таинственное возникновение монолитной корчакско-пражской культуры после середины III в.). Это уравнивается традиционностью, прослеживаемой отчасти и позднее, до VI в. (довольно примитивный и небогатый быт, малое количество «национальных» украшений, бедная формами и орнаментацией керамика, исключительно пешее войско, вооружение дротиками и щитами, крайне слабая социальная дифференциация, отсутствие или зачаточное состояние знати).

з) В срединной части территории венетов-славян I – середины III в. находится система речных путей, образованная сближающимися истоками Березины, Немана, Вилии и северных притоков Припяти, связывающая северногерманский и западнобалтский «миры» Прибалтики с миром ираноязычных кочевников и с античной цивилизацией Северного Причерноморья. Эти пути, проложенные ещё в эпоху эллинизма, особо активизируются в I–III вв. (Мачинский 1981; Гороховский 1982; Мачинский 2008) и обеспечивают ранним славянам роль ключевого, срединного этноса на важнейших дорогах торговых и этнокультурных контактов между Балтикой и Чёрным морем в области севернее «зоны обоюдного страха».

и) Отметим изначальную роль контактов славян и с ираноязычным степным, и с лесным германским миром, с попеременным преобладанием влияния то первого, то второго.

И всё отмеченное в начальной истории славян («праславян») имело место в определившую столь многое в жизни человечества «провиденциальную» эпоху середины I в. до н. э. – конца II в. н. э., эпоху сложения и расцвета Римской империи, объединившей всё Средиземноморье и большую часть Европейского полуострова и начавшей мощное и многостороннее воздействие на германский мир, что со временем стало основой сложения германо-романского ядра Европы. В это же время происходят кратковременная и уникальная проповедь Иисуса, развитие раннего христианства, ещё не ставшего государственной религией, и формирование недолговечного гностицизма, в космическом мировоззрении и образотворчестве которого содержится многое, становящееся актуальным в наши дни и в ближайшем будущем.

Следующий и решающий этап в истории ещё единого славянства хронологически охватывает середину III – середину V в. Территориально ядром, второй «прародиной» его около середины IV в. была область всего Припятского Полесья и примыкающих с юга районов, ограниченная на востоке Днепром от устья Березины до Киева, на юге – верхним Тетеревом около Житомира, с неопределённой северной границей (карта 2).

Эта территория, очерченная по распространению поселений пражской культуры фазы 0, выделенной И. О. Гавритухиным (Гавритухин 1993; 2000; 2003), полностью соответствует той «зоне археологической трудноуловимости», которую ранее выделил Д. А. Мачинский (1976) и которая тогда не была заполнена какими-либо памятниками III–IV вв. В конце IV – середине V в. (фаза 0/1) пражские памятники появляются на верхнем и среднем Днестре, верхнем Западном Буге и верхнем и среднем Повисленье. Наличие в этом же сборнике проблемной статьи И. О. Гавритухина избавляет меня от углубления в тему. Отмечу немного.

В отличие от И. О. Гавритухина, лучшего специалиста по пражской культуре, я упорно продолжаю называть её корчакско-пражской культурой (далее – КПК). Дело в том, что в окрестностях села Корчак на левобережье верхнего Тетерева, неподалёку от Житомира, зафиксировано не менее пяти поселений этой культуры, возникших

около середины IV в., в то время как под Прагой памятники более позднего этапа этой же культуры появляются около середины VI в., – разница в 200 лет. И поэтому термин «пражская культура» дезориентирует читателя в важнейшей проблеме генезиса и «прародины» этого феномена и неправилен хронологически.

КПК фазы 0 и 0/1 отличается цельностью, простотой и таинственностью. Её признаки – открытые (возможно, изредка – укрепленные) поселения, подквадратные землянки с печью в углу и простейшая глиняная посуда, где доминируют горшки «пражского типа» в форме «матрешки без головы», главный признак которых – отсутствие ярких признаков (нет выраженного венчика и плечика, отсутствует орнаментация). При этом сосуды отличаются цельностью и выразительностью формы, плавностью очерчивающих её линий. В ранней КПК почти отсутствуют свои особые и импортные украшения, что усугубляется отсутствием пока не обнаруженных могильников.

Истоки культуры можно искать в сдвигающейся на юг и трансформирующейся КПШК, в «смешанных» памятниках типа Курадово с элементами КПШК и ЗК, прекращающих существование в начале III в., в других группах «лесных» памятников; не исключено и влияние отдельных элементов вельбаркской «готской» культуры. Но в целом появление КПК – это результат ещё одной трансформации предшествующих культурных групп «славянского круга», вызванной неким потрясением.

Хронологически древнейшие поселения КПК пока достоверно относятся к середине – третьей четверти IV в. Однако сформировалась она раньше. На черняховско-вельбаркском поселении Лепесовке – уникальном культурно-сакрально-производственном центре на верхней Горыни, раскопанном М. А. Тихановой, датированном второй четвертью III – второй четвертью IV в. (ок. 240–340 гг.), в слое уничтожившего его пожара обнаружен «корчакско-пражский» горшок (Тиханова 1971; Шукин 1988; Tikhanova и др. 1999). К моменту гибели этого в основе «готского» и одновременно полиэтничного центра в составе его населения были славянки («кухонная» лепная посуда – продукт женского труда). Значит, и характерные горшки КПК уже существовали ко второй четверти IV в. Посуда, близкая корчакской, обнаружена и на черняховских верхнеднепровских поселениях III–IV вв., и на пшеворских («лутийско-вандалских») могильниках типа Спецymeж второй половины II – середины III в. в междуречье Вислы и Западного Буга. Видимо, в эти места не позднее середины III в. уже проникали славене-венеты с элементами КПК. Но где-то же была та базовая территория, где в чистом виде, в этнооднородной среде вырабатывались её характерные признаки?

Таковой и была территория КПК фазы 0, где вскоре должны быть обнаружены более ранние памятники, относящиеся к середине III – второй четверти IV в.

Тем потрясением, которое способствовало кристаллизации КПК, было вторжение в причерноморские лесостепи и степи в начале III в. готов, носителей вельбаркской и основных создателей черняховской культуры и готского протогосударства (Шукин 2005). Под воздействием этих событий в поречье и на левобережье Днепра на базе предшествующих групп памятников, бесосновательно именуемых «постзарубинецкими» (Мачинский, Кулешов 2004; Мачинский 2008), около середины III в. возникает киевская культура (КК). В западной части её территории, между Березиной и Сожем, «у истоков Борисфена» ещё ранее, в I – начале III в. фиксируются некие *nevri/nervi* (Плиний Старший; Аммиан Марцеллин), судя по всему, бывшие «балтийским племенем периферийной зоны» (Гопоров 2006: с. 21). См. подробный анализ источников:

Мачинский 2008. Позднее на территории КК готская эпическая традиция, переданная Кассиодором – Иорданом, знает балтский по наименованию этнос *golthe-scytha*, первый из «северных народов», покорённых ок. 340–375 гг. готским королём Херманариком, локализуемый на пути в Волго-Окское междуречье (Merens) и Приладожье (Thiudos), (Мачинский 1976; Топоров 1979; 1983; Мачинский, Кулешов 2004). На пути же к прибалтийским эстам, т. е. к западу от Днепра, Иордан помещает этнос *venethi* (написание точно то же, что у Тацита). Ввиду путаницы, возникающей у невнимательных к письменным источникам учёных, вынужден вновь привести достоверный и выверенный перевод узловых свидетельств Иордана. Просьба обращать внимание на выделенные латинские слова и их перевод. Вот фрагмент «каталога народов», как называет этот текст Иордан, т. е. словесной этнокарты, отражающей реальность начала VI в.

«...Дакия, укрепленная наподобие венца крутыми Альпами (Карпатами). У их левой стороны, которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленный народ (*patio populosa*) венетов. Хотя теперь их названия (*nomina*) меняются в зависимости от различных родов и мест, преимущественно они называются (*nominaturs*) склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на север до Вислы <...> Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра до Данапра» (Iord. Get. 34–35). Естественно, ни о какой отдельной территории венетов, имя которых является общим названием и склавенов, и антов, Иордан не упоминает.

Далее в сочинении Иордана имеется второе свидетельство о событиях времён Херманарика (ок. 340–375 гг.), в котором содержится прямая отсылка к приведённому выше тексту.

«После избиения херулов Херманарик также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться. Но ничего не значит множество негодных для войны, особенно когда с поущения Господня наступает многочисленное [хорошо] вооружённое войско. Они же [т. е. венеты], как мы сказали в начале [нашего] изложения или в каталоге народов, произошедшие от одного корня, ныне (*nunc*) три названия (*nomina*) произвели, т. е. венетов, антов и склавенов; эти, хотя, по грехам нашим, ныне (*nunc*) свирепствуют всюду, тогда (*tunc*), однако, все подчинились власти Херманарика» (Iord. Get. 119).

Не может быть, чтобы в первом – опорном – отрывке слово *nomina* определённо употреблялось в значении ‘названия’, а во втором, где Иордан ссылается на первый, это же слово получило бы значение ‘народы’, как ошибочно переводит его А. Н. Анфертьев, пренебрегая более правильным переводом Е. Ч. Скржинской: «ныне известны под тремя именами» (Анфертьев 1994: с. 111, 154; Скржинская 1960: с. 90). Сам А. Н. Анфертьев в подробном экскурсе о терминах, обозначающих у Иордана ‘народ, племя’, приводит лишь слова *patio*, *gens*, *populus*, а *nomina* знает лишь в значении ‘название’ (Анфертьев 1994: с. 103–105; подробнее – Мачинский 2008).

Далее в тексте Иордана идёт рассказ о покорении Херманариком эстов, живущих, судя по контексту, непосредственно за венетами и на побережье Балтики.

Из этого явствует, что ок. 340–375 гг. *venethi*, живущие к северо-западу от королевства Херманарика (в срединной части той области, где в последней трети I в. *venethi* фиксируются Тацитом), были в результате войны подчинены готами. К началу VI в.

потомки этноса, известного германцам как *venethi*, стали известны античному миру под собственными именами – *sclaveni* (славене) и *anti*. И позднее, в VII–VIII вв., в германо-романских латинских сочинениях термины *veneti*, *winidi* и т. д. прилагаются только к славенам, живущим от Эльбы до нижнего Дуная.

Кассиодор и излагающий и дополняющий его Иордан были прекрасно знакомы с готской эпической традицией и знали восходящее к готскому языку и вообще к германской традиции именование славен – *venethi*, которое для них (и только для них среди авторов VI в.) оставалось в первой половине VI в. общим этнонимом для обозначения и склавенов, и антов.

В VI в. никакого сколько-нибудь заметного третьего этноса *venethi*, родственного славенам и антам и занимавшего особую территорию, не существовало (подробнее – Мачинский 2008). И поэтому попытки связать имя *venethi* с колочинской культурой Верхнего Поднепровья бессмысленны.

Территория и хронология КПК фазы 0 на данном этапе изучения поразительно соответствуют тому, что сообщает о венетах в связи с событиями 340–375 гг. Иордан. На этой «второй прародине» славянства, в бассейне Припяти и на Днестре, обнаруживается серия гидронимов, напрямую соотносимых с этнонимом славен/словен (Славута, Случь, Славечна/Словечна, Славутич/Словутич), здесь же отмечен сгусток наиболее древних славянских и самых южных балтских и балтославянских гидронимов (Трубачёв 1968; Кулешов 2008; Мачинский 2008).

Из всех народов, покорённых Херманариком, только венеты охарактеризованы как «могучие численностью» и способные оказать сопротивление готам. Учитывая естественную тенденциозность готской эпической традиции, усиленную «проготски» настроенными Кассиодором и Иорданом, следует полагать, что сопротивление было серьёзным. И неожиданная гибель в пожаре ок. 340–350 гг. готского многофункционального центра у с. Лепесовка (из гончарных горнов не успели вынуть обжигавшуюся в них посуду), вероятнее всего, связана с контрударом венетов-славен. А вскоре и сами готы ок. 376–378 гг. потерпели сокрушительное поражение от хуннов, и славене получили новые возможности для миграций на юг и запад, разнося свою «корчакскую культуру» в V–VI вв. до южного берега Балтики, до Эльбы и Влтавы, до нижне-среднего Дуная, до пограничья лесостепи и степи и инкорпорируя в себя иные, родственные и чужеродные этнические и культурные компоненты.

Включение в состав славен одного такого родственного этнокомпонента, вероятно, и привело к возникновению особой славяноязычной ветви – антов. Все письменные источники знают это этнополитическое образование рубежа IV/V – начала VII в. лишь западнее Днестра, неподалёку от низовьев Дуная и черноморского побережья (Мачинский 2008). Однако один из этнокомпонентов антов имеет истоки на среднем и верхнем Днестре и на его лесном и лесостепном Левобережье. Вот сверхкраткая археолого-историческая родословная этого компонента.

Группы расположенных здесь так называемых постзарубинецких памятников конца I – начала III в. находятся преимущественно в зоне доминирования балтской гидронимии и территориально частично соотносимы с этносом *nevri/nervi* (Плиний Старший, Аммиан Марцеллин), а возникшая на их базе киевская культура (КК) соотносится с *golthescytha* (Иордан). После разгрома готов и исчезновения черняховской культуры в конце IV – первой половине V в. КК порождает, по мнению археологов, около середины

V в. в лесной зоне колочинскую культуру (КОЛК), а в лесостепи – пеньковскую (ПК). В весьма подробном «каталоге народов» начала VI в. (Иордан) при переводе его на реальную географическую карту оказывается, что в днепровской левобережной лесостепи доминируют степняки-акатциры, которые не могут быть носителями ПК, однако присутствие их здесь археологически всё же улавливается. На северо-западе, в направлении к Балтике, т. е. в верхнем Поднепровье, акатциры (по Иордану) соседят с балтами-эстами, с которыми можно соотносить ряд «балтских» культур от Балтики до Верхнего Поднепровья, в том числе и КОЛК. Подозрение в умозрительности такой этнокарты нейтрализуется аналогией: венеды Плиния Старшего (по источникам III–I вв. до н. э.) и продолжающего его архаичную традицию Кл. Птолемея локализуются на побережье Балтики (Мачинский 1976; Мачинский, Кулешов 2004), а позднее венеты (тот же этноним в иной огласовке) Тацита и Иордана в I–IV вв. обитают вдали от моря, к западу от Березины и Днепра. С уходом славян на юг и запад в лесной зоне севернее Полесья и Посеймья могла образоваться сплошная область балтоязычного населения, на которое перенесли название знаменитейших балтов – эстов. Ничто не мешало Иордану сделать северо-западными соседями левобережных акатциров «многочисленный народ венетов», обитающий «на огромных пространствах» и помещаемый им на «этнокарте» IV в. между готами и эстами, или же этногруппу *golthe-scytha*, локализуемую к северу от готов. Однако он не сделал этого, так как, видимо, имел информацию именно об эстах. В любом случае в Верхнем Поднепровье, находящемся в зоне сплошной балтской гидронимии, письменные источники последовательно фиксируют в I–VI вв. этнонимы *nevri/nervi*, *golthe-scytha*, *aesti* и не знают здесь этнонимов *venethi*, *slaveni* и *anti*.

В осмысление хорошо известной лингвистам балтийской языковой общности от Балтики до Оки издавна внесена терминологическая путаница: восточнобалтийскими языками называются современные литовский, латышский, латгальский, а западнобалтийскими – исчезнувшие прусский и ятвяжский, и эти термины проецируются в прошлое, вплоть до первой половины I тыс., когда возникали эти и родственные им языки. Ясность в ситуацию внесли исследования В. Мажюлиса и В. Н. Топорова, зафиксировавшие срединное положение литовского и родственных ему языков, имевших на западе (пруссы, ятвяги) и востоке (нервы, голты, голядь) периферийных, ныне исчезнувших родственников (Топоров 2006: с. 21–22; Мачинский 2008). Таким образом, балтийские диалекты и языки Верхнего Поднепровья до верхней Оки включительно должны вплоть до VI в. именоваться периферийными восточнобалтийскими. Другое дело, что соседство восточных балтов на юго-западе с собственно славянами, родственными им по языку, а также проникновение их на юг, в лесостепную германо-славяно-иранскую контактную зону могло приводить к известной «славизации» южных восточнобалтийских говоров. Приведу фразу В. Н. Топорова, автора концепции тома «Балтийские языки» и ключевой статьи в нём: «...исторически сложившееся единство балтийских языков обусловлено их общим происхождением и общими или очень близкими условиями существования – в пределах двуединого (хотя и со временем смещающегося) ареала, т. е. собственно балтийского локуса и отпадающего от него и славизирующегося пространства» (Топоров 2006: с. 14). Но в любом случае ошибочным, некорректным и недостойным является получающее широкое распространение среди археологов именование всех памятников I–VII вв. в очерченной зоне «памятниками славянского круга» или «раннеславянскими древностями» (Гавритухин, Лопатин, Обломский 2004). В соответствии с данными лингвистики и письменных источников и из уважения к сошедшим

с «арены истории» старшим родственникам их следует именовать, как минимум, «памятниками восточного балтославянского круга». Тем более, что различные балтские и балтославянские этногруппы (нерева, кривичи) сыграли заметную роль в формировании древнерусской государственности и народности.

Самой южной культурой этого «восточно-балтославянского круга» является пеньковская (ПК) в лесостепном Левобережье. Отдельные памятники и элементы этой культуры распространяются в лесостепи и западнее Днепра вплоть до впадающего в Дунай Прута. И только здесь, и чем ближе к нижнему Дунаю, тем вероятнее, они могут соотноситься с известным из письменных источников этнополитическим объединением, носящим явно неславянское имя *apī*. Но дело в том, что и в междуречье Прута и Днестра, и на среднем Южном Буге, и даже на Тясьмине ПК существует в теснейшем и разнообразном симбиозе со славянской КПК (Шувалов 1998; Гавритухин 2000). И если искать в археологическом материале соответствие общему «единому корню» склавинов и антов (Иордан), то таковым является КПК. После похода аваров на антов в 602 г. их имя более никогда не упоминается в связи с какими бы то ни было событиями, и лишь по инерции титул «Антский» сохраняется в титулатуре императора Ираклия до 612 г. Не сохранилось оно и в эпической памяти восточных славян, которые знают лишь словѣн, словѣньскъ языкъ как единый корень всего славянства. Как же именовали себя носители «чистой» ПК на Левобережье Днепра в середине V – начале VIII в., нам пока неизвестно. Их жизнь постоянно осложнялась соседством и симбиозом с агрессивными степняками – акатцирами, болгарами, хазарами.

Выдающуюся роль в истории славянства сыграло пребывание наиболее активных его группировок в Подунавье и на Балканах в VI в., в основном на северном берегу Дуная, а в VII в. и на южном, вплоть до Эгеиды (Мачинский 1976; 1981; Шувалов 1998). Отметим ещё один пример трансформации славянской культуры. Те славяне, к северу от Дуная, которых чаще всего упоминают письменные источники под именем *slavene*, *slavi* и т. д., уже не были носителями «чистой» КПК, а оставили разнообразные памятники, на нижнем Дунае условно объединяемые в группу Ипотешть-Кындешть-Чурел (ИКЧ), а на среднем Дунае – в другие группы. У этих славян наличествуют лишь отдельные элементы КПК, смешанные с элементами культуры населения Восточно-Римской империи, местного романоязычного населения, соседних германцев и аваров. Поразительно, как в этом «этнокультурном состязании» северные лесные славяне сумели победить, сохранив и язык, и особенности социальной организации, и особенности своей этнопсихики. В этом можно видеть последствия той культурно-языковой консолидации, энергетического и демографического «взрыва», который славяне пережили ещё на севере, в бассейне верхнего и среднего Немана, Припятского Полесья и Тетерева.

Дальнейшая история восточного славянства связана с постепенным движением южных и частично западных групп славян начиная со второй половины VII в. из Прикарпатья, Волыни, Подунавья и Поднестровья, а возможно, и из областей между Эльбой и Западным Бугом обратно на северо-восток в области своих первых «прародин» и далее, вплоть до Ильменя и Волхова. В этом движении много неясного. На пути южане встречали и оставшихся на месте «чистых» славян, группы родственного населения, условно – балтославян, и балтов. Но в итоге имя **slavēne*, трансформировавшееся к IX в. в *slavěne*, было донесено до Ильменя, и от Волхова до нижнего Дуная в VIII – середине IX в. возникла та близкородственная по языку и происхождению славянская и балтославянская этническая среда, внутри которой и стали кристаллизоваться первые

протогосударства и «вертикальные» многофункциональные пути в направлении север – юг и обратно.

Надо отметить, что кроме венетов в I–III вв. и славен/словен в I–VIII вв. подобную же «меридиональную» устремлённость проявили и готы в III–IV вв. В 256–275 гг. они вместе с другими германскими племенами предприняли серию морских и сухопутных походов, достигая на юге Греции и Эгеиды, а в середине IV в. Херманарик начинает завоевания (скорее, вероятно, прокладывая контролируемых готами путей) на север, через земли *golthe-scytha*.

Реальной целью этих северных походов было установление контроля над «горизонтальным» путём запад – восток, проходящим через Приладожье (*thiudos in aunxis*) и Верхнее Поволжье (*vas, merens, mordens*) и далее в Прикамье, т. е. путём «меховой торговли» через земли финно-угорских племён, который, видимо, ещё до готов контролировали свионы центральной Швеции с их великолепным гребным флотом (Мачинский, Кулешов 2004). Путь этот приобрёл особую актуальность с рубежа IV–V вв., когда в Римской империи возникла мода на меха (Шувалов 2004), но существовал и ранее, поскольку ещё Тацит отмечает спрос на «отборные» меха у «отдалённых» от империи (т. е. северо-восточных) германцев (Тас. Germ. XVII), а готская эпическая традиция определённо говорит о существовании этого пути уже в середине IV в.

В связи с этим напомним, что единственным народом, покорённым при Херманарике готами, но не упоминаемым среди побеждённых ими народов Скифии и Германии, являются *rosomoni* (*gens rosomonorum*, в некоторых списках – *rosomanorum*, *rosimanorum*).

В таком случае *rosomoni*, скорее всего, являются жителями балтийского побережья Скандинавии, которую Иордан не включает ни в Скифию, ни в Германию. Их имя восходит к готскому эпосу, записанному по-гречески Аблабием и пересказанному по-латыни Иорданом. Это слово из двух германских корней, первый из которых **rōs-* является определением ко второму – герм. **man-* ‘человек’, транслитерированному в соответствии с греч. *μόνος* ‘один, единственный’ – **Rωσομονοι*. Полагаю, что *rosomoni/rosomani* IV в. являются формой передачи этносоциального термина, отражённого в шведских источниках с XIII–XIV вв. в словах *roþsmæn/rodsmæn* ‘гребцы, мореплаватели’, обозначающих жителей приморской области Швеции *Roden/Roden, Roslagen*, название коей выводится из древнесеверогерманского **rod(ε)R*, **roþ(ε)R* ‘гребля, гребной поход, плавание между островами’. Древнейшее название этой области **Rōþ(r)-s-land* – ‘земля рос’, или «росская земля» – зафиксировано в рунической надписи XI в. (Мельникова 2001: с. 265–270). Вероятно, росоманы были прибрежной группировкой свионов (свеев), наиболее тесно связанной с поездками на гребных судах, так ярко описанных ещё Тацитом. Судя по данным Иордана, северный меховой путь из Швеции в Прикамье существовал и в VI в. Предание, связанное с росоманами, отражающее события второй половины IV в. и излагаемое Иорданом в VI в., в основных сюжетных линиях, с сохранением лишь слегка изменённых имён героев, но без упоминания этнонима *rosomoni/rosomani*, излагается в скандинавских по происхождению Старшей Эдде и Младшей Эдде, записанных в XIII в. (Мачинский 1990: с. 110–112; Мачинский, Кулешов 2004: с. 64–65).

Таким образом, к VII–VIII вв. на пересечении «вертикального» пути юг – север и «горизонтального» запад – восток, в Приладожье, Приильменье и Верхнем Поволжье существовали уже все «энергетические» и экономические предпосылки и этнические компоненты для возникновения здесь Русского протогосударства.

* * *

Переходя к главной части статьи, напоминаю, что ввиду предпринимаемой попытки вместить в её рамки неместимое, я в крайне сжатой форме излагаю то понимание некоторых узловых проблем исследуемого периода, которое представляется наиболее достоверным.

Хронологические границы периода

Нижняя граница определяется, во-первых, началом бурного строительства в Альдейгье-Ладоге, датируемого, по данным дендрохронологии и нумизматики, 750–760-ми гг., а также отчётливыми археологическими свидетельствами присутствия в ней и во всём Поволховье во второй половине VIII в. и пришедших с запада скандинавов («руси»), и продвинувшихся с юга славян и балтославян («словен» и «кривичей»), и, в меньшей мере, финноязычного населения. К 760-м гг. относится появление в Ладоге первых арабских серебряных дирхамов, а в 770–780 гг. их поступление становится систематическим.

Несколько ранее этого времени, после похода Марвана в Хазарию в 737 г., прекращаются интенсивные арабо-хазарские войны, и наступает период полного мира между Халифатом и Каганатом в 738–762 гг., сопровождаемого кратковременным принятием хазарами ислама и закреплённого в 759 г. браком Язида, эмира Армении, и Хатун, дочери кагана. После смерти Хатун в 762 г. вновь происходят военные столкновения 763–764 гг., но они носят лишь локальный характер. В это же время, в 750 г., династия Омейядов сменяется династией Аббасидов, а в 762 г. столица Халифата переносится в Багдад, где начинается интенсивная чеканка дирхамов, превосходящая продукцию других монетных дворов. Всё это способствует налаживанию торговли между Халифатом, с одной стороны, и Хазарским каганатом и лежащими севернее него землями – с другой.

В тот же период происходят кардинальные трансформации и в Западной Европе, во многом предопределившие её судьбу в последующие эпохи. В 732 г. Карл Мартелл в битве при Пуатье останавливает накатывающуюся на Европу волну арабского завоевания. В 751 г. его сын Пипин Короткий был провозглашён королём и помазан на царство папой, а в 762 г. королём франков стал Карл Великий, получивший в 800 г. в Риме от папы Льва III высший титул императора. В этот же временной промежуток были полностью подчинены фризы, и их торговый город *Duurstede/Dorostat*, расположенный в низовьях Рейна, стал важнейшим франкским торговым центром и портом – *Dorestad*. В начале VIII в. возникает важнейшая фризская торговая фактория Хедебю/Хайтабу в южной части Ютландии, на месте короткого волока между максимально сближающимися водными системами Северного и Балтийского морей. На рубеже VIII–IX вв. Хедебю становится крупным поселением на кратчайшем торговом пути от нижнего Рейна, Везера и Эльбы в Балтику и далее вдоль её побережий на восток и север.

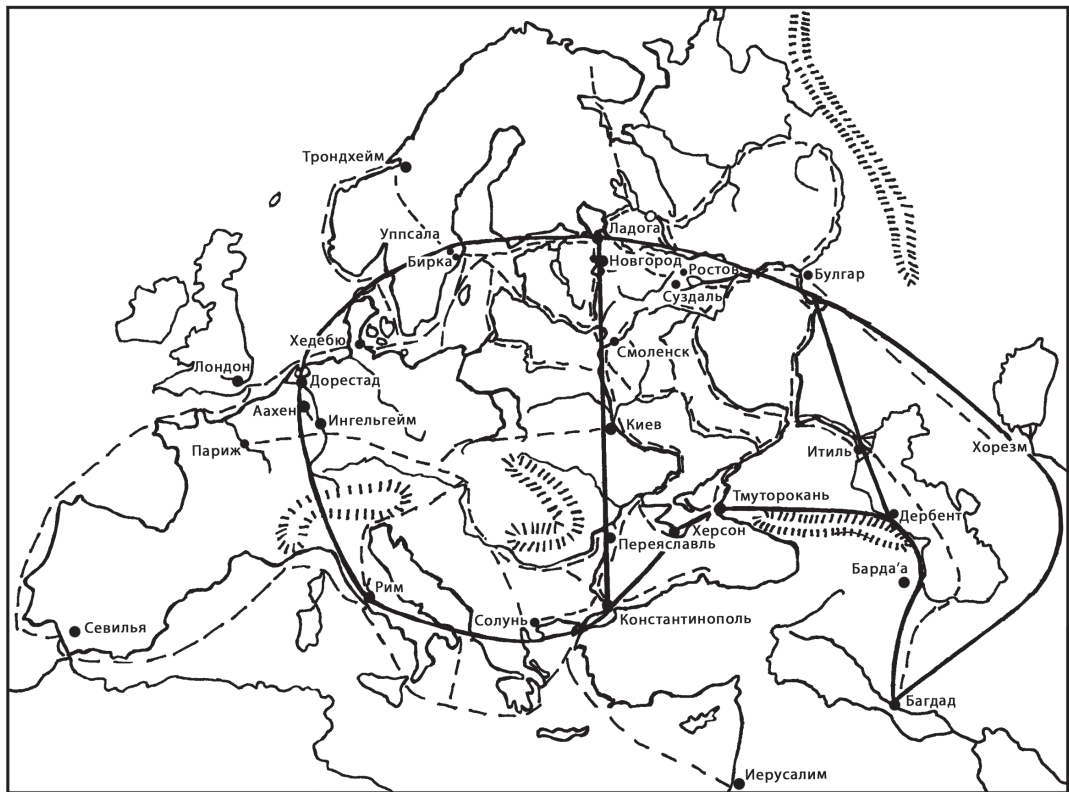
Синхронность кардинальных изменений в Халифате и Франкском государстве (как внутренних, так и в отношениях с соседями) поражает – как будто некий дирижёр взмахнул палочкой. Но при этом возможность торговых и иных контактов между ними в Средиземноморье парализовалась непримиримым религиозным противостоянием.

И в этих условиях опосредованные торговые и иные контакты начинают развиваться на севере, на Балто-Волжском и Балто-Донском путях. Огромную роль в почти одновременной с вышеочерченными событиями активизации этих путей сыграло существование уже в предшествующее время, в IV–VI вв. торгово-сакрального водного пути между Средней Швецией и Прикамьем через озеро Ладогу (Мачинский 1997; Мачинский, Кулешов 2004; Шувалов 2004) (карта 3).

Этот путь продолжал существовать – как это явствует из данных археологии и эпической традиции, сохранённой в сагах, – и в период, непосредственно предшествующий 750–760-м гг. (время оформления Багдадского халифата Аббасидов и Франкского королевства Каролингов и возникновения поселения *Aldeigja*/Ладога).

К середине VII – рубежу VII–VIII вв. относится распространение «неволинских» поясов (имевших магическое значение: Мачинский 1997) из Прикамья в Южное Приладожье, Южную Финляндию, Эстонию и Центральную Швецию. Во встречном направлении – из Швеции, через Южную Финляндию в Южное Приладожье – распространяются во второй половине VI – до рубежа VII–VIII вв. бронзовые равноплечные фибулы особого типа. В могильнике Юлипия (Финляндия) такая фибула найдена в одном комплексе с неволинскими поясными накладками и дротиком-ангоном, подобные которым встречены и в «сопках» нижнего Поволжья. Эти находки убедительно маркируют для середины VII – рубежа VII–VIII вв. путь между средней Швецией и Прикамьем. Опорным фактом является сочетание в нижнем горизонте сопки № 140, раскопанной Н. Е. Бранденбургом, фрагментов прикамского неволинского пояса с треугольной каменной вымосткой, имеющей более ранние и синхронные аналогии в погребальной обрядности Швеции. Это доказывает, что традиция сооружения своеобразных нижеволовских сопок, неразрывно связанная с возникновением торгово-ремесленной Альдейгья-Ладоги, зарождается не позднее начала VIII в. (Мачинский 1997; Волковицкий 1995; 2001). В близкое время возникают, видимо, и первые серьёзные укрепления Любшанского поселения на нижнем Волхове.

Присутствие в этих местах и в это время скандинавов, контролировавших путь, пролежавший через земли финно-угорских народов, подтверждается скандинавской эпической традицией, лучше всего представленной в «Саге о Скьёльдунгах», сохранившейся в виде «Фрагмента о некоторых древних конунгах (в мире данов и свеев)», а также в пересказе исландского историка XVII в. Й. Арнгрима, видимо, ещё читавшего сагу в более полном её варианте. Эта же традиция сохранена в «Обзоре саг о датских конунгах» (Джаксон 2000: с. 246–248). Согласно этой традиции, конунг данов и свеев из «божественного» рода Скьёльдунгов Ивар Широкие Объятья (ок. 650 – ок. 700? – Джаксон 1993: с. 70) идёт морским походом на конунга Гардарики Радбарда, у которого укрылась дочь Ивара Ауд (по «Саге о Скьёльдунгах»), или Унна (по «Обзору саг...»). Достигнув *Kirjalabötnar* (Карельские заливы) – вероятно, Финский, а точнее Выборгский залив, где начинались владения Радбарда, – Ивар неожиданно гибнет. От брака Радбарда и Ауд (Унны) рождается сын с редким именем Рандвер (имя сына конунга готов Германариха, чьи владения, по Иордану, простирались до Приладожья), который, согласно эпической традиции, был родоначальником всех шведских ушпальских (по «Обзору саг...» – и датских) конунгов, уверенно заявлявших о своём божественном происхождении, которое, однако, не могло основываться на происхождении лишь по женской линии от Скьёльдунгов через Ауд, дочь Ивара

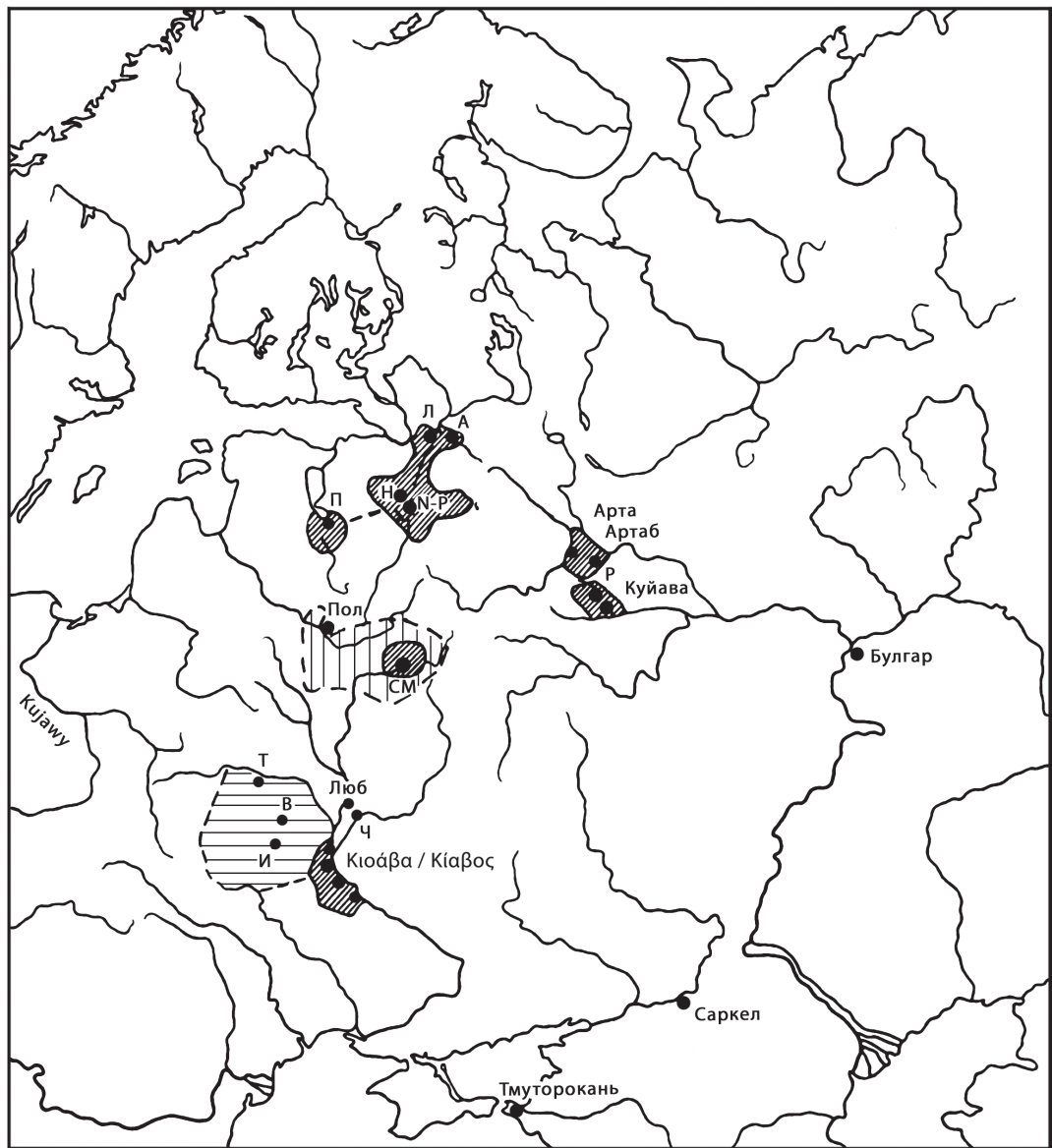

Карта 3. Границы интенсивных контактов *руси* на Западе и Востоке и торгово-полифункциональные пути VIII–X вв.

— границы интенсивных контактов *руси*
 - - - торгово-полифункциональные пути *руси*

Широкие Объятыя: он считался в эпической традиции Скандинавии отрицательным, отверженным богами персонажем.

Согласно некоей эпической традиции, зафиксированной, насколько мне известно, только у шведского поэта и историка Улофа фон Далина в середине XVIII в., сам Радбард был сыном Скиры, сына конунга Ингвара из «божественной» династии Инглингов, погибшего после морского похода на восток, в землю эстов. Невозможно допустить, что Далин, издавший свою «Историю Шведского государства» в 1756 г., вскоре после победоносной для России русско-шведской войны 1741–1743 гг., просто придумал происхождение знаменитой шведской династии из Гардарики, т. е. из России. Только приведенная им родословная объясняет уверенность шведских королей IX – середины XI в. в своём «божественном» происхождении, передававшемся по мужской линии от особой ветви Инглингов, нашедшей пристанище где-то восточнее Финского залива. Судя по всему, в руках у Далина был некий позднее утраченный источник, содержавший фрагмент скандинавского эпоса об особой династической линии Инглингов (Ингвар – Скира – Радбард – Рандвер) (Далин 1805, ч. I, кн. 1: с. 488–491, 558, 573; Мачинский 1997: с. 163; 1998: с. 133–134).

Карта 4. Опорные территории руси и наиболее значимые княжения словен в IX–X вв.

- опорные территории *руси*
- территория днепро-двинских кривичей
- территория дrevлян

Н-Р Невоградъс / Рюриков городок

А – Алаборг; В – Вручий; И – Искоростень; Л – Ладога; Люб – Любеч;

Н – Новгород; П – Псков; Пол – Полоцк; Р – Ростов; См – Смоленск; Т – Туров;

Ч – Чернигов

Таким образом, шведско-камский торгово-сакральный путь IV – первой половины VIII в. со второй половины VIII в. включается в западной его части в систему торговых путей между Франкским государством и Халифатом (от Дорестада до Багдада). В узловой точке этих путей, в Южном Приладожье, и зарождается первое протогосударственное образование с центром в Альдейгье-Ладоге, убедительно соотносимое, как покажем ниже, с этносоциумом русь/ṛōs (карты 3, 4).

Верхняя хронологическая граница тематики проведённой конференции и данной статьи – около середины XI в. – определяется целым рядом событий, о которых речь пойдёт в конце статьи:

а) Последовательные смерти шведской принцессы, жены Ярослава, деятельной и энергичной Ингигерд-Ирины (1050 г.), её старшего сына Владимира, сидевшего на столе в Новгороде (1052 г.) и самого Ярослава (1054 г.). Поставление Ярославом и собором русских епископов первого митрополита-русина Илариона в 1051 г. и отъятие у него этого сана в 1054 г., после смерти Ярослава.

б) Ряд других кардинальных изменений, последовавших после смерти Ярослава, в 1054–1066 гг., когда усилиями старших Ярославичей была изменена система русской государственности, а Новгород утратил своё значение второй столицы.

в) Конец эпохи викингов (условно 1066 г.).

г) Окончательный раскол между западной и восточной ветвями единой всемирной («кафолической») христианской церкви (1054 г.).

Значение древнерусского летописания XI – начала XII в. для воссоздания начальной истории Руси

Более поздние летописные своды в значительной части сохранили то, что сообщалось в начальных недатированных и погодных записях относительно событий VI – начала XI в. (от появления славян на Дунае до княжения Владимира). Изъятие и искажение некоторых важных сообщений прослеживается в основном для времени после смерти Владимира в 1015 г.

Свидетельства русского летописания о ранних временах (VI–X вв.), лучше всего сохранные в ПВЛ и НПЛм, в основных чертах блистательно подтвердились сообщениями иноземных письменных источников, данными археологии, лингвистики, нумизматики и дендрохронологии.

Косвенное подтверждение получила в стержневой линии, связанной с Рюриком и Олегом, и легенда о призвании варягов-руси. Но значение этой легенды заключается не только в содержащемся в ней фактическом материале, но и в её уникальной образности, уловившей и предвосхитившей многое в особенностях истории Руси-России.

Легенда эта (и стоящая за ней реальность) во всём её объёме уникальна (по крайней мере, в индоевропейской традиции). Обычное сопоставление её с эпическим сказанием о призвании королём бриттов Вортигерном англо-саксов во главе с братьями Хенгестом и Хорсой обнаруживает расхождения двух сказаний в существенных сюжетных линиях.

В Британии приглашение для помощи против чужеземных врагов – пиктов и скоттов – направляет конкретный король, стоящий во главе уже сложившегося государства. На Руси же речь идёт о приглашении на княжение варягов-руси, вызванном

непрекращающимися междоусобицами местных этносов, т. е. Рюрика с братьями приглашают, чтобы спастись от самих себя. Приглашающих историки почтительно называют «конфедерацией племён», хотя ни о какой «конфедерации» нет и речи – всего лишь временное соглашение для устранения раздоров, и каждый приглашённый брат, видимо, должен возглавить один из приглашающих этносов под общим верховенством Рюрика. Другое дело, что должны были быть достаточные причины, чтобы приглашающие племена жаждали примирения, – и именно под главенством руси и должна была быть некая консолидирующая сила среди приглашающих, – но об этом ниже. Так же, на первый взгляд, немного оснований для прямого сопоставления нашей легенды с договорами между Альфредом Великим и вождём данов Гутрумом в 878–890 гг. и Карлом Простоватым с Ролло (Хрольвом) в 911 г., а также с приглашением Рёрика Ютландского Людовиком Тевтонским для защиты Дорестада от нападений норманнов.

«Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нетъ» – не так важно, были ли произнесены эти слова в действительности, но они стали неотъемлемой частью формирующегося самосознания национального мифа, который запечатлел и развил в стихотворной форме А. К. Толстой, обладавший редким историческим чутьём.

Обычный перевод ёмкого слова «наряд» более узким «порядок» обедняет смысл речения. Если сопоставить все значения слов «наряд», «нарядити», «наряжати» в древнейших летописях, то выясняется, что их семантическое поле охватывает всяческое устройство, упорядочение, порядок, благолепие и украшение в государственной, военной, церковной, хозяйственной и личной жизни.

Обращу внимание на чрезвычайную близость этих значений к семантическому полю древнегреческого *κόσμος* (и глагола *κοσμέω*) до того и наряду с тем, как оно приобрело (впервые – у Пифагора) значение «мировой порядок», т. е. упорядоченный космос, в отличие от бесформенного хаоса. Его первичное значение: воинский строй, государственный строй, правовой порядок, надлежащая мера, украшение, наряд.

Итак, семантическое поле слова «наряд» потенциально содержало в себе значение: «всеобщее устройство», близкое к древнегреческому «мировой порядок». Утверждение, что в нашей земле «наряда... нет», в неявной форме фиксирует отсутствие устроенного «космоса», тоску по нему и предполагает наличие на его месте (столь же не явно)... хаоса («И не бе в нихъ правды, и въста род на род, и быша оусобице в них, и воевати сами на ся почаша» – ПВЛ по Ипатьевскому списку, далее – И).

Заметим, что во многих космогониях хаос предшествует космосу, а космос движется к хаосу; таким образом, хаос – это нечто всепорождающее и неопределённое, и быть его представителем в системе космоса – задача ответственная и неблагодарная⁶.

Однако слова «и не бе в нихъ правды» отражают, вероятнее всего, не отсутствие какой-то абстрактной «правды», а жажду получить конкретную «Правду», устный свод законов и обычаев, подобный германским и славянским «Правдам», нечто вроде «Правды русской» Ярослава, а, возможно, содержат и воспоминание о том, что ранее, до нападения варягов из-за моря и последовавших усобиц, такая общая «Правда» была у чуди,

⁶ Скандинавская мифологическая традиция помещала к востоку от обустроенного мира – Мидгарда – страну великанов, «где прежде была Мировая бездна»; туда уходит один из трёх корней мирового древа. Под этим корнем – источник мудрости, и к его хозяину Мимиру обращается за знанием и советом сам Один. Иными словами, где-то в Восточной Европе присутствует и наследие Мировой Бездны, и как бы порождаемая ею вселенская мудрость.

словен, мери, кривичей и... некой местной «русси», упомянутой первой среди призывающих заморскую «русь» этносов.

Чрезвычайно точно (и фактически, и образно) то, что история Руси, по ПВЛ, начинается с рассказа о дани, которую «варязи приходяще из заморья» брали на племенах полиэтничного севера будущей Руси, в то время как «козары» имели упорядоченную дань «по беле и веверице от дыма» на восточнославянском моноэтничном юге («на полянех, на северех и на вятичехъ»). Аналогичная этой ситуации регулярно повторяется у славян и Руси в Европейской Скифии. В I в. н. э., на заре славянской истории, славене-венты жили в области «обоюдного страха» между германцами и сарматами, и в середине XIII в. Русь оказалась между татарами с востока и крестоносцами (и в целом католической Европой) с запада и вынуждена была делать свой выбор. Да и ныне исторические наследники Древней Руси поставлены перед выбором между НАТО и Китаем...

Другим краеугольным образом ПВЛ является текст: «И бе путь из варягъ в греки и из грек по Днепру» и всё последующее описание водного пути вокруг Европы по Варяжскому морю до Рима, Царьграда и устья Днепра, а также упоминание волжского пути «в Болгары» и далее в Хорезм, равно как и пути «в жребий Симовъ», т. е. в страны, вошедшие в состав Халифата.

Утверждение, что варяги сидят по Варяжскому морю «къ западу до земли Аглянскы и Волошькые» (И, X), т. е. до Англии и Франции, доказывает, что в данном месте под «Варяжским морем» понималась сумма Балтийского и Северного морей, что весьма близко предложенному мной ёмкому понятию «Скандинавское Средиземноморье» (от Ла-Манша до озера Ладога, от низовьев Темзы и Сены до нижнего Волхова, везде, где в VIII–XI вв. могли свободно проходить крупные морские ладьи) (Мачинский 1998).

«Путь из варяг в греки» на участке между Ладогой и Царьградом является стеновым хребтом формирующейся русской государственности, на него нанизаны в направлении и временной последовательности с севера на юг все основные столицы (иногда – кратковременные) этносоциума «русь» и русских протогосударств – Ладога, Невогард-Новгород. Киев, Переяславец Болгарский. Через эти точки проходит почти прямая линия, упирающаяся на юге в вожделенный, но так и не захваченный Русью Царьград (карта 3). Эта линия выражает меридиональную, «вертикальную» суть русской государственности, предвосхищенную ещё в действиях славян и готов, но разница в том, что в данном случае эта вертикаль строится неуклонно и многократно с севера на юг, выражая устремлённость «шассионариев» Скандинавии и Северной Руси, лишь включающихся в систему Европейской цивилизации, к древнейшим центрам этой цивилизации на берегах Босфора и в Эгейде.

«Вертикаль» русской формирующейся государственности в IX–X вв. пронизывает и объединяет все природно-культурные зоны Европейской Скифии – южную тайгу, зону смешанных и лиственных лесов, лесостепь, степь и в отдельных районах – самое побережье Чёрного моря, являющегося частью Эллинского Средиземноморья. В X–XI вв. Русь облагает данью население всей тайги и тундры Восточной Европы. Много позднее Россия Московская, а затем и Российская империя вновь объединят все эти зоны в системе единого государства и одновременно начнут (вначале полустихийно) распространять своё владычество на Азиатскую Скифию, двигаясь «горизонтально» вдоль этих зон на восток, вплоть до Тихого океана. Но некая база этого будущего движения, некий оставшийся в сознании народа и правителей образ «многозонального» и полиэтничного, потенциально имперского государства были заложены уже в IX–X вв.

Полиэтнический север многократно побеждал в IX – начале XI в. более моноэтнический славянский юг, в VIII–IX вв. частично подчинённый Хазарскому каганату (походы с севера на юг Аскольда и Дира, Олега и Игоря, Владимира, Ярослава, по ПВЛ и свидетельствам иных письменных, археологических и других источников). Только с середины X в. начинает действовать и импульс противоположной направленности «из грек в варяги» – в основном в сфере религии и культуры.

Если дополнить эту картину достоверными свидетельствами иноземных письменных источников и археологии о контактах *русси*/Руси⁷ IX–X вв. с различными европейскими центрами и провести линию, очерчивающую эти контакты через Константинополь, Рим, Аахен, Дорестада и Бирку-Упшсалу до Ладоги, то получится дуга, напоминающая сильно изогнутый лук, где соединяющей его концы тетивой и является путь «из варяг в греки», от Ладоги до Царьграда.

Если же считать, что сообщение восточных источников о нападении «русси» в 843/844 г. на Севилью в Андалусии с дальнейшим движением к Риму соответствует реальности (как полагаю я), то тогда уже для IX в. мы можем говорить о знакомстве руси с круговым путём вокруг всей Европы, описанным в летописи, путём, по которому созданная на Руси в XI в. легенда отправила Андрея Первозванного. К слову, у ал-Мас'уди и Ибн Хаукала имеются независимые свидетельства о походах руси в X в. в ту же Андалусию.

В наиболее полном варианте «легенды о призвании», сохранившемся в большинстве списков ПВЛ, известных науке, а также в списках, которые использовал лишь В. Н. Татищев, имеется одна странность: **варяги из заморья брали дань с чуди, словен, мери и кривичей, а призывают «всю русь» и Рюрика с братьями русь, чюдь, словене и кривичи. Из перечня этносов во втором случае исчезает меря, но зато появляется русь, возглавляющая список приглашающих. Таким образом, некая русь (но не «вся русь») уже находится к началу событий в Европейской Скифии и возглавляет ряд местных этносов, приглашающих заморскую «всю русь».** С этим согласуется и то, что во вводной, географической части ПВЛ русь также названа дважды: среди варягов и среди народов Восточной Европы, причём в последнем случае в той же связке «русь, чудь», что и в рассказе о призвании.

То, что эта русь не названа среди этносов, обложенных данью, вполне объяснимо: всё, что мы знаем об этносоциуме, именуемом «русь», в IX–X вв. из других источников, свидетельствует о том, что наложить на него дань было невозможно. Его можно было лишь победить в упорных сражениях, чтобы потом заключить с ними договор.

Присутствие мери среди платящих дань говорит о том, что это племя входило в состав некоего расположенного на проторённых водных путях политического объединения более раннего времени, на большинство членов коего и наложили дань заморские варяги. Отсутствие мери среди приглашающих, скорее всего, говорит о том, что после усобиц это племя, жившее в Поволжье, вне бассейна Балтики, оказалось в стороне от акта приглашения Рюрика и «всей руси» и договора с ними (если только под «мерей» не скрывается нерева/мерева, жившая от реки Великой до Мсты – Мачинский 1986; 1990).

⁷ Я употребляю термин *русь* для обозначения этносоциума, который занимал главенствующее положение в русских протогосударствах VIII–X вв., а термин Русь обозначает сами эти протогосударства и государство конца X–XI вв.

Скупое свидетельство ПВЛ (восходящее к некоему «сказанию о древних временах») о присутствии некой «руси» на севере Европейской Скифии ещё до призвания «всей руси» и об её лидирующем положении среди местных племён нельзя игнорировать потому, что все иноземные источники, подтверждённые археологией, лингвистикой, нумизматикой и дендрохронологией, кричат о присутствии здесь этносоциума *Rhos*, ῥῶς, ар-рӯс ещё в «дориориково» время.

Этносоциум *русь* и воглаваемое им первое русское протогосударство со столицей в Ладоге/Альдейге

Наличие в сборнике статьи Вяч. С. Кулешова избавляет от необходимости отстаивать единственную – лингвистически и исторически бесспорную – этимологию слова *русь*. Напомню, что при описании многих приморских племён Тацит только у свионов отмечает наличие флота, причём гребного и беспарусного. Наименование приморской группы свионов, судя по всему, отражено у Иордана (VI в.) в связи с событиями IV в. в латинской транскрипции названия племени **rosomoni/rosomani**⁸, близкого известному по документам XIII–XIV вв. названию шведских поморов *rofsman* (гребцы, мореплаватели). Хронологическую лагуну заполняют термины, фиксирующиеся на шведских памятных камнях с того времени, как рунические надписи на них становятся обычным явлением (конец X–XI вв.). Уже с первой половины XI в. появляются надписи: «Он был лучшим из бондов в **ruþi** (в гребном морском походе/отряде) Хакона» и «Толир, брютти (должностное лицо) в *rōþ* (в гребном морском походе/отряде)» (Eklblom 1957: S. 47–58; Мельникова 2001: с. 268). Можно не сомневаться, что термин **ruþ**/*rōþ* употреблялся задолго до того, как он был зафиксирован в надписях, во всяком случае, до широкого распространения паруса на Балтике с рубежа VI–VII вв. (уж не со времён ли Тацита или много ранее?). Этот термин восходит к древнеобщегерманскому глаголу **rōan*, давшему др.-англ. *rōman* и др.-исл. *róa* ‘грести’⁹. Небезынтересно, что в «Саге о Хрольве Пешеходе» (герой сопоставляется с Ролло Нормандским), единственном письменном источнике из повествующих о событиях второй половины IX – середины XI в., в котором сообщается о наличии рядом с Ладогой/Aldeigjuborg’ом глубокой реки, гавани и огромных курганов, употребляется при рассказе о прибытии в гавань военных ладей именно глагол *róa* ‘плыть на вёслах’¹⁰ (Сага о Хрольве Пешеходе (Gǫngu-Hrofls saga, далее – GHs), гл. 33; Мачинский, Панкратова 1996; 2002).

От глагола *róa* и образовано слово *roþ/ruþ*, обозначавшее ‘гребной морской поход/отряд’. От этого слова, а также от др.-швед. *rofer* ‘гребля, гребной поход, пролив между островами’ и образованы различные композиты вроде *rofsman*, *rofskarlar* ‘гребцы, жители

⁸ Готское эпическое предание, кратко и невразумительно пересказанное Иорданом (VI в.), имеет скандинавский вариант, излагающийся в саге, отражённой в «щитовой драпе» Браги Старого (древнейший скальда первой половины IX в.), а также в Старшей Эдде и Младшей Эдде (XIII в.). Сохранены (и дополнены) основные сюжетные линии рассказа Иордана и слегка изменённые имена героев; **не упомянуто «племя росомонов», заменённое у Браги на «морских воинов».**

⁹ Благодарю Ю. К. Кузьменко и Вяч. С. Кулешова за разнообразные консультации в области лингвистики.

¹⁰ Естественно, все эти сведения восходят к первоначальному историческому ядру саги, сохранившемуся в виде фрагментов, вкрапленных в фантастическое повествование, созданное под влиянием рыцарских романов.

шхер' (ср. норвежское *rossman* 'рыбак'), *roðrar-leiði* 'спокойное море, штиль', букв. 'море, пригодное для гребного похода', и название прибрежной области Средней Швеции, известное с XIII–XIV вв. под именами *Ropin*, *Rodbrinh*, позднее – *Roslagen* (Руслаген < **Ropslagen*).

Возможно, к этому же ряду относится восстанавливаемый на основе рунической надписи середины – второй половины XI в., оставленной свеями на каменном льве в Гаване Пирея топоним *roþ(r)slanti*, читаемый как **Roþ(r)sland* (Brate 1914; Мельникова 2001: с. 266–268), а вероятнее – **Rōþsland*, поскольку на месте (*r*) находится просто выемка в камне, возможно, возникшая ещё до нанесения надписи. Этот **Rōþsland* назывался также *Sjoland* (Сьоланд) – букв. 'Поморье, морская земля', что расположена в Швеции «на востоке у моря» (Круг Земной 1980: 216). О таких отдельных областях сообщается, что «в те времена (по контексту – на рубеже VI–VII вв. – Д. М.) по всей Швеции в каждой области правил свой конунг», и даже в начале XIII в. в каждой из них был свой лагман, «свой тинг и во многом свои законы» (Круг Земной 1980: с. 29, 216). Напомним, что и в Бертинских анналах послы от хакана народа *Rhos* оказываются свеонами. В ПВА «звахуть ты варяги русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же оурмани, ангыляне, иней готе», т. е. опять русь поставлена в наиболее тесную связь со свеями.

Возможно, в первичном варианте ПВА эта связь была выявлена ещё определённое, но после 1142 г., когда начались частые военные столкновения со шведами, это место было отредактировано. Однако во времена мирных дипломатических контактов России и Швеции в XVI–XVII вв. выяснилось, что и сами Рюриковичи (в лице Иоанна Грозного), и новгородцы (послы, а возможно, и сам архимандрит Киприан) знали сохранявшиеся изустно предания о том, что Рюрик с русью пришли именно от шведов (Петрухин 2001). Таким образом, русь могла считаться и свеями, и особой этносоциальной группой прибрежных мореходов и была как бы «лицом Швеции», обращённым на восток.

Происхождение социоэтнонима русь от *rōþ/ruþ*, *rōþer*, *rōþsman* либо через посредство приоб.-фин. **rōtsi* 'шведы', **Rōtsi* 'Швеция', либо – как впервые предложил Г. С. Лебедев (Лебедев, Жвиташвили 1999: с. 71; Лебедев 2005: с. 532) – непосредственно от *ruþ* – несомненно.

Видимо, к *rōþ* восходит и византийское ῥῶς. Анализ источников показывает, что ни латинское *Rhos* (839 г.) в Бертинских анналах, точно передающее греческую форму ῥῶς, ни упоминание этого этнонима в «Житии Георгия Амастридского» (до 842 г.), в «Окружном послании» Фотия (867 г.), у Порфириогенета (948–952 гг.)¹¹ не содержат никаких отсылок к ветхозаветному тексту, где упоминается «князь-рош (глава) Мешеха и Фувала» (Иез. 38–39), трактуемый в Септуагинте как «архонт Рос». Сопоставление этого «архонта Рос» с этнонимом «росы» у Льва Диакона (ок. 986–990 гг.), вопреки встречающемуся мнению, не имеет никакого отношения к нападению руси на Константинополь в 860 г. При этом обычно не замечают, что первое упоминание росов у Льва Диакона таково: «он отправил его (Калокира – Д. М.) к тавроскифам, которых в просторечии называют росами...» (Leo Diac. Hist. IV. 6; IX. 6), т. е. «тавроскифы» – это высокий стиль, а «росы» – просторечие. Кроме того, сам Святослав, по представлению Льва Диакона, называет своих воинов росами (Leo. Diac. Hist. IX. 7).

¹¹ Возможно, некоторые сообщения «De administrando imperio» о росах восходят к источникам начала X в. (Howard-Johnston 2000).

В итоге можно быть уверенным, что этноним ῥῶς передаёт средствами среднегреческого языка то его звучание, которое реально слышали греки от самих росов. К такому же мнению склоняется лучший исследователь источников, повествующих о походе росов в 860 г. (Кузенков 2003: с. 77–79). Выведение ῥῶς непосредственно из *rōþ* оставляет под вопросом возможность передачи звука *þ* буквой и звуком *ς* в среднегреческом, при наличии *θ*, которая, казалось бы, точнее передаёт звук *þ*. Допускаю, что на произношение последнего звука в др.-сканд. *rōþ* у переселившихся в Европейскую Скифию скандинавов и их потомков мог повлиять славянский вариант этого этнонима (*русь*).

То, что в конце этнонима слышалось во всех вариантах *ς*, подтверждается араб. ар-рӯс, каковой этноним арабы узнали не от греков, а благодаря непосредственным контактам с торгово-военной *русью*, которая во второй половине VIII в. состояла (в мужской её части) преимущественно из выходцев из Скандинавии и их потомков, а в первой половине IX в., судя по сообщению Ибн Хордадбега о русах и данным археологии, – из потомков скандинавов, а также из славян и балтославян; с 850–870-х гг. в составе этой *русии* вновь усиливается скандинавский этнокомпонент.

Полагают, что слово *vikings* ‘морской разбойный поход’ породило слова *vikingsr*, *vikingsar* ‘участник, участники таких походов’. Аналогичным образом слово *rōþ*/**ruþ** ‘гребной поход’ должно было породить социоэтноним, обозначающий участников этих гребных походов, при этом – возникший не позже IV–VI вв. – до широкого распространения паруса. «Эпоху викингов» в Северном море обычно начинают с 793 г. Мне уже приходилось писать, что все признаки «эпохи викингов» проявляются на Балтике к рубежу VII–VIII вв. (Мачинский 1998: с. 130–139), однако здесь аналогичные проявления можно назвать «эпохой походов *rōþ*/**ruþ**». Полагаю, что в VII–VIII вв. эта *rōþ*/**ruþ**/*русь*, сохранив своё название, в основном пересела на парусные ладьи для походов за море, однако навыки гребных походов по морю сохранились до XI в. и чрезвычайно пригодились «свеонской» (по происхождению) части руси при торгово-военных, частично гребных экспедициях по рекам Восточной Европы. О возможностях гребного флота говорит сражение при Гангуте, когда гребной флот уже другой, славяноязычной Руси-России разгромил парусный флот шведов.

Переходя к древнейшим письменным источникам, свидетельствующим о существовании протогосударства, возглавляемого русью, **отметим три ключевых для исследуемого периода слова-понятия:**

словене (σλάβοι, ас-сакāлиба) – олицетворяющее местные, «евроскифские» корни;

русь (ῥῶς, rhos, ар-рӯс) – свидетельствующее о североевропейском и – опосредованно – западноевропейском импульсе;

каган/хакан (титул верховного владыки руси/Руси) – юго-восточный, тюркский, степной, азийский импульс.

О соотношении этих слов-понятий ранее всего говорят сопоставленные тексты о rhos и ар-рӯс из Бертинских анналов и из «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега. В первом источнике рассказывается о людях, называвших себя и свой народ rhos, посланных их королём (rex), называемым chasanus, к императору Феофилу «с целью дружбы». Последний в 839 г. направил этих послов к императору франков Людовику Благочестивому в Ингельгейм на Рейне, дабы тот отправил их на родину, «так как пути, которыми они прибыли в Константинополь, пролегали через варварские, чрезвычайно дикие и свирепые народы, и он (Феофил) не желал, чтобы они возвращались этим

путём, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности». Людовик, «тщательно расспросив прибывших, узнал, что они из народа свеонов (*gentis esse Sueonum*) и, сочтя их скорее разведчиками, чем искателями дружбы, счёл нужным задержать их у себя»; впрочем, он сообщил Феофилу «в поддержание взаимной любви», что если эти люди «окажутся достойными доверия», он готов дать им возможность «без опасности вернуться на родину». Исследователи согласны в том, что посольство было отправлено хаканом в 837–838 гг. Предполагаемая отправка их на родину через Рейн явственно говорит об их обратном североморско-балтийском пути через Хедебю. Кроме того, археологические материалы говорят о том, что только в Альдейгье/Ладоге и её окрестностях к 830-м гг. уже 70–80 лет присутствовали выходцы из Скандинавии (преимущественно из Швеции и Готланда). В районе Киева (который отдельные исследователи считают исходным пунктом посольства) присутствие скандинавов в это время не зафиксировано ни по данным археологии, ни в эпической традиции как славян, так и скандинавов. Кроме того, в районе Киева до рубежа IX–X вв. неизвестны клады арабских монет, что говорит об отсутствии значимых торговых контактов с Халифатом через земли Хазарского каганата, только в результате которых у владыки русов мог появиться титул «хакан». И наконец, крайне странным было бы возвращение послов из Константинополя в Киев через Рейн, тогда как прямой водный путь от устья Рейна до устья Волхова был хорошо известен.

Д. Шепард и С. Франклин, рассмотрев все возможные варианты локализации пункта отправления посольства и пребывания хакана, колебались в выборе между Ладогой и Рюриковым городищем, но в итоге остановились на последнем (Франклин, Шепард 2000: с. 56–65). Мне уже приходилось писать об ошибке уважаемых исследователей (Мачинский 2002а). Во-первых, они путают два варианта «легенды о призвании» – из ПВЛ и НПЛМ. Из первого они берут «всю русь», а из второго – изначальное появление Рюрика в Новгороде. По первому варианту, Рюрик со «всей русью» сначала обосновывается в Ладоге, и этот вариант – древнейший и достовернейший, в чём меня не поколебали слабые возражения А. А. Гиппиуса (Гиппиус 2007).

Во-вторых, Рюриков городок как резиденция хакана или князя не может датироваться по данным археологии, нумизматики, радиокарбона и дендрохронологии ранее середины 860-х гг. (подробная аргументация – Мачинский 2002а: с. 23–27.)

До этого высокое всхолмление в окружении заливных лугов и водных протоков могло – теоретически – служить местом временного или постоянного обитания рыбаков из числа неревы или словен; впрочем, археологических следов этого пока нет. Кроме того, оно могло использоваться весной как место сбора ладей для торговых или военных походов, а также посольско-разведывательных экспедиций на восток по Мсте или по Ловати на юг. Но местом постоянного проживания воинов, купцов и хакана оно, по сумме данных, стало не ранее означенной выше даты, которая, как ни удивительно, хорошо соответствует неизвестно как вычисленной в ПВЛ дате основания Рюриком городка над Волховом (864 г.).

В третьих, титул «хакан» предполагает хорошее знакомство его носителя с Хазарским каганатом и его социальным устройством. А древнейшие монетные клады (в которых позднейшая монета – не позже 840 г.) первого и начала второго периодов монетного обращения в Северо-Западной Руси сосредоточены именно в Ладоге и её окрестностях, а также на морском пути из Ладоги на запад – Петергофский клад и на речном пути на юг – клад на Холопьем городке у слияния Волхова и Волховца. Эти клады доказывают,

что основным опорным центром (столицей) русо-балтославянского протогосударства на Волхове и нижней Сяси в первой половине IX в. была именно Aldeigja-Ладога, а не Рюриков городок (которого просто ещё не существовало). Древнейший в Восточной Европе монетный клад (позднейшая монета – 786 г.) из Ладоги настолько отличается по составу от более поздних, отражая самый ранний этап поступления дирхамов, что Т. Нунан даже не включает его в свои исторические построения, основанные на нумизматическом материале. На Земляном городище Ладоги в груде шлаков, связанных с кузнечной и медеплавильной мастерской 750–760-х гг., найдена **древнейшая в Восточной Европе куфическая серебряная монета – омейядский дирхам 699/700 г.**, а в Каменной крепости Ладоги обнаружен **единственный на территории Руси** и один из немногих в Восточной Европе **золотой омейядский динар 738/739 г.** Находки таких динаров известны лишь на самом юго-востоке Восточной Европы, причём не менее пяти подлинных динаров, в том числе динар 738/739 г., а также золотое хазарское подражание динару того же года, происходят из клада с позднейшей монетой 780–792 гг. (Семёнов 1995; Мачинский 2002а; Кулешов 2009). Другое золотое подражание динару 773/774 г. создано в Англии для короля Оффы не позже 796 г. (Франклин, Шепард 2000: с. 27–28). Таким образом, ладожский динар, пусть и единственный, говорит об особом социальном статусе людей, населявших естественно укрепленный мыс между Ладожкой и Волховом не позднее рубежа VIII–IX вв. Всё это свидетельствует о давних особых связях именно Альдейгъи-Ладоги с Хазарским каганатом, осуществлявшихся не только, а возможно, и не столько по Волхову-Мсте с выходом в Поволжье, сколько по наиболее прямому водному пути между озером Ладога и Волгой: по Сяси – Воложке – Чагоде/Чагодоце – Мологе. Именно на Сяси исследовано и самое крупное после Ладоги скопление сопки и находящееся рядом с ним единственное в Юго-Восточном Приладожье городище (Богуславский, Мачинская 1993), убедительно отождествляемое с крепостью Alaborg/Aluborg, упоминаемой только в «сагах о древних временах», и возникшее не позже конца VIII в. (Джаксон, Мачинский 1989; Мачинский, Панкратова 1996; 2002).

Итак, титул «хакан» у владыки росов-свеонов и балтославян, имевшего резиденцию в Ладоге, возник в результате подражания титулу «каган» у владыки хазар из желания сравниться с ним по значимости и/или противопоставить себя ему. Однако сохранение этого титула у славянизирующейся руси в конце X – середине XI в. наводит на мысль, что он с пониманием воспринимался и славянами, особенно переселенцами из Карпато-Дунайского региона, которые были хорошо знакомы с аварскими каганами, под чьим предводительством славяне как союзники авар неоднократно участвовали в войнах с Византией.

Необходимо отметить невероятно доброжелательное отношение византийского императора к этим послам и отчётливое противопоставление их (и, следовательно, народа Rhos) «варварским, чрезвычайно диким и свирепым народам», живущим на прямом пути послов из Константинополя на их северную родину. С другой стороны, сам хакан народа Rhos отправил послов «с целью дружбы», и Феофил явно доверяет этому. Итак, это ищущий дружбы с империей народ, который император явно исключает из числа «варварских народов» и противопоставляет им. Всё это возможно только, если эти послы проявили (искренно или нет) какой-то интерес к знакомству с христианством и к принятию его, тем более что ещё летом 829 г. к тому же франкскому императору

Людовику Благочестивому прибыли послы свеонов из Швеции, которые сообщили, что многие их соплеменники хотят принять христианство, а их король (rex) благосклонен к этому. В результате этого в 829–830 гг. к свеонам с целью христианизации их прибыл св. Ансгарий. Только принятие хотя бы частью росов христианства обеспечивало надёжность мирных договорных отношений с ними, что было для императора Феофила особенно актуально ввиду предпринятого росами во время его правления нападения на Амастриду около 810–840 гг., после которого вожди росов приняли крещение.

Эти данные дополняются и корректируются тем, что сообщается о русах в сочинении Ибн Хордадбега, которое в основной своей части было создано, вероятнее всего, в середине 840-х гг. (не позднее 848 г.) и дополнялось примерно до 870 г., а отдельные сведения вносились вплоть до 886 г. (Велиханова 1986: с. 3–42).

«Если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей [джинс, одно из сословий? – Д. М.] ас-сакалиба. Они доставляют заячьи [бобровые? – Д. М.] меха, меха чёрных лисиц и мечи от самых отдалённых ас-сакалиба к Румскому морю. Владыка ар-Рума берет с них десятину. Если они отправляются по Танису, реке ас-сакалиба, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владыка также берет с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу <...> Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками для них являются слуги-евнухи из ас-сакалиба. Они [ар-рус. – Д. М.] утверждают, что они христиане, и платят подушный налог [джизью. – Д. М.]» (Ибн Хордадбег 1986: с. 124).

Термин *джинс* в книге Ибн Хордадбега при описании Индии употребляется в значении 'каста' (Ибн Хордадбег 1986: с. 82, 233). Это значение напрямую неприменимо к русам, но ясно, что речь идёт не о территориальной группе, а об особом сословии купцов. «Самые отдалённые от Багдада ас-сакалиба» – это славяне и балтославяне Приильменя, Поволховья и Верхнего Поволжья, откуда возможен речной путь (весной, по высокой воде) с волоком на Дон (Танис), а затем, через другой волок – на Нижнюю Волгу, где и находился Хамлидж (или вниз по Днепру и через Понт и нижний Дон – на Волгу).

Пути распространения арабских монет на север Руси через Подонье и Верхнее Поволжье особенно хорошо документированы ранними (до 840 г.)кладами монет. Поэтому можно полагать, что Ибн Хордадбег как начальник почты и разведки использовал и более ранние, чем 840-е гг., записи о путях купцов.

Существенно, что русы, дабы успешно вести торговлю, объявляли себя христианами, а не язычниками. Но в ту эпоху религиозных разногласий и богословских споров нельзя было просто объявить себя христианами, надо было пройти проверку и обнаружить хоть какие-то знания основ христианства. Однако у русов, имевших в своём составе (судя по всему корпусу разнообразных источников) выходцев из Швеции и их потомков, сколько-нибудь основательное знакомство с христианством можно предполагать не ранее 829/830 гг., с начала проповеди христианства Ансгарием у свеонов, в частности в Бирке, имевшей, по археологическим данным, особо тесные связи с Ладогой. И именно в Ладоге, в раскопе на Варяжской улице, в слое, датированном 840–850-ми гг. (никак не позднее середины 860-х гг.), была обнаружена костяная рукоять (ножа?), на которую при её первичной орнаментации были нанесены два изображения христианских крестов, позднее дополненные рисунком «молота Тора», противопоставленного одному из крестов, а также скандинавскими рунами. Это – древнейший на территории

Руси предмет с явно христианской символикой, доказывающий знакомство русов из Альдейгы с христианством уже в середине IX в. (Мачинский 2004: с. 184–206).

Текст Ибн Хордадбеха о русах – единственное из всех свидетельств, отражающих реальность IX–X вв., где ар-рус рассматриваются как часть самых отдалённых ас-сакалиба, а не противопоставлены им, как в большинстве свидетельств восточных авторов. Это также соответствует археологической реальности – в Ладоге, в раскопе на Земляном городище, вещи и постройки, связываемые со славянами или балтославянами (кривичами), фиксируются (наряду со скандинавскими) с 760-х гг., но особенно они многочисленны в строительном ярусе IV (по Кузьмину – Мачинской: Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986; Мачинский, Мачинская 1988; Кузьмин, Мачинская 1989; Мачинская 1990), датируемом по уточнённым данным дендрохронологии 810 – концом 840-х гг. (Мачинский 2002а: с. 17–18; Мачинский 2003а: с. 29), а не 810 – концом 830-х гг., как полагает С. А. Кузьмин (Kuz'min 2000: р. 131–133). Соответственно и вышележащий ярус V датируется не 840–865 гг. (по Кузьмину), а около 850–865/870 гг.

После пожара, уничтожившего часть построек яруса IV, в ярусе V вновь наблюдается увеличение скандинавских построек и вещей; среди них – знаменитая деревянная палочка с магической рунической надписью. Этот ярус V (он же – горизонт E2), возникший в начале 850-х гг., гибнет в другом пожаре, происшедшем, по данным дендрохронологии, между 865 и 871 гг. Возникновение этого яруса около 850 г. можно связать с сообщением «Жития святого Ансария» о набеге данов, до этого безуспешно осаждавших Бирку, на некий город «у границ славян» или «в пределах славян», которым может быть лишь Ладога. Этот набег, датируемый 851–852 гг., и его последствия могли отразиться в эпической памяти славян и древнейших русов как период даней, наложенных варягами «изъ заморья на чюди и на словѣнх...» (по условной хронологии ПВД – 859–862 гг.). Дендрохронологические даты можно принимать лишь условно, однако в данном случае они подтверждаются и датировкой вещей, и выпадением в конце 860 – начале 870-х гг. ряда монетных кладов в Поволховье.

Отмечу, что и призванный местной русью, чюдью, словенами и кривичами Рюрик с братьями «придоша к словѣнамъ пѣрвее и срубѣша город Ладогу». Если Ладога после междоусобий в руках у словен (если это не позднейшая редакция легенды), то где же тогда находилась русь, возглавившая список приглашающих Рюрика и «всю русь»?

Возможно, косвенный ответ на это содержит викингская «Сага о Хальвдане Эйстейнссоне» (по данным родословных её героев, отражающая события 850–870-х гг.), в которой рассказывается, как норвежские викинги (Хальвдан означает «полудан») захватили Альдейгыоборг и убили местного конунга Хергейра (Hergeirr), прервав этим мужскую линию правивших там конунгов (Глазырина 1996: 51–82). Редкое имя конунга, не встречающееся в скандинавских исторических источниках ранее XIV в. (Глазырина 1996: с. 99), повторяет имя правителя Бирки, второго после короля человека в государстве свеонов, принявшего крещение от Ансария и умершего в 850-х гг. (Мачинский, Панкратова 1996; 2002; Мачинский 2002а: с. 16–17).

Всё это позволяет реконструировать ситуацию, когда первое русское протогосударство, возглавляемое русами (в мужской половине – преимущественно потомками выходцев из Швеции) и включающее словен, чудь, кривичей и мерю (?), пережило сильнейший удар в результате набегов норвежско-датских викингов, приведший к перерыву династии по мужской линии. Однако остатки местной руси, тесно связанной со «всей

русью» в прибрежной Швеции, оказались необходимы для переговоров и призвания Рюрика. Отсюда следует, что некий «наряд» и «правду» чудь, словене и кривичи познали в составе этого протогосударства (а отнюдь не «конфедерации племён»), возглавлявшегося русью и контролировавшего торгово-данныческие пути и центры ещё до «варягов из заморья» и междоусобиц.

Если же опираться не на эпическую (русскую и скандинавскую) традицию, а лишь на достоверные источники – Ибн Хордадбега, Бертинские анналы и археологию – то вырисовывается следующая картина.

В Поволховье не позднее конца VIII в. возникает протогосударство с центром в Ладоге, окружённой крепостями на речных путях (Алаборг, Любша, Холопий городок и др.), глава которого не позже 830-х гг. принимает титул «хакан». Этнокомпонентами этого образования являются русь, словене, чудь и кривичи. На международной арене как купцы и послы выступают русы, живущие в окружении подчинённых им и союзных с ними славян, балтославян и финнов, составляющих местную социально-экономическую базу протогосударства. Эти северные русы проявляют знакомство с христианством, проникающим к ним с запада из Франкской империи через Швецию.

Ошибочно распространённое мнение, что, по сообщению Ибн Хордадбега, правитель каких-то ас-сакалиба, возможно, и не связанных с ар-рӯс, носит титул *к.наз*, т. е. князь: «...де Гуге читает термин как *кнан*, его можно передать и как конунг, но более вероятно конъектура издателя» (Велиханова 1986: с. 61, 158). В другой рукописи читается не *к.нан*, а *к.бад* – ещё более не похоже на *к.наз* (Мишин 2002: с. 49). Исследователь лексики ПВА А. С. Львов пришёл к выводу, что до середины XI в. основным титулом верховного владыки Руси было слово «каган» (Львов 1975).

Выявляется достойная внимания ситуация, когда глава самого северо-западного европейского компонента будущей Руси, правящий на севере её, принимает принесённый из степного азийского юго-востока титул, воспринимавшийся с VI в. как равный титулу «император», и велит именовать себя этим титулом даже послам, отправляемым им к двум европейским императорам. И впоследствии, несмотря на перерыв мужской линии династии, этот титул сохраняется как наивысший у правителей руси/Руси вплоть до середины XI в.

В этом чувствуется некий провиденциальный «имперский замах», предчувствие будущих имперских статуса и судьбы Руси/России, сохраняющих до сих пор свою притягательность для её правителей и народа.

Впервые титул «каган» фиксируется в III в. н. э. у сянбийцев, протомонгольской народности в Манчжурии и восточной Монголии, но означает он лишь главу племени и рода. Имперский характер титул принимает у полиэтничного объединения, возглавляемого монголами жуаньжуанями (аварами) в Монголии и Внутренней Монголии в IV–V вв. В 551 г. авары терпят поражение в битве с тюрками, глава которых Бумын и принимает титул кагана. В результате завоеваний последующих каганов возникает Тюркская империя, каганат, простирающийся в 570-х гг. от Корейского залива на востоке до пролива Босфор Киммерийский на западе и имеющий в числе своих данников даже северокитайские государства. Титул «великий каган» (улук-каган) приравняется в международных отношениях к титулу «император».

Появляющиеся в Европе в 550-х гг. авары, потомки двигающихся на запад жуаньжуаней, первыми приносят сюда титул «каган» и знакомят с ним подчинённых ими антов и то союзных с аварами, то враждебных им склавинов от Днепра до среднего Дуная.

Тюркский каганат, распадающийся на западный и восточный, переживает в VII в. ряд метаморфоз и к середине VIII в. прекращает своё существование. На западной окраине Тюркского каганата в начале VIII в. возникает хазарское государство, владыка которого, происходивший предположительно из «каганского» рода Ашина, принимает титул кагана (Кляшторный 2005)¹².

Русские протогосударства и Русь IX – середины XI в. – это единственный случай принятия титула «каган» за пределами степных государственных образований, причём далеко на север от них. Титул «хакан руси» (араб. *ḫāḳān rūṣ*) соединял в себе северо-западный и юго-восточный импульсы и одновременно как бы предрекал дальнейшую судьбу Руси-России: её подчинение ханам Монгольской империи и Золотой орды, а затем распространение её владений на восток вплоть до Манчжурии, где когда-то и зародился этот титул, и в итоге – превращение в империю. Словообраз нередко предвосхищает и предопределяет будущую судьбу этносов и государств, возникая много ранее, чем создадутся конкретные условия для реализации этой судьбы.

Считаю не вполне правомерным употребление названия «Русский каганат» по отношению к протогосударствам и государству IX–XI вв. В интересной статье К. Цукермана подзаголовок её раздела «Шесть упоминаний о русском каганате» (Zuckerman 2000: p. 97) неверен: в источниках есть упоминания только о русских каганах. Слово «каганат» является производным научным термином от титула «каган» и в источниках, повествующих о событиях VI–XI вв., никогда не употребляется. В науке термин «каганат» последовательно применяется к степным и кочевым (в своей основе) государственным образованиям, и сомнительно, стоит ли переносить его на Русь, существенно отличающуюся от них. Поскольку при попытках такого переноса титул верховного владыки определяет именование государства, то тогда придётся признать, что при Владимире, которого Иларион именует «великим каганом», Русь представляла собой «Великий каганат», а при Ярославе, которого он называет «благоверным каганом», – «Благоверный каганат».

Где проходит хронологическая граница между первым русским протогосударством со столицей в Ладоге-Альдейге и вторым русским протогосударством Рюрика и рюриковичей со столицей (первоначально кратковременно) в той же Ладоге, затем в Невогарде/Хольмгарде/Новгороде, а позднее – в Киеве и (чрезвычайно кратковременно и номинально) в Переяславце Болгарском?

Знаменитый набег росов в 860 г. на Константинополь, в отличие от походов Олега, Игоря и Святослава, не оставил никаких следов в эпической памяти руси эпохи ранних Рюриковичей. По времени его организатором мог быть (с большой натяжкой) разве что сам Рюрик, но тогда память о таком походе основателя династии не могла бесследно исчезнуть. В ПВЛ этот набег, о котором на Руси узнали из византийских источников, был приписан Аскольду и Диру, предшественникам Олега в Киеве.

Остаётся предположить, что этот поход был предпринят ещё «дорюриковой» русью и, возможно, был последним её крупным предприятием. Или же поход могли возглавить «варяги из заморья», предпринявшие общий поход вместе с местной русью. Большой пожар в Ладоге, по данным дендрохронологии, происходит между 865 г. и 871 г. Около этого времени и возникает Рюриков городок у истоков Волхова и зарывается ряд кладов в Поволховье. В это же время улавливается некий «шов» между

¹² Приношу глубокую благодарность С. Г. Кляшторному за щедрые консультации по различным вопросам.

двумя эпохами при сопоставлении одного западноевропейского и двух византийских письменных источников. В «Окружном послании» (конец 866 – середина 867 г.) Фотий сообщает, что росы, напавшие на Константинополь в 860 г., «ныне переменяли языческую и безбожную веру... на чистую и неподдельную религию христиан <...> И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере... что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием... предаются христианским обрядам». Договор с росами и отправка к ним епископа произошли между 861 и 866 гг. (Кузенков 2003: с. 75, 83) при императоре Михаиле III.

Однако в 867 г. Михаил III был убит, Фотий смещён, а на престоле оказался Василий I Македонянин, основатель новой династии¹³, а патриархом стал Игнатий. Внук Василия I Константин Багрянородный в «Жизнеописании» своего деда сообщает: «Народ росов, неодолимейший и безбожнейший, он, склонив к соглашению обильными подношениями... и заключив с ними мирный договор, убедил также приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять архиепископа, получившего рукоположение от патриарха Игнатия <...> Когда архонт этого племени собрал подданных на сход и воссел во главе со своими старейшинами, более других преданными суеверию из-за долгой привычки <...> иерей и был подвергнут расспросам, что он проповедует». Росы требуют чуда, и следует рассказ о не сторевшем в огне Евангелии. После этого «варвары без колебаний приступили ко крещению» (Кузенков 2003: с. 126–127).

Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде/Рюриковом городке

Если доверять приведённым сообщениям, то создаётся впечатление, что во втором случае мы имеем дело с какими-то иными росами, чем в первом, – чуждыми христианству и впервые обсуждающими возможность его принятия. Это второе крещение росов происходит при патриархе Игнатии (867–877 гг.), а прибытие архиерея к росам предположительно датируют 874 г. Предварительные переговоры происходили, видимо, ранее, в начале 870-х гг. Кто же этот «архонт», о котором в обеих гомилиях и в «Окружном послании» Фотия, сообщающих о набеге 860 г., – ни слова и который, по описанию Константина VII, уверенно возглавляет народное собрание и совет старейшин ок. 868–874 гг., что вполне соответствует обычаям свеонов, как они описаны в «Житии святого Ансгария»? (Кузенков 2003: с. 127–129)?

Ко времени переговоров с росами, предшествовавших принятию ими – как бы заново – христианства при Василии I и Игнатии, относится и письмо самого Василия I, отправленное в 871 г. восточнофранкскому королю Людовику II Немецкому, содержание которого реконструируется на базе сохранившегося ответа Людовика II, последовавшего в том же 871 г. Василий I пишет, что Людовик II не имеет права называться

¹³ Этих двоих императоров объединяет то, что любовница Михаила III Евдокия Ингерина была выдана им замуж за Василия I, с которым он соправительствовал в 866–867 гг. Ингерина родилась около 837 г., и отцом её был «славный Ингер» – вероятно, судя по именам, родом из росов. Около 825 г. в Византии известен и ещё один Ингерос, митрополит Никейский. Всё это говорит о разнообразных контактах росов с империей ещё до посольства 837–839 гг. и отчасти объясняет осведомлённость их о незащищённости столицы при набеге 860 г.

императором, а должен довольствоваться титулом гех, и сообщает, что титул кагана (*chaganus*) имеют владыки аваров, хазар и норманнов (*portmanni*). Людовик II в ответном письме пишет, что знает лишь кагана авар, но не кагана хазар и норманнов. Ни у кого из объективных исследователей не возникает сомнения, что под норманнами подразумевается народ *ḡōḡ*, вероятно, так и названный в письме Василия и переименованный в ответном письме Людовика в соответствии с западной, латиноязычной традицией (Иоанн Диакон, позднее Лиутпранд) в *portmanni*. Этот каган норманнов по времени соответствует тому архонту росов, о котором упоминается в «Жизнеописании Василия I». В письме к Людовику II Василий I намеренно называет владыку росов-норманнов не архонтом (как это было принято в византийской официальной традиции), а его действительным титулом «каган», дабы показать адресату, что даже властитель варваров-росов претендует на титул явно более высокий, чем титул «гех».

После сопоставления всех исторических, документальных, археологических источников и дендрохронологии возникает высокая вероятность того, что титул «каган» в письме Василия I относится уже к более поздней, другой руси, занявшей место прежней после военных катаклизмов второй половины 860-х гг., т. е. что это титул Рюрика, имеющего резиденцию уже у истоков Волхова, на «Городище», где найдена редкая на Руси серебряная монета Василия I (Носов 1990: с. 94).

Следующее по времени упоминание того же титула у русов содержится в так называемой «Анонимной записке». При описании болотистого «острова русов» отмечается, что «у них есть царь, называемый *хākān-rūs*». Также рассказывается, что русы везут пленников из ас-сакалиба «в Хазаран и Булкар и там продают». Для датировки той реальной ситуации, что отражена в этом источнике, наиболее важно упоминание в нём властителя волжских болгар Алмуша, сына Шилки, исповедующего ислам, т. е. того самого царя, которого Ибн Фадлан застал во главе государства болгар в 922 г. Из «Книги Ахмеда ибн Фадлана» и исследования и комментария А. П. Ковалевского следует, что Алмуш принял ислам ещё до прибытия посольства, а к 922 г. он уже имел взрослых детей, но ещё не был старым; в итоге его возраст – где-то около 50 лет (Ковалевский 1950). Ясно, что такую ответственную акцию, как принятие ислама, явно враждебную по отношению к иудеям-хазарам, от коих он находился в политической зависимости, Алмуш мог предпринять только будучи вполне взрослым и уверенно возглавляющим Болгарию человеком, т. е. старше 20 лет. Из этого следует, что наш источник отражает ситуацию не ранее 892–894 гг., а возможно, и несколько позже, но, вероятно, не позднее 913 г., которым ряд специалистов ограничивает время создания текста Ибн Русте, наиболее раннего автора, пересказавшего «Анонимную записку» около 903–913 гг.

Близкую и чрезмерно точную дату создания этого текста, опираясь на локализацию и историю венгров в конце IX в., даёт Д. Е. Мишин – 889–892 гг. (или 889–895 гг.), но она основана на целой цепочке допущений (Мишин 2002: с. 51–58).

Вот перевод интересующего отрывка (с вариантами):

«Что касается ар-Русийи, то она находится на острове (полуострове), окружённом озером (малым морем, большой рекой). Остров, на котором они живут, протяжённостью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, зловонен и сыр до того, что стоит человеку ступить ногой на землю, как она трясётся из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый *хākān-rūs*. Они нападают на ас-сакалиба, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они

не имеют пашен, а питаются тем, что привозят из земли ас-сакалиба <...> Их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами <...> У них много городов... Гостям оказывают почёт...»

Ещё в 1984 г. я настаивал на том, что для последней трети IX – начала X в. ранний Hólmgarðr = ранний Νεμογαρδάς < *Νεβογαρδάς, упоминаемый Порфирирогенетом, = ранний Новгород, основанный Рюриком = Рюриково городище и что этот многоимённый пункт является политическим центром болотистого «острова русов» и, возможно, района Hólmgarðar (островные огороженные усадьбы), а сообщение о «трёх днях пути» по острову соответствовало занимающей 3–4 дня поездке на лёгкой ладье от Рюрикова городища до Ладоги (ок. 200 км вниз по Волхову). Топоним Хольмгард я рассматривал как чисто скандинавский – «огороженная усадьба на острове», а Невогард – как финно-скандинавский, объясняемый из финск. *neva* ‘болото, болотистое озеро или река’ и сканд. *garðr* ‘усадьба’, что в итоге даёт ‘усадьба у болотистого озера’ – название, подходящее к Рюрикову городищу у Ильменя (Мачинский 1984: с. 18–22).

О подобной соотнесённости этих топонимов и стоящих за ними реальностей я писал и позднее, переводя топоним Невогард как «болотная усадьба» и обращая внимание на обозначение болотцев на Новгородчине диалектным словом «невьи» и на наличие огромного болота «Невий мох» к востоку от Ильменя. Там же я утверждал, что «финно-скандинавское название „Невогард“ имело соответствие в славянском „Новгород“» и оба они первоначально обозначали городок, основанный Рюриком. «„Новгород“ времён Рюрика, Олега, Игоря и первых лет жизни Святослава – это „Городище“» (Мачинский 2002а: с. 14–15, 25–27; 2003а: с. 22).

Лингвистическую достоверность подобной трактовки с некоторыми уточнениями обосновал Вяч. С. Кулешов (Кулешов 2003: 34).

В Комментарий к слову Νεμογαρδάς < *Νεβογαρδάς в 1989 г. (при издании текста и перевода «Об управлении империей»), написанном Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухиным и А. А. Зализняком, утверждается, что интерпретация его как Новгорода Великого «общепринята», первая часть названия интерпретируется как славянское *nov-*, *ново-*, а вторая – как отражение и архаичного неполногласного славянского гард (град), и скандинавского *garðr* (под влиянием скандинавского имени Новгорода Великого – Hólmgarðr (Мельникова, Петрухин, Зализняк 1989: с. 310–311). Упоминается и явно неверное отнесение А. Н. Кирпичниковым в 1988 г. (Кирпичников 1988) этого названия к Ладоге. В конце отмечается, что, судя по работе Е. Н. Носова 1987 г., «резиденцией новгородских князей и их дружин» было Городище, но никаких выводов из этого не делается, а уравнение «ранний *Νεμογαρδάς = ранний Новгород = ранний Hólmgarðr = Рюриково городище», предложенное в 1984 г. Д. А. Мачинским, не упоминается и не рассматривается. – Скучно.

В готовящемся ныне новом издании «Об управлении империей» комментарий к обсуждаемому топониму написан С. Р. Тохтасьевым, знакомым с моим «уравнением» со слов А. Н. Анфертьева. По просьбе С. Р. Тохтасьева я ознакомил его с соответствующими местами моих работ, и он в целом поддержал мою интерпретацию. Посмотрим, что будет напечатано в окончательном комментарии.

В 1990 г. в итоговой главе монографии, посвящённой Рюрикову городищу, Н. Е. Носов, игнорируя мою статью 1984 г., ему хорошо известную, расплывчато соглашается с мнениями разных исследователей, что городище в древности могло называться

Холмгород (?), отсюда – сканд. *Hólmgarðr*, или Словенск, аналогичный городу Слава из восточных сообщений о «трёх группах руси», а топоним «Невогард», скорее всего, обозначал Новгород-Северский или Новгород Вольнский (???) (Носов 1990: с. 184–199). Мне не известно, чтобы в какой-либо из более поздних работ Е. Н. Носов отказался от этого не имеющего основания и смысла «предположения». Печальный итог монографии, ценной опубликованным материалом.

В его же проблемной статье 2005 г. читаем: «Возникновение наименования “*Hólmgarðr*” следует отнести к концу VIII – началу IX в., когда скандинавы начали подниматься вверх по Волхову из Ладоги. Возможно, появление топонима было обусловлено характером местности в истоке Волхова, где на холмах среди низменной поймы располагалось множество отдельных славянских посёлков, но не исключено, что главный из них назывался Хълмъгородъ». Сообщаю, что никаких «славянских посёлков» рубежа VIII–IX вв. здесь не обнаружено¹⁴. Кроме того, Е. Н. Носов наконец-то определённо сообщает: «Городище – это и есть древнейший летописный Новгород» (Носов 2005: с. 31–32; ранее об этом же: Носов 1995). О названии **Νεβογαρδας* и «острове русов» – ни слова.

В обобщающей статье 2007 г. «Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы» не сказано ни слова о древнем именовании Городища и его окрестностей по данным письменных источников, но категорически заявлено, что «Рюриково городище предшествовало Новгороду», что неточно, если не оговорить, что древнейший Новгород и есть Городище. Также утверждается, что на Городище есть «слои второй половины IX–X вв. и можно предполагать наличие и более ранних» (Носов 2007: с. 28, 30). На самом деле на Городище есть следы существования протогородского укрепленного поселения не ранее последней трети IX в. (Мачинский 2002а), а «предполагать» можно всё, что желательно.

Поскольку иных «итогов и перспектив» не предвидится, кратко изложу своё видение проблемы, минимизируя аргументацию и ссылки.

В начале IX в. *Aldeigja-Ladoga-Aldeigjuborg*, столица русского протогосударства, была прикрыта с трёх сторон целым рядом «боргов» на основных речных путях. Это *Alaborg/Aluborg* на Сяси у Рождественского порога, контролировавший кратчайший водный путь из озера Нево в Поволжье (Джаксон, Мачинский 1989; Мачинский, Панкратова 1996; 2002), это *Trelleborg* (Холопий/Робий городок) ниже слияния Волхова и Волховца (Носов, Плохов 2005). Его древние названия реконструируются из немецкого названия этого «городка» *Drelleborg/Drelleborch*, передающего сканд. *Trelleborg* в новгородско-ганзейских договорах и из его славянорусского наименования «Холопий городок». Поселения с названием *Trelleborg* существовали в скандинавских странах, наиболее известные – укрепленные викингские лагеря на острове Зеландия и в Южной Швеции, причём последний возник лишь в конце X в. *Trelleborg* означает «крепость рабов». Примерно такое же значение у славянского наименования «Холопий городок» или, возможно, более раннего – «Робий городок», сохранившегося в названии ближайшей речки «Робейка».

¹⁴ К VIII в. может относиться лишь поселение Прость на достаточно высоком месте к западу от истока Волхова, но оно расположено не «среди низменной поймы», да и принадлежность его в VIII в. именно славянам, судя по материалу, сомнительна и никем до сих пор аргументированно не обоснована.

Полагаю, что скандинавские Trelleborg'и могли называться так потому, что они находились на путях работорговли и в них в определённые моменты концентрировались большие группы рабов. Вероятно, такого происхождения и имя нашего Trelleborg'a – Робьего (Холошьего) городка. Он находился в важном торгово-речном узле, через него уже в начале IX в. шёл поток арабского серебра (клад 811 г.), здесь же могли временно концентрироваться рабы и пленные, предназначенные для сбыта на Западе и Востоке. Менее вероятно, что его постоянным населением были те ас-сакалиба (славяне и балтославяне), которых русы рассматривали и как потенциальных рабов для продажи. Наш Trelleborg, возможно, самый ранний из соимённых поселений.

Aldeigjuborg, Alaborg и Trelleborg были местами, защищёнными самой природой, и требовали незначительных древо-земляных укреплений. Зато Любшанское городище (древнее имя неизвестно), прикрывавшее Ладогу с севера, не позже конца VIII в. имело мощные земле-каменно-деревянные укрепления и было настоящим borg'ом. Сюда же относится городок Новые Дубовики, контролировавший Волховские пороги. Возможно, к этой же системе относился и Изборск – скандинавский Iseborg < *Isuborg (Мачинский 1986; 1990); возражения моих друзей меня не убедили (Джаксон, Рождественская 1988), тем более что появились дополнительные факты (Белецкий 1993; 1996; Плоткин 1993).

Не исключено, что в этой «системе borg'ов» позднее появился и ещё один – Hólmgarðaborg – как назван, видимо, Рюриков городок в одном из списков полуфантастической «Саги о Хрольве Пешеходе» (GHs), сохранившей, однако, уникальные данные о топонимике и географии Северной Руси (Мачинский, Панкратова 1996; 2002)¹⁵.

Однако при наличии такой системы «боргов» вся территория протогосударства, видимо, называлась почему-то Гарды (Garðar) – «ограждённые дворы» – возможно, как предполагают, из-за созвучия со славянским гард/град – «укреплённое место, городок».

Само название Hólmgarðr (Рюриков городок) – чисто скандинавское – «ограждённый двор на острове». На базе слова garðr образован целый ряд названий, которыми именно и только скандинавы обозначали в IX–XI вв. русское протогосударство и государство (Garðar, Garðaríki) и «столичные» протогорода и города на «пути из варяг в греки»¹⁶.

¹⁵ Ингигера, дочь конунга Альдейгьоборга Хрепвида, убитого захватившим город Эйреком, удаляется в замок в оставленных ей владениях (CHs, 3). Выбрав Хрольва защитником своих интересов в поединке, она после его победы ведёт его в свой замок и сажает на почётное место. Оттуда они бегут в Данию. Эйрек ищет Хрольва три дня и обыскивает замок (CHs, 20–22). Позднее, в разгар борьбы Хрольва с Эйреком за Альдейгьоборг, мёртвый Хрепвид пророчесствует, что Хрольв будет конунгом в Хольмгарде (Hólmgarðr) (GHs, 32). В конце сообщается, что Хрольв, прибыв в Хольмгард, был избран конунгом всей Гардарики, что горная цепь разделяет Хольмгардарики и Ётунхейм и что «в Hólmgarðaborg'e находится главное сидение (столица?) конунга Гардов (Garðakonungs), что теперь называются Nógarðar и Rudzaland» (GHS, 38; Пряди истории 2008: с. 127).

Из этих фрагментов эпических преданий узнаём, что древняя династия, сохранённая в женской линии, переносит свою столицу из Альдейгьоборга в Hólmgarðr-Hólmgarðaborg, столицу Nógarðar, что Хрольв избирается конунгом, что, видимо, между Альдейгьоборгом и Хольмгардаборгом три дня пути – аналогия с тремя днями пути по острову русов.

¹⁶ Кроме обычно перечисляемых с севера на юг Хольмгарда, Кёнугарда (Киева) и Миклагарда (Царьграда), следует назвать первым Balagarðr, существование коего доказывается наличием в северных сагах топонима Balagarðssíða ('побережье Балагард'), локализуемого в юго-западной Финляндии.

Вариант *Hólmgarðar (предположительно реконструируемый на основе упоминаемых в сагах Hólmgarðaríki и Hólmgarðaborg) мог бы обозначать систему поселений (дворов, хуторов) русов и славян на возвышенных местах среди заливной и местами болотистой поймы в верховьях Волхова, превращающейся весной в сплошной разлив, но, к сожалению, такие поселения пока не обнаружены. В любом случае, никакой славянский «*Холмгород» не обнаруживается ни в письменных источниках, ни в археологическом материале.

Название *Nevogarðr < *Νεβογαρδάς > Νεβογαρδάς (Рюриков городок) – финно-скандинавское и означает ‘ограждённый двор (или дворы) на болоте (в болотистой местности)’. Это название, перенесённое позднее на собственно Новгород, сохранило в скандинавско-германской традиции свою вторую часть – garðr (Nógarðr, Nogardia), а в греческой – первую *nevo*. В списке одиннадцати епископий «Великой России», составленной в середине XII в., имеем: Πελογραδων (Белоград = Белгород), Νεβογραδων (Невоград = Новьград), Τζερονιγοβων (Чернигов), Πολοτζικων (Полоцк) и т. д. (Бибииков 1981: 62–63). Чрезвычайно интересно, что Νεβογραδων (Невоград) назван сразу за Белгородом, где епископия была учреждена так же, как и в Новгороде, ещё при Владимире, и перед Черниговом, Полоцком и др., где епископии были созданы позднее. Вероятно, здесь отражено название собственно Новгорода (Νεβογραδων), как оно было воспринято греками в 989–990-х гг., когда и учреждалась новгородская епископия. Этот источник доказывает, что первая часть названия устойчиво воспринималась греками как Nevo- (Νεβο-, Νεβο-), а скандинавское *garðr* заменилось в конце X в. славянским *градь*. Соединительное *o* в *Νεβογαρδάς и Νεβογραδων соответствует нормам среднегреческого языка, и, возможно, появилось лишь в греческом воспроизведении названия. Но в условиях трёхязычия, существовавшего в Поволховье, нельзя полностью исключать то, что славянское соединительное *o* объединило финский корень *nev- и скандинавский *garð-. Славянское название сначала Рюрикова городка и, позднее – во второй половине X в., – собственно Новгорода реконструируется как *Nev(ь,о)gordъ > *Nev(ь,о)gradъ > *Нов(ь,о)градъ. Чисто скандинавское название реконструируется как *Nevagarðr. Однако, не являясь лингвистом, я буду в дальнейшем в основном использовать только форму, зафиксированную в письменной традиции с учётом принятой всеми замены *μ* на *β*: *Νεβογαρδάς = *Nevogardr = Невогард¹⁷.

Показательно, что в итоговой статье Е. Н. Носов, старательно обходя темы этнического состава населения и древнейших названий Рюрикова городища, даёт два рисунка – «Находки скандинавского происхождения» и «Находки финно-угорского происхождения», а вот рисунка «Находки славянского происхождения» – нет: не набралось даже на один рисунок (Носов 2007: с. 29–31, рис 3, 4). Всё это вполне соответствует финно-скандинавскому названию поселения.

Именем Hólmgarðr и, возможно, Hólmgarðar называли Рюриков городок и систему окружающих его «дворов» скандинавы, приезжавшие сюда из-за моря по Волхову, а именем *Nevagarðr и, возможно, *Nevagarðar – местные росы, полиэтничные военно-торговые дружины, в которых лидировали и преобладали потомки скандинавов. Смысл обоих названий – «ограждённый двор (дворы) на острове» и «ограждённый двор (дворы) на болоте» – суммарно вполне соответствует болотистому «острову русов» «Анонимной записки», где есть «города», следовательно, один из них является

¹⁷ Благодарю Вяч. С. Кулешова, В. Т. Мусбахову и С. Р. Тохтасьева за консультации.

главной резиденцией (столицей) властителя, именуемого «хăќăн-рўс». Эта столица и именуется в русских летописях Новгородом при ретроспективном рассказе о событиях 862–970-х гг. Но весьма вероятно, что уже в это время на славянском языке это название звучало как **Нев(ь,о)гордъ* и **Нев(ь,о)градъ* и в такой форме было перенесено в конце X в. на возникший в середине X в. при Ольге другой административно-торговый центр в том же микрорайоне, который стал называться Новгородом/Новьградом лишь тогда, когда в нём был построен укреплённый детинец. Словом *garđr* скандинавы преимущественно обозначали ‘двор, усадьбу с оградой’, тогда как для обозначения ‘крепости’ преимущественно употреблялось слово *borg*. Присутствие слова *garđr* в именовании трёх столиц – Рюрикова городка, Киева и Константинополя, – вероятнее всего, связано с тем что в этих городах находились дворы верховных владык (кагана-князя и императора): *Miklagarđr* ‘Великий двор (императора)’. На то, что *garđr* понималось и носителями славянского языка скорее как ‘двор’, чем ‘град’, может указывать топоним *Ярославово дворище*, фиксирующий первый перенос (с Рюрикова городка?) княжеского (вероятно, ограждённого) двора на Торговую часть формирующегося собственно Новгорода (карта 4).

Итак, в городке, построенном (по ПВЛ) Рюриком (по сумме разнородных источников, ок. 864–870 гг.) позднее, в 890-х, а возможно, и в 900-х гг., уже находилась резиденция хакана руси, как это явствует из сопоставления данных «Анонимной записки», византийских и скандинавских источников. Вероятно, она была здесь уже в 871 г., когда Василий I писал письмо Людовику II. Каким образом этот титул был унаследован вновь пришедшей «всей русью» от доминировавшей здесь ранее местной «руси»? Возможно, как это часто бывало и как это особо акцентируется в «ладожских» сагах о древних временах, передача власти и титула происходила по женской линии, через брак с женой или дочерью прежнего погибшего властителя. Может удивить, что на рубеже IX–X вв. резиденция хакана была на севере, когда, по ПВЛ, уже в 882 г. Игорь и Олег осели в Киеве. Однако обратим внимание на то, что в договорах Олега с Византией в 907 и 911 гг. Игорь вообще не упоминается, а эпическое предание сохранило память о том, что после похода Олег зачем-то едет в Новгород и затем в Ладогу, где он и похоронен. Много указывает на то, что Олег рассматривал Киев как своё личное «кормление», отобранное у пришедших ранее с севера Аскольда и Дира, а верховный «хакан» *Inger/Ingor*/Игорь ещё «сидел» на севере как минимум до 912 г.

Таким образом, не подтверждается категорическое утверждение К. Цукермана (Zuckerman 2000) о том, что первый Русский каганат (по его терминологии) прекратил существование «в начале 870-х гг.», а Рюрик появился в Ладоге «около 875 г.» и что ни Рюрик, ни Игорь не именовались каганами. Рассказ об «острове русов» явно записан со слов побывавших там «гостей» с Ближнего Востока, поражённых болотистостью и «зловонностью» его, и доказывает (при сопоставлении с иными источниками), что к середине 890-х гг. центр второго русского протогосударства был у истоков Волхова и возглавлял его хăќăн-рўс. К. Цукерман, как и другие исследователи, считает, что ни Рюрик, ни его потомки – Игорь и Святослав – не носили титула «каган», который вновь появляется лишь в титулатуре Владимира и Ярослава. Это не так.

Далее, исключая адресную полемику, сведя до минимума аргументацию и отсылая читателя к моим ранее опубликованным и находящимся в печати работам, я коснусь четырёх важных сюжетов.

О топониме Куйяба (*Kūyābā*) и русском хакане в середине X в.

У Ибн Фадлана (922 г.) имеются сведения, косвенно говорящие об особой сакральности царя (малика) русов. На столбе, помещаемом на вершине кургана, пишется (рунами? – Д. М.) имя погребённого и имя царя русов. Царь почти освобождён от практической деятельности. «Вместе с ним в его **очень высоком замке** (Вышгород? – Д. М.) находятся 400 мужей со своими девушками; эти мужи днём сидят и пьют с ним, а ночью спят у подножия его ложа». У самого царя 40 (вариант – 400) наложниц, с которыми он прилюдно совокупляется (культ сексуальной силы властителя, позднее отмеченный у «великого кагана» Владимира, имевшего 300 наложниц в Вышгороде – Д. М.). Кроме того, царь разрешает возникающие ссоры, а в случае непримиримости сторон назначает судебный поединок – так же, как *ḫāqān-rūs* в «Анонимной записке». И малик русов у Ибн Фадлана, и *ḫāqān-rūs* «Анонимной записки» являются современниками Алмуша сына Шилки, властителя волжских булгар. Затем следует: «У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у подданных» (Ковалевский 1956: с. 146). И сразу после этого Ибн Фадлан рассказывает о высокосакрализованном «большом хакане» хазар, о его 25 жёнах и 60 наложницах. «Его заместителя называют хакан-бек», он командует войсками, управляет государством, ему подчиняются иноземные цари.

Ситуация с царём русов и его заместителем весьма напоминает пару Игорь – Олег. И хотя царь русов не назван хаканом, но параллель между ним и хаканом хазар напрашивается. «Начало данного рассказа: „Что же касается царя хазар“, по-моему, указывает на то, что Ибн Фадлан находится здесь под влиянием предшествующего рассказа о царе русов» (Ковалевский 1956: с. 267).

Отметим, что ни византийские, ни франкские императоры официально не признавали за росами права на титул *хакан/хаган*, именуя их лишь *архонтами*. Не признают за ними права на этот титул ни в арабском мире, ни, как видим здесь, в Хазарии и Болгарии. Во всех случаях, включая «Анонимную записку», речь идёт лишь о том, что сами росы именуют своего владыку хаканом¹⁸. Весьма вероятно, что «царь» русов у Ибн Фадлана соответствует хакану «Анонимной записки», только первый фиксируется в письменном тексте несколько позднее второго.

Где-то в диапазоне 923–951 гг. в арабо-персидской географической традиции появляются сообщения о «трёх группах руси». Отсылаю читателя к моей статье 1985 г., где есть неточности и наивности, но с основным выводом которой я согласен и ныне (Мачинский 1985а), а также к трудам моих предшественников-единомышленников (Смирнов 1928; Minorsky 1937).

Эти сообщения впервые достоверно зафиксированы в сочинении ал-Истахри, написанном около 930–933 гг., переработанном в 950–951 гг. и известном в последней редакции. От ал-Истахри заимствует эти же сведения ок. 950–960-х гг. Ибн Хаукал. Предполагают, что сведения ал-Истахри восходят к сочинению ал-Балхи (920-е гг.). Но поскольку местоположение трёх групп определяется относительно города Булгара,

¹⁸ Много позднее в России так же своевольно Иоанн IV принял титул «царь», а Пётр I – титул «император», с чем некоторое время были не согласны главы других государств.

ещё не существовавшего во время путешествия Ибн Фадлана (922 г.), ясно, что информация о трёх территориальных группах руси была получена позднее этой даты.

Особое внимание привлекает название и местоположение столицы первой группы русов, ближайшей к Булгару, – *Kijābā*. Другая группа – *Artāniyyab* со столицей в *Artā*, жители которой «спускаются по воде для торговли в Куйябу, вывозя из *Artā* чёрных соболей, чёрных лисиц и олово», и не допускают чужеземцев в свои земли. Ал-Истахри и Ибн Хаукал сохранили также сведения о тех временах, когда Куйяба ещё не считалась городом русов: «Русы – варварский народ, живущий в стороне булгар на реке Итиль между ними и ас-сакалиба. <...> Те шкуры бобров, которые везут во все концы света и которых нет нигде, кроме как в северных реках, что в стороне булгар, руссов и Куйябы».

Многие исследователи, начиная с А. П. Новосельцева (1965), логично локализируют *Artāniyyab* и *Artā* в районе Верхнего Поволжья около Ростова и Белоозера, но при этом город *Kijābā*, расположенный на речном пути между *Artā* и Булгаром, эти же и другие современные российские учёные уверенно и однозначно отождествляют с Киевом на среднем Днепре (Коновалова 1995). Я давно уверен, что восточные источники просто кричат о том, что эта *Kijābā* – не Киев на Днепре, а некое поселение в верхнем Поволжье. Нашлись у меня и предшественники¹⁹ (карта 4).

Ситуация ещё более проясняется, если обратиться к «Худуд ал-‘алам», персоязычному географическому сочинению (982–983 гг.), в котором также сообщается о «трёх городах» русов (здесь они не названы «группами»). Сложность в том, что по традиции сведения о «трёх городах» в «Худуд ал-‘алам» считают вариантом текста ал-Истахри о «трёх группах», а предшествующее им сообщение о «стране русов» – вариантом текста «Анонимной записки» об острове русов (Новосельцев 1965: с. 397–414). На самом деле эти два сообщения в «Худуд ал-‘алам» неразрывно взаимосвязаны, и каждое из них в отдельности и оба они в единстве отнюдь не являются прямым заимствованием из более ранних сочинений.

Цитирую наиважнейшие отрывки: «Страна (русов). На восток от неё – гора печенегов (Жигули. – Д. М.), на юг – река Руга (Ока, по В. Ф. Минорскому), на запад – славяне, на север – ненаселённый север. Это большая страна, и народ её... склонный к ссорам и воинственный <...> Царя их зовут рӯс-х̣ақ̣ан. Страна эта изобилует всеми жизненными благами».

Вот что думал известный арабист о соотношении этого текста с более ранним сообщением об «острове русов»: «Худуд ал-‘алам от всей темы оставил лишь одну фразу... „Они называют государя рӯс-х̣ақ̣ан“. Представляется, что замещение... термина х̣ақ̣ан-рӯс на рӯс-х̣ақ̣ан не случайно, и показывает, как и весь окружающий эту фразу текст, на использование «Худуд ал-‘алам» иного, чем Ибн Русте и Гардизи, оригинала» (Заходер 1967: с. 79). Если у Ибн Русте хакан живёт на болотистом и зловонном острове, то в «Худуд ал-‘алам» – в большой стране, изобилующей всеми благами. Если у Ибн Русте русы хоронят тела умерших, то в «Худуд ал-‘алам» – они их сжигают. Текст «Худуд ал-‘алам» несомненно отражает новые, более поздние данные о русах, чем Ибн Русте, т. е. явно относится к X в.

¹⁹ Особняком стоит Г. Ф. Корзухина, которой было запрещено публиковать исследование, где доказывается, что «три группы руси» локализируются в верхнем Поволжье. Она познакомилась со своими изысканиями студентов семинара на кафедре археологии истфака в 1957–1958 гг.; среди них был и я. Работа Гали Фёдоровны до сих пор не опубликована.

Уточнить *terminus post quem* помогает вторая часть этого же рассказа «Худуд ал-‘алам» о «трёх городах» Руси. Они названы *Куйа.а* (Куйяба), *Сла.а* и Артаб (по А. П. Новосельцеву). И опять это не повторение, а развитие более ранней традиции. Впервые говорится, что из «ближайшего к мусульманам» города Куйа.а вывозят меха и ценные мечи, а из Артаба – очень ценные клинки для мечей и мечи. «Река Рус (Верхняя Волга. – Д. М.), вытекающая из страны славян, течёт на восток, пока не приходит в пределы русов. Затем она идёт вдоль границ Артаб, Слаба и Куйаба, которые являются городами русов, и вдоль границ хифжах идёт к югу к пределам печенегов, впадает в реку Итиль (Кама – Волга. – Д. М.)».

Все эти бесценные сведения, изложенные в «Худуд ал-‘алам» на персидском в 982/983 гг., восходят к неким более ранним арабоязычным источникам. Поскольку в «Худуд ал-‘алам», где очень подробно описаны народы, государства и города Восточной Европы, ничего не сообщается об описанном Ибн Хаукалом разгроме городов Булгар и Итиль русами в 968/969 гг.²⁰, постольку полагаю, что арабские источники «Худуд ал-‘алам» отражали более раннюю реальность. Итак, сведения о владыке русов с титулом *рүс-хакан* относятся ко времени между началом 930-х и серединой 960-х гг.

Отмечу, что ни один из трёх городов верхневолжской руси не назван резиденцией хакана. Она как бы находится за границами территорий трёх групп где-то в пределах «большой страны», изобилующей «всеми жизненными благами».

В «Худуд ал-‘алам» мы имеем бесспорное свидетельство применения титула «хакан» около середины X в. к верховному владыке Руси, которым мог быть либо Игорь, либо Святослав.

Итак, бесспорные свидетельства существования у русов титула хакан/каган мы имеем для 837–839 гг., 870–871 гг., ок. 892–913 гг., ок. 930–967 гг., ок. 978/980–1015 гг. (Владимир в Киеве), в 1019–1054 гг. (Ярослав в Киеве) – последние два свидетельства принадлежат «русину» митрополиту Илариону. Вероятно, титулом «каган» русы обозначали своего «царя» и в 922 г. Несомненна преемственность титула, несмотря на прерывание мужской линии первой династии ок. 850–860-х гг. и появление новой династии ок. середины 860–870-х гг.

Как и раньше, я полагаю, что «группа Куйаба» соответствует той группе курганных могильников уже полиэтничной «русии», которая появляется в бассейне Нерли в плодородном Суздальском Ополе не ранее 920-х гг. Сам «город Куйаба» соответствует самому южному и наиболее близкому по речному пути к Булгару археологическому комплексу у д. Васильково на Нерли, состоящему для X в. из городища, селища и трёх курганных могильников (Мачинский 1985а; Лапшин 1981; Лапшин, Мухина 1988).

Этот городок и открытое поселение с могильниками, где ещё в XIX в. сохранялось около 300 курганов, находились на водном пути, ведущем из района оз. Неро и Ярославля, освоенного русами (по археолого-нумизматическим данным) уже в IX в., в Волжскую Болгарию (Нерль – Клязьма – Ока – Волга). Этот юго-восточный опорный пункт руси возникает во второй четверти X в. (возможно, в 920-х гг.), т. е. тогда, когда появляются сведения о «трёх группах» руси в Поволжье у восточных авторов и находятся

²⁰ Разгром несомненно произведён поволжскими русами (вероятно, со вспомогательными отрядами скандинавов и, возможно, северных славян), а не самим Святославом, который в это время разрывался между обороной Киева от печенегов и удержанием завоёванной дунайской Болгарии, где он хотел основать новую столицу.

как раз на речном пути из Арты/Артаба в Волжскую Болгарию. Преобладающий обряд погребения (как и в «трёх группах») – сожжение. Вещевой комплекс могильников имеет «городской» характер. С начала XI в. количество населения значительно уменьшается. Это связано с тем, что в 983 г. Владимир, наложив повторную дань на вятичей, «оттоле иде в Поле и, покорив Поле, построил град Суздаль» (Татищев 1964: с. 132). Этот городок, предшествовавший Суздалью, находился в плодородном Ополе, в стратегически и экономически важнейшем районе, около впадения Нерли в Клязьму. Он расположен в 14 км к юго-западу от Суздаля, в 10 км к северу от Боголюбова и в 16 км к северо-востоку от Владимира, построенной Мономахом будущей столицы Руси (карта 4).

Относительно того, как название территории и города Куйаба могло оказаться в Волго-Окском междуречье, процитирую современного лингвиста, развивающего гипотезу С. Роспонда (Роспонд 1968): «...Ойконим Киев связан происхождением с топографическим термином, близким к польск. *Kujawa* ‘голое место среди лесов’; укр. диал. *Куява* ‘крутой холм, пустое место’ и др. древнеписьменные упоминания Киева неславянскими источниками (...перс. *Kujaba*... араб. *Kūyāba*...) тоже подводят к реконструкции топографического названия *Куява: **Кuj*, позднее преобразованного под влиянием possessивной антропонимической модели и давшего др.-русс. *Кыевъ* <...> Существует весомый аргумент... недостаточно оценённый. Это наименование жителей древнего Киева – кыяне, исконный летописный катойконим, который отражает и древнескандинавские источники (др.-сканд. *Kœnugarðr*... ‘Кьян(ов)ъ-город’, *Kœnig* ‘кыяне’ (Джаксон 2001: с. 64–68) <...> Если же считать имя Кия мотивирующим началом названия... Киева, то мы вправе ожидать появления патронимически оформленного киевичи <...> По отношению к... Киеву... присутствует форма *кыяне*, убедительно подразумевающая первичный апеллятив, а не личное имя» (Васильев 2005: с. 210, 211). На карте в этой же монографии В. А. Васильева (рис. 9) топонимы, аналогичные или близкие названию *Киев*, широко распространены на всей территории расселения славян в VII–XI вв., в том числе и в Волго-Окском междуречье.

Добавлю, что с топонимом *Киев* тесно соотнесён этноним *поляне*, а якобы антропоним *Хорив*, давший название горе Хоривица (Лысая гора?), полностью соответствует названию ветхозаветной горы Хорив (др.-еврейск. ‘сухой, пустой’). Область Куявы в Польше находится на восточной границе большого племени полян, а предполагаемая Куйаба на Нерли расположена в плодородном почти безлесом Ополе, или просто в Поле, как названа эта местность в летописях, используемых В. Н. Татищевым. Всё это вполне соответствует значению польск.-укр. *куява* ‘голое место среди лесов, крутой холм, пустое место’. Если же принять возможность двойной – не только славянской, но и тюркской – этимологии имени Киева (и одноимённых пунктов), то это вполне соответствует предполагаемой Куябе на Нерли, где встречались купцы тюрков-болгар и славяно-скандинавской Руси (см. статью С. Г. Кляшторного в этом же сборнике).

Титул *хакан/каган* и «знаки Рюриковичей»

Принятие Рюриком (или его сыном Игорем) ок. 870–895 гг. титула «хакан», скорее всего, унаследованного от правящей династии первого русского протогосударства со столицей в Ладоге (либо вновь заимствованного у хазар?), сопровождалось появлением

начертанного на монетах важнейшего символа новой династии – «знака Рюриковичей» в его древнейшем варианте двузубца. Существует мнение, что в 875–900-х гг., после прихода Рюрика, резко ослабли торговые связи с юго-востоком, с Хазарией и Халифатом, поскольку русы были заняты «местными разборками». Падение притока арабских монет действительно имело место, но это связано не с падением активности русов на юго-восточных путях, а с резким уменьшением в это время эмиссии дирхамов в Халифате, а также временным отпадением от Халифата в 864 г. Табаристана, через который и пролегал, по Ибн Хордадбеку, пути русов от Каспия к Багдаду. Вероятно, эти изъятия в торговых контактах русь времени Рюрика пыталась компенсировать новым способом: первым военным походом в Каспий и нападением на Абаскун в Табаристане во временном промежутке 864–884 гг. (Коповалова 2000: р. 399). По Нунану, «первый кризис серебра в Восточной Европе» закончился около 900 г., и после этого вновь усилился приток дирхамов, но уже из саманидской Средней Азии через Волжскую Булгарию (Ноопан 1992; 2000). Однако значительный рост эмиссии серебряных монет в государстве Саманидов наблюдается уже с середины 890-х гг.²¹, и поэтому рассказ об «острове русов» и их хакане, где говорится о торговле мехами за деньги, зашиваемые русами в пояса, о помещении монет в могилу, о торговле с Хазарией, скорее всего, соответствует реальности, имевшей место не ранее 895 г.

И именно к 890–900-м гг. относятся первые изображения двузубца на арабских монетах, на которые также наносятся изображения и надписи сакрально-воинского характера. К сожалению, в очень ценной статье Е. А. Мельниковой, где собраны знаки Рюриковичей на монетах, декларируется «преимущественная... связь монет с изображением двузубцев со Средним Поднепровьем» и утверждается, что двузубец «являлся знаком, принадлежащим киевскому князю» (Мельникова 1998: с. 176–181), но не отмечается, что древнейшие клады и монеты с этим знаком найдены за пределами Среднего Поднепровья.

Древнейшие клады и монеты с двузубцами с определённой уверенностью говорят, что этот знак первоначально получил распространение в Северной Руси и в тесно связанных с ней Швеции, Готланде и Полоцкой земле (по летописному преданию, Полоцк был изначально подчинён Рюрику). Самый ранний клад с последней монетой 880/885 гг. и монетой с двузубцем 877/878 гг. найден на Готланде. Вторая по древности одиночная монета с двузубцем происходит из Стокгольма (894 г.). Также весьма ранними одиночными монетами с двузубцем являются вторая из Стокгольма (919/920 гг.) и единственная из собрания Эрмитажа, где, кроме двузубца, есть рисунок стяга – почти точно найденная на северо-западе Руси (913/914 гг.). Клад из Готланда был зарыт не позже 890–900-х гг., а двузубец, видимо, появился в Северной Руси, через которую шёл поток серебра в Балтику, где-то в последней четверти IX в.

Следующее по времени место фиксации монет с двузубцем – это клады Полоцкой земли: Погорельщина, бассейн Немана (младшая монета 902–903 гг., монета с двузубцем – неопределима, на ней изображение ладьи) и Козьянки (младшая до 940 г., с двузубцем 910/911 гг.). И только после середины X в. монеты с двузубцем появляются в кладах Среднего Поднепровья: Звеничев (младшая 951/952 гг., с двузубцем 895–905 гг.), Копиевка (младшая 954/955 гг., с двузубцем – 911/912 гг.) (Мельникова 1998).

²¹ Благодарю Вяч. С. Кулешова за консультацию.

Картина ясна – сначала двузубцы появляются в Северной Руси и политически связанной с ней Полоцкой земле и отсюда попадают в Швецию и на Готланд, лишняя раз подтверждая теснейшую связь «всей руси» со Швецией и Балтикой. И лишь после середины X в., видимо, в связи с получением Святославом реальной власти в Киеве ок. 960 г., двузубцы появляются в Среднем Поднепровье.

После длительных поисков прототипа этого знака приходится признать, что единственным реальным источником его являются подобные знаки-граффити, обнаруженные в Хазарии, преимущественно на памятниках салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. в бассейне Дона (Флёрова 1997; 2001; Белецкий – доклад на конференции 2007 г.).

Не связано ли появление двузубца в Северной Руси, так же как вторичная актуализация здесь титула «хакан», с военным походом руси в Каспий и нападением на Абаскун в 864/884 гг. (более точная дата неизвестна)? Впервые по проложенным русами ранее торговым путям, по Дону и Нижней Волге в Каспий прошли не купцы, а военные дружины, возглавляемые своими вождями.

Ведь и первому принятию титула «хакан» ранее 838 г. предшествовал (или сопутствовал) набег русов на Амастриду – до 842 г., а вероятнее в 810–830 гг. (а возможно, и набег на Сурож-Сутдейю в начале IX в.), во время которого русы должны были проходить по Днепру или рекам Подонья через земли, подконтрольные Хазарскому каганату (волынцевская культура, гибнущая в 820–830-х гг. под ударом то ли русов, то ли венгров) (Воронятов 2005; 2008; Зорин, Шпилёв – статья в этом сборнике).

Такие походы позволяли на деле ощутить силу каганата и могли вызывать желание подражать и противостоять ему и в репрезентативно-сакральном оформлении верховной власти у русов и соподчинённых им славян, балтославян и финнов.

Возможно, восприятие знака двузубца из Хазарии произошло и позже при других обстоятельствах, но не позднее самого начала X в.

Сакрально-магический смысл изображений двузубца в Хазарии выявляется в работах В. Е. Флёровой (Флёрова 1997; 2001). На Руси сакрализованность знаков Рюриковичей для 890–970-х гг. в военно-торговой среде доказывается их вхождением в систему сакрально-воинских изображений и надписей на серебряных монетах, которые и сами по себе несли, наряду с экономической, и сакрально-престижную функцию.

Но особенно проявляется высочайшая сакрализованность знаков Рюриковичей, принимающих со времени Владимира также и форму трезубца, при воспроизведении их на золотых и серебряных монетах Владимира 989–1015 гг. и на серебряных монетах Святополка и Ярослава.

В «Слове о Законе и Благодати» русин Иларион, первый на Руси митрополит не из греков, славит «великаа и дивнаа сътворшаго нашего учителя и наставника, **великаго кагана нашеа земля Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава**, иже, в своа лета владычествующа, мужеством же и храбрьствомъ прослуша в странах многахъ и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в худе бо и не въ неведоми земли владычествоваща, но въ Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля...».

В этой форме славления крестителю Руси Владимиру уделено в 2–3 раза меньше похвальных слов, чем его языческим предкам Игорю и Святославу. Правда, может возникнуть впечатление, что каганом был только Владимир, а никак не Игорь и Святослав, к которым этот титул напрямую не отнесён. Но это не так, поскольку в «Слове»

не назван каганом и также прославляемый в нём Ярослав, который, как известно из другого источника, носил этот титул.

В ПВЛ под 6559 (1051) г.: «**Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина в святей Софьи, собрав епископы**». Далее о начале Печерского монастыря: «**Боголюбивому князю Ярославу**, любящю Берестовое и церковь ту сущюю святыхъ апостол, и попы многа набдящю, в них же бе презвутерь, именовем Ларион...» Об этом же событии – в записи от имени Илариона о поставлении: «Аз милостию человеколюбиваго Бога мних и пресвитер Иларион изволением Его от богочестивых епископов священ бых и настолован в... граде Кыеве яко быти в немь митрополиту... Быша же си в лето 6559 **владычествующу благоверному кагану Ярославу сыну Владимиру**. Аминь».

Итак, Ярослав, названный в многократно отредактированной летописи «**боголюбивым князем**», в явно сохранившей первоначальную форму записи назван «**благоверным каганом**».

Трудно представить политическую ситуацию, при которой Владимир мог по собственной инициативе принять хазарский титул «каган». Явно он был унаследован им от деда и отца. От них же он унаследовал и свой «герб». Однако именно Владимир переработал его первоначальную схему и придал ему особо высокий статус, что отчётливо прослеживается на эволюции изображений на его златниках и сребренниках. Монеты типа I, выпущенные, вероятно, сразу после принятия христианства и женитьбы на Анне ок. 889–890 гг., созданы по образцу византийских солидов. На аверсе – Владимир с подогнутыми ногами и варианты надписи: «Владимиръ на столе», «Владимиръ а се его злато», «Владимиръ а се его сребро», «Владимир на столе а се его сребро». При этом изображение «стола» отсутствует. В правой руке Владимир держит маловыразительный крест на длинном древке, а слева от Владимира изображён трезубец, зависший как бы в свободном парении. В целом создаётся впечатление, что право на «стол» и на владение «златом-сребром» обеспечивается и символизируется этими двумя знаками. На реверсе в противоположной ориентации (↑↓) погрудное изображение Христа в крещатом нимбе с надписью: «Исусъ Христось».

Начиная со следующего типа II и далее в типах III–IV сребреников (выпуск ок. 1011–1015 гг.?) происходит революция. Изображение Христа на реверсе исчезает и заменяется прекрасно проработанным трезубцем (в одинаковой с аверсом ориентации), отлично вписанным в круг монеты. Это может говорить лишь о сакральной равноценности обоих изображений, причём предпочтение всё же отдаётся второму – языческому – гербу Владимира. На аверсе – «Владимир на столе», на реверсе – «а се его сребро», сам Владимир изображён с нимбом. Этот вариант достигает апогея репрезентативности и совершенства исполнения в позднейшем типе IV. Владимир изображён в плоской шапке с крестом наверху и с нимбом, как императоры на монетах Василия II и Константина. Трезубец на реверсе не меняется, но исполняется особо изящно. Претензии «кагана» Владимира на восприятие его как «императора» выражены на сребренниках типа IV особенно отчётливо.

Монеты Ярослава, выпущенные в Новгороде, вероятно, в 1015–1016 гг., когда он начинал борьбу за киевский стол, при изображении на аверсе св. Георгия (христианское имя Ярослава) на реверсе сохраняют трезубец, снабжённый кружком над центральным зубцом – вероятно, солярный знак, ассоциирующийся со смыслом его языческого имени

Яро-слав. Эта «соляность» лучше всего выражена в гербе Ярослава на подвеске, найденной в сопке под Ладогой.

Монеты Святополка на аверсе близки к IV типу монет Владимира. Святополк в нимбе, но на реверсе предпринята попытка «христианизировать» двузубец (герб, доставшийся Святополку от отца Ярополка) – левый зубец трансформирован в крест, а над серединой знака помещён изолированный крестик. Святополк, рождённый от матери-христианки и, возможно, крещённый сразу после рождения, видимо, несколько стесняется своего языческого герба, но всё же не может от него отказаться.

Всё вышеизложенное основано на фундаментальном исследовании замечательных учёных и близких мне людей – М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского (Сотникова, Спасский 1983).

Как видим, первые христианские владыки Руси не могут расстаться ни со своим титулом языческой поры – каган, ни со своим языческим гербом – двузубцем-трёзубцем. Полагаю, что и титул «каган», заимствованный с юго-востока из Хазарии, и двузубец, по каким-то таинственным причинам выбранный среди других и принесённый отсюда же, были тесно связаны между собой, и «знак Рюриковичей» на монетах означал ту же преемственность, идущую от предков, которую Иларион выразил в титуловании Владимира каганом и вслед за этим – в восславлении его предков. «Знак Рюриковичей», по крайней мере, со второй половины X в. стал «знаком кагана», поскольку этот титул в сознании уже славяноязычных русов и просто славян не уступал по значимости титулу «император». И показательно, что этот языческий титул сохранил для нас такой христиан и богослов, как Иларион, обозначенный в летописи определением «русин». Титул хаган/каган тесно сопряжён с социотнонимом рос/русы/русин, начиная с Бертинских анналов и до сочинений Илариона.

Второе русское протогосударство и прародина славян

Этносоциум *русь*, в котором до гибели войска Святослава в 971–972 гг., видимо, преобладали потомки скандинавов по мужской линии, отличался выраженной «экстравертностью» на международной арене и лидерством в организации водных походов и торговых поездок и потому особо отмечен в иноземных источниках. Славяне же, представлявшие этносоциальную и экономическую подоснову русских протогосударств, не так заметны. Однако уже Ибн Хордадбех и «Анонимная записка», передающие информацию, полученную от русов, скупое свидетельствуют об этой роли славян, а летописи говорят об интенсивном участии славянских племён в походах на Византию.

Надо оговорить, кого арабские и византийские источники подразумевали под ас-сакалиба и *σκλάβοι/σκλαβῖνοι*. ПВЛ явно не причисляет кривичей к «словенам», хотя и отмечает сходство их свадебных и погребальных обычаев, а Константин Багрянородный включает их в число славян наряду с древлянами и др. Эти «все кривичи», занимавшие верхнее течение трёх величайших рек Европейской Скифии, по сумме летописных, лингвистических, археологических данных, явно были изначально не «чистыми» славянами, а одной из групп (остаточных и вновь возникающих) балтославян, постепенно, как и «русь», подвергающихся полной языковой славизации. В древнейших строительных ярусах Ладоги вещами южного происхождения являются украшения из оловянистых

сплавов, приносимые с юга и из областей «чистых» славян, носителей КПК, и от балтославян (КОЛК); наряду с ними в Ладогe, особенно в ярусе IV (810 – конец 840-х гг.) выступают бронзовые «кривичские» украшения, свойственные кривичской культуре смоленских длинных курганов (Мачинская 1990). К слову, обоих видов украшений нет или почти нет на Рюриковом городище, что говорит и о его дате (не ранее 860-х гг.), и о его этнооблике.

Так же к балтославянам следует относить и *нереву/норову/мереву/нефому* (*nerivani* «Баварского географа», последняя треть IX в.), соотносимую с культурой северных длинных курганов, хотя, возможно, какая-то часть её подверглась финнизации (Мачинский 1986; 1990).

На территории кривичей находился перекрёсток и центр речных путей Руси, их городом (и городом руси) был древний Смоленск (Гнёздовское городище, селище и курганный некрополь).

Недооценивать этот, по условной терминологии, «балтославянский массив» (а иногда и просто балтов – голядь) ошибочно и некорректно. О значении этого компонента в истории Руси отчётливо сказано в статьях (Топоров 2000; Мачинский 2008). Однако основным этносом, с которым русь имела дело в Приильменье, были словене, по легенде, пришедшие из Подунавья и сохранившие в наиболее чистом виде общий этноним всего славянства. С ними в особо тесной связи находятся полочане, также «чистые» славяне по языку и по «дунайскому происхождению» (ПВЛ), живущие рядом с кривичами (а возможно, и среди них) на Полоте, притоке Западной Двины. По ПВЛ, «первые насельники» в Полоцке были кривичи – возможно, ещё до прихода на Полоту славян с Дуная. При участии словен и полочан возникли два стольных города Древней Руси: Полоцк – в земле полочан и Новгород – рядом с землёй словен ильменских. Надо отметить, что безусловное присутствие словен в Ильменском Поозерье пока археологически улавливается лишь после середины IX в.

Северная военно-торговая русь после 860 г. (Аскольд и Дир?) создаёт (на базе более ранних поселений полян) новый опорный пункт на пути в Византию – Киев, который с последнего десятилетия IX в. становится опорным пунктом руси на юге Руси и, возможно, столицей особой её части, возглавляемой верховным воеводой Олегом. Около 912–920-х гг. Киев уже является главной столицей всего русского протогосударства.

И всё это совершается на земле полян, малого племени, занимающего незначительный, но стратегически узловый район, племени, не замеченного Константином Багрянородным, использовавшим источники 940-х гг. (возможно, и более ранние – начала X в.). Видимо, к этому времени поляне были полностью инкорпорированы в состав полиэтничной по истокам, но образующей целостный организм руси, под главенством которой были объединены все славянские, балтославянские и финноязычные племена Европейской Скифии.

Маленькая территория полян особо выделялась своим стратегически узловым положением на речных и сухопутных путях – южнее впадения в Днепр всех крупных рек, текущих из лесного севера и запада, по которым поступали сбываемые в Византию «скора, и воск, и мёд, и челядь». Здесь же была и удобная переправа, позволявшая на пути восток – запад не форсировать ни одной крупной реки, кроме Днепра. Этот район, ограниченный течением Ирпени и Стугны, находился на самом юге лесной зоны и поэтому представлял (до возникновения города Киева) слабый интерес для кочевников степи

и лесостепи, к тому же высокие горы с крутыми склонами на берегу Днепра создавали возможность для строительства хорошо защищённых городков.

И вот за этот-то уникальный район в течение VIII–X вв. вели жестокую борьбу хазары, русь и... древляне, жившие на территории второй (и основной) «славянской прародины» IV–VI вв. (карты 2, 4).

Далее излагаю кратко выводы своей большой статьи (Мачинский 2008). Эпические предания славян и руси свидетельствуют: после смерти легендарного Кия поляне **«быша обидими древлянами»**, затем на них наложили дань хазары, которую поляне выплачивали мечами (след первых контактов с русью), позднее Киев захватывают варяги Аскольд и Дир, которые **«быша ратни съ древляны и с улицы»** (но не с хазарами – вероятно, сохранившими некий контроль над Киевом). **«Нача Олег воевати древляны, и примучив а, имаше на них дань по чернее куне»**. Про северян же сказано: «и възложи на нь дань легьку», а на радимичей наложил дань мирным путём. После смерти Олега Игорь снова **«воюя на древляны»** и **«дасть же дань деревьскую Свенелду»** (НПЛМ). **«И древляне затворишася от Игоря по Олгове смерти. Иде Игорь на древляны и победи а, и възложи на ня дань болши Олгови»** (ПВЛ). В походе Игоря 944 г. на Царьград древляне (в отличие от похода Олега 907 г.) не участвуют.

Затем происходит убийство Игоря древлянами из **«Искорьстения-града»** и попытка древлян завладеть Киевом, объединив свою княжескую династию (Мал сын Нискини, «наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю») и династию Рюриковичей – Ольгу со Святославом, которого древляне готовы устранить: «створим ему, яко же хоцемь». Затем идёт война Ольги, Свенельда и Асмуда с древлянами, о которой мы знаем, в основном, из версии только русской стороны, война явно тяжёлая. **«И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе»** (ПВЛ). Из преданий древлян сохранился лишь мрачный вещий сон князя Мала в Летописце Переяславля Суздальского (ЛПС), хотя напрямую ничего не сказано о смерти Мала – возможно, древлянская династия князей не прервалась в 946 г.

Завершается этот цикл явного противостояния Древлянского княжения и Руси решением Святослава в 970 г. «посадить» двоих законных сыновей в двух важнейших частях своего государства: Ярополка в Киеве, а Олега в Деревехъ. Устремлённый на юг, мечтающий о столице в устье Дуная, Святослав как бы совсем забыл о более древней столице руси – Невогарде-Новгороде, если бы только послы новгородцев, используя угрозу «то налеземь князя собе» (воспоминание о призвании Рюрика и о праве приглашать князя), не вытребовали в князя полузаконного сына Владимира. К слову, в ЛПС, сохранившем многие детали древнейшего летописания, Владимир обозначен как «кривитин» – форма, близкая к «кривитеинь» Порфириогенета (Мачинский 2003б: с. 198–199).

Мы знаем жену Ярополка, гречанку, бывшую монахиню, но не знаем, кто была жена Олега. Яростное противостояние Олега Древлянского и Свенельда приводит к смерти сына Свенельда и самого Олега.

Столица Олега уже не в Искоростене, а севернее и дальше от Киева – в Овруче. Ясно, что древляне полностью поддерживают Олега – уж не был ли он женат на древлянской княжне, например, из рода Мала?

То, что древлянская земля между средним Днепром и Горынью, между поречьем Припяти и истоками Тетерева, по данным письменных источников, археологии,

топонимики и т. д., является основной территорией исходной славянской прародины – несомненно. Помнили об этом и сами славяне, знали это и их соседи.

Уникальный источник, известный под условным названием «Баварский географ» (далее БГ), датируется в пределах IX – начала X в., а «восточноевропейская» часть БГ, особо интересующая нас, – «после начала 870-х гг.» (Назаренко 1993; 2001: с. 69).

В отличие от большинства исследователей, полагаю, что в тексте БГ к этносоциуму *rusь/rōs* имеют отношение не только, как принято считать, взаимосвязанные слова *Ruzzi . Forsderen . liudi . Fresiti*, но и пять других двусоставных этнонимов в Восточной Европе, вторая часть которых «-rozi» передаётся в русском переводе и транскрипции как ‘росы’: *attorozi* ‘атторосы’, *chozirozi* ‘хосиросы’ и др. (Мачинский 2008).

Наиболее замечательно, однако, другое свидетельство БГ, уводящее нас из IX в. в более раннюю эпоху (ок. III–VI вв.): **«Zerivani, quod tantum est regnum ut ex eo cuncte gentes sclavorum exorte sint et originem sicut affirmant ducant».** («Сериваны, каковое королевство, столь значимо (значительно), что из него произошли все в целокупности (все без исключения) словенские народы и, как они утверждают, ведут [своё] начало (происхождение)»)²².

Свидетельство уникально, ибо область «славянской прародины» определяется соответственно представлениям об этом самих словен IX в. Это единственная фраза БГ, где напрямую упоминаются словене (*gentes sclavorum*), и только из неё следует, что и многие другие называемые в этой части БГ этногруппы являются, по мнению автора, словенами.

Этнос *zerivani* и соответствующее ему «королевство» (*regnum* – термин употреблён в БГ единожды, только применительно к *zerivani*) не охарактеризованы в БГ как значительные по территории, количеству населения и городков, как это имело место в отношении ряда других этносов и областей. Следовательно, выражение «королевство столь значимо (значительно)» надо понимать не в смысле ‘столь велико’, а в смысле ‘столь значимо’, именно тем, что из него произошли все славянские народы. Да и термин «королевство» был отнесён к сериванам с учётом того места, которое их территория в качестве «прародины» занимала в эпической традиции и памяти всех словен.

Тщательное исследование текста БГ и сопоставление его с другими источниками убедило, что под *zerivani* в БГ подразумеваются реальные **dervjane* (**δερβιανοι* из испорченного *βερβιανοι* у Порфириогенета, *δερβλενινοι* у него же, а также *дерева, древенны, дравляны, дравляне* русских летописей), а никак и нигде не зафиксированные **сыгвјане*, помещаемые в области червенских городов на Западном Буге, рядом с «буковой» культурно-исторической и географической границей между «Европейским полуостровом» и «Европейской Скифией». Это пограничье никогда не могло быть центром формирования какого-либо этноса или протогосударства. Ещё менее вероятно помещение этих «червен», а следовательно, прародины словен, в восточной Германии. (Сводка мнений: Назаренко 1993: с. 34–35).

Дравлянам не повезло с записью первой буквы их названия в греко-латинской традиции: *βερβιανοι* (Const. Porph.), *γερβιανοι* (Leo. Diac.), *zerivani* (БГ). Подробное обоснование кратко излагаемой здесь трактовки уникального текста см.: Мачинский 2008.

Схватка между базирующейся в земле полян русью и дравлянами скрыто продолжалась и в начале XI в. В конце X в. Владимир сажает опасного для него Святополка в Турове, на северной окраине дравлянской земли, а позднее, в начале XI в., сажает

²² Перевод Д. А. Мачинского. Благодарю Д. А. Браткина за помощь при переводе.

в «деревех» Святослава, оставляя Святополка в Турове. Когда после смерти Владимира Святополк захватывает Киев, он опирается (по ЛПС) на древлян и пинчан («сѣбра воя в Деревех и в Пинску»²³) и вскоре приказывает настичнуть и убить бежавшего Святослава. С вокняжением Ярослава деревская земля, древняя прародина словен, окончательно входит в состав Киевской земли. Однако после смерти Ярослава его старший (к тому времени) сын Изяслав, сидевший до того в Турове, садится на оба «стола» сразу – и в Киеве, и в Новгороде, т. е. опять в скрытой борьбе за верховенство побеждает русско-древлянский князь-Рюрикович.

Русское государство с центром в Среднем Поднепровье рождается в результате встречи и противостояния мигрирующего с севера этносоциума и протогосударства русь и «королевства» (княжения) древлян, носителей традиций словенской прародины (карта 4). Слияние этих двух компонентов выражено, в частности, в именовании наследника русского «стола», потомка выходцев из Скандинавии славянским именем Святослав, одновременно являющимся переводом на славянский скандинавского имени его деда Рюрика.

Лишь в последние десятилетия археологические раскопки выявляют довольно высокий уровень социально-политического и культурного развития, достигнутого населением Древлянской земли в конце IX–X в. В. Л. Яниным высказано обоснованное предположение, что красивые каменные пряслица от розового до бордового цвета, сделанные из овручского шифера, добывавшегося на территории древлян, могли со времени их появления в середине X в. выполнять наряду с практической также и платёжно-покупательную функцию (Янин 1985: с. 365), т. е. были своеобразными «монетами», расходившимися по всей Руси – наряду с репрезентативными монетами русских каганов.

В пользу этого говорит и нахождение этих пряслиц в составе богатых монетно-вещевых кладов. Возможно, не случайно на одном шиферном пряслице, найденном на древнерусском селище в 75 км западнее Новгорода, обнаружены процарапанные изображения двузубца Рюриковичей (вероятно, Святослава, Ярополка или Олега) и парусного корабля (Михайлова, Соболев 1997: с. 142–143). Двузубец свидетельствует о начале производства и распространения таких пряслиц не позже 970-х гг. Такое же сочетание процарапанных изображений двузубца и корабля имеется на арабской серебряной монете из клада с младшей монетой 902/903 гг., т. е. на древнейшей монете с двузубцем (не позже начала X в.), найденной на территории Руси (Погорельщина, Полоцкая земля) (Мельникова 1998). На двух шиферных пряслицах – из Друцка и Старой Рязани – процарапана надпись «княжее». В археологическом комплексе у с. Васильково на Нерли (Куйаба, по: Мачинский 1985а) шиферные пряслица появляются во второй половине X в. В железодельной мастерской второй половины XII – 1230-х гг. обнаружены 6 шиферных пряслиц, обстоятельства нахождения которых убедительно свидетельствуют об использовании их «в качестве мелкого платёжного средства» (Миненко 2004: с. 79–91). Весьма вероятно, что наряду с репрезентативными великокняжескими монетами, кратковременно выпускавшимися ок. 988–1018 гг., на Руси с 970-х гг. (т. е. со времени заметного уменьшения притока арабских монет) существовала «древлянская» (а позднее – киевская) «валюта» для мелочной торговли, дожившая до татарского нашествия. Напомню, что в 970–977 гг. Овруч (Вручий) был столицей Древлянской земли и княжил в нём Олег Святославич.

²³ Древнейшее упоминание Пинска под 1015 г. (следующее – уже в 1097 г.), сохранённое только в ЛПС, во многих случаях передающем уникальные сведения о событиях и ситуациях X – начала XI в.

**Конструкция Русского государства,
построенная на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода,
и разрушение её в конце русо-варяжского периода**

Русское протогосударство возникло на севере будущей Руси, первое – со столицей в Ладоге/Альдейге, второе, позднее – со столицей в Невогарде/Новгороде. После смещения центра второго протогосударства на юг, в Киев, русь, словене ильменские и северные группы кривичей не забыли об этом приоритете севера. «Анонимная записка» убеждает, что хакан руси на рубеже IX–X вв. ещё имел основную резиденцию в Приильменье. Это подтверждается и договорами Олега: спорным 907 г. и бесспорным 911 г., где не упомянут Игорь Рюрикович. Похоже, Олег, второе лицо после хакана, считал Киев своим владением. Много позднее, с переменной акцентов, Владимир, находясь в Киеве, отправляет «второе лицо», своего дядю Добрыню, управлять Новгородом от его имени. Не исключено, что главный «стол» Игоря в начальный период его княжения находился на севере и даже, возможно, в Ладоге. Одна викингская сага помнит о некоем конунге Ингваре в Альдейге (Глазырина 1996: с. 158–171). Такой вариант объяснил бы поездку Олега (по новгородскому эпическому преданию) после похода на Царьград в Новгород и Ладогу, где он и похоронен. Действительно, за Волховом, напротив ладожской крепости раскопан курганный некрополь скандинавов («всей руси») последней трети IX – первой трети X в., а в окрестностях Ладоги были другие, позднее разрушенные, погребения конца IX–X вв. (Мачинский 2002а; 2003).

Подобного некрополя в окрестностях Невогарда (Рюрикова городка), да и вообще у истоков Волхова, не обнаружено. Есть только сопки, но они удалены от Невогарда и продолжают погребальную традицию первого русского протогосударства (первичной руси, вероятно, полиэтничной). Создаётся впечатление, что дружинные некрополи северной руси в 870–920-х гг. находились в окрестностях Ладоги, а не около Невогарда.

Южнорусское летописание приложило определённые усилия к тому, чтобы вытравить из текстов и памяти потомков многие факты, говорящие о настоящей роли севера в конструкции русского протогосударства и государства в 890–1060-х гг. Однако некоторые рудименты сохранились. НПЛМ и ПВЛ сохранили память о некоей обиде словен (жителей Приильменья и Поволховья) на Олега и русь при возвращении из похода на Царьград. В договорах руси с греками, переведённых с греческого и включённых в ПВЛ не ранее начала XII в., ни разу не упомянут Новгород, хотя вставлен Переяславль, ещё не существовавший в 907, 911, 944 гг., но возникший, по письменным данным и археологическим источникам, лишь в 990-е гг. и получивший особое значение в конструкции русского государства только после 1055 г. (Мачинский 1985б; 1988). Однако в ЛПС, сохранившем многие рудименты первичного летописания, в договоре 907 г. среди городов, получающих дань от греков, после Киева, Чернигова, Переяславля назван «Новъградъ», как бы возглавляющий список северных городов, так же как Киев – южных: «...даяти у грады, пръвое на Киевъ, тож на Чръниговъ и на Переяславъ, тако ж и на Новъградъ, и на Пльтескъ, на Ростовъ...» Вместо «първое» – «Черниговъ» – «Польтескъ» в этом договоре в более полных списках ПВЛ, только в ЛПС имеем «първое» – «Чръниговъ» – «Пльтескъ», что является языковым и орфографическим архаизмом, датируемым не позднее рубежа XI–XII вв.

и говорящим об использовании в кратком ЛПС более раннего варианта перевода этого места в договорах 907 г. и, возможно, 911 г.²⁴

Мы ничего бы не знали из летописей ни о названии Невогард, ни о его месте в конструкции русского протогосударства, ни вообще о русском севере между 907 и 947 гг., если бы не трактат «De administrando imperio», написанный в 948–952 гг. и приписываемый Константину Багрянородному. Его сообщение о Сфендославе (Σφενδοσθλάβος), сыне архонта Ингора, сидевшем (вероятно, до смерти Игоря в 945 г.) в Невогарде, который явно относится к «Внешней Росии», отличной от «Росии» с центром в Киеве, проясняет многое. Подтверждается, что этим славянским именем, данным ему Ольгой (Татищев IV: 119; Мачинский 2003б), он назывался не только в славяноязычной традиции, но и в среде росов – правда, в особой огласовке: вызывает вопрос φ вместо β и δ вместо т. Это имя, столь значимое в славянском варианте, является, как отметил ещё А. А. Куник (Куник 1862: с. 210–211), калькой скандинавского имени *Hroðrekr/Hrurikr ‘могучий (сильный) славою’; по В. Томсену (Томсен 1891: с. 65) – Hroerekr. Это имя, данное явно в честь деда, подтверждает летописную генеалогию и существование «легенды о призвании» уже в первой половине X в. и одновременно свидетельствует об интенсивном и неостановимом процессе славизации росов, уловленном умной и дальновидной Ольгой (Мачинский 2003б: с. 187–188).

Вышеизложенное позволяет по-новому взглянуть на территориальную структуру «Русской земли» и на социальный состав её верхушки по данным греко-русского договора 944 г. В переводе этого договора с греческого на русский главными городами Руси названы (как и в договоре 907 г.) Киев, Чернигов и Переяславль, что не соответствует реальности X в. О Переяславле сказано выше, но вызывает сомнения и Чернигов в качестве второго по значимости «княжеского» центра Руси в X в. Святослав, распределяя земли между сыновьями (по ПВЛ, в 970 г.), сажает Ярополка в Киеве, «Ольга в деревех» (как позднее выясняется, во Вручем), а Владимира – в Новгороде. В Чернигове, видимо, остаётся воевода Претич, спасший династию в 968 г. (Мачинский 1988). При распределении сыновей по городам (по ПВЛ, в 988 г.) Владимир сажает Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, Ярослава в Ростове, а Чернигов опять не упомянут. Видимо, при княжеском редактировании перевода в начале XII в. в договорах решили отразить ту структуру Русской земли, которая сложилась лишь после 1055 г. при первых Ярославичах и сохранялась до середины XII в., когда главными стольными городами считались Киев, Чернигов, Переяславль. Эта наивная фальсификация проценировала сложившуюся структуру в X в., что создавало впечатление её изначальной древности и незыблемости.

В договоре 944 г. первыми названы послы великого князя Игоря, его сына Святослава и княгини Ольги. Главный «стол» Игоря был, несомненно, в Киеве. Но Святослав, по «De administrando imperio», в юные годы сидел в Невогарде, видимо, вплоть до смерти Игоря. Его воспитателем в эти годы был, по ПВЛ, «кормилец» Асмуд, во время войны

²⁴ Полагаю, что сказание об устном первичном договоре Олега с греками существовало в эпической традиции русов и словен, но при внесении его под 907 г. в ПВЛ было дополнено деталями, извлечёнными из договора 911 г. Вероятно, в ЛПС сохранился древнейший вариант перевода на русский язык договора, в котором упоминался «Новъградъ». Представить, что в ЛПС «Новъградъ» был вставлен из каких-либо политических соображений – невозможно. В ЛПС не прослеживается никакой «проновгородской» ориентации, в узловой легенде о призвании князей первой столицей Рюрика названа Ладога, а не Новгород.

с древлянами возглавлявший русское войско вместе с киевским Свенельдом. Такое необычное «двоначалие» может быть объяснено лишь участием в войне и северян («новгородцев»), возглавляемых Асмудом, и южан («киевлян»), возглавляемых Свенельдом. А после победы и возложения на древлян дани – «2 части дани идета Киеву, а третья Вышеграду к Ользе, бе бо Вышегородъ градъ Вользинъ», что также отражает ситуацию, сложившуюся ещё до смерти Игоря.

Итак, Игорь в договоре представлял и всю Русь и, в особенности, интересы Киева, Святослав – интересы Невогарда и «Внешней Руси», а Ольга – своего княжеского замка Вышгорода. Против столь тесной связи Святослава с Невогардом может говорить лишь упоминание в ПВЛ под 945 г. о том, что в момент получения известия об убийстве Игоря древлянами и Ольга, и Святослав находились в Киеве. Но в данном случае мы имеем дело лишь с устными преданием, записанным и переосмысленным спустя век с лишним, а свидетельство Порфириогенета – это свидетельство хорошо информированного современника событий 940-х гг. Но даже по ПВЛ создаётся впечатление, что Ольга чего-то ждёт и тянет время: троекратный обмен посольствами, потом первый, пробный поход Ольги с быстрым возвращением в Киев. И во всех этих эпизодах ни разу не упомянуто о каком-либо участии Святослава. И лишь затем, под 946 г., появляется заглавие «Начало княженья Святослава, сына Игорева», за чем следует рассказ о символическом зачине маленьким Святославом решающей битвы, о «двоначалии» Свенельда и Асмуда над войском и о возвращении Ольги со Святославом в Киев. По-видимому, Ольга ждала подхода северных дружин со Святославом и Асмудом во главе, и только после этого начался решающий поход руси на древлян, и только с этих событий начинается в 946 г. юридически полноценное княжение Святослава в Киеве.

Таким образом, с высокой вероятностью можно утверждать, что первыми городами, названными в греческом тексте договора 945 г., были Киев (Κίεβα), Новгород (Νεβογροδάς) и Вышеград (Βουσεγροαδέ). Если в ранней редакции перевода договора 907 г. по ЛПС удалить вставленные Чернигов и Переяславль, то тогда вслед за Киевом сразу идёт «Новъград», а за ним Полоцк, что также соответствует логике развития и конструкции второго русского протогосударства («второго каганата») в начале X в.

В договоре 945 г. среди персон, посылающих личных послов, отчётливо выделяются первые шесть, следующие сразу за именованном великого князя Игоря и его посла. Для трёх из них прямо указаны их родственные связи с Игорем, ещё двое явно относятся к его роду, судя по их княжеским славянским именам (Передьслава, Володиславъ – имя, по смыслу почти идентичное имени *Святославъ*). Последняя в этой группе женщина (Сфанъдръ) названа женой некоего Улеба и, видимо, очень знатна, раз посылает своего посла, как и Ольга. Эта группа из 12 имён (посылающие и послы) отличается от всех последующих большим количеством знатных женщин (трое посылающих из шести), наличием наряду со скандинавскими славянских имён (три из шести) и у послов от Ольги и Передьславы финских (Искусеви, Каницаръ). В отношении последней из посылающих – Сфанъдръ, жены Улеба – надо отметить, что некий «муж» Улеб, названный ранее, является послом Володислава (возможно, сына Игоря от наложницы, как позднее Володимер/Владимир?) и, по логике текста, может быть мужем Сфандр. Несоответствие лишь в том, что она – посылающая, а он – посол. Однако возможно, что «нерюрикович» Улеб вполне удовлетворён высоким статусом посла одного из Рюриковичей, а его жена, предположительно происходящая из рода Рюриковичей, посылает (как и Ольга) отдельного посла,

специально представляющего её интересы. Если это не так, то тогда её муж Улеб является отсутствующим или погибшим чрезвычайно знатным человеком из Рюриковичей.

После этой первенствующей семёрки (включая великого князя) начинается унылое перечисление имён посылающих и послов без каких-либо дополнительных пояснений: «Прасьтень Турьдуви, Либиарь Фастовъ, Гримъ Сфирковъ...» Это явно другая, более низкая по социально-политическому статусу группа. Исключение в ней составляет лишь затерявшийся среди других некий «Якун, нети Игоревъ» – видимо, по каким-то причинам отделённый от правящего рода Рюрикович-изгой – такой же, как позднее Ростислав Владимирович, тоже «нетии» старших Ярославичей. После перечисления 18 таких пар начинается перечисление купцов.

В целом в договоре отчётливо выделяется четыре группы посылающих и послов, а также представляющих самих себя купцов: 1) великий князь Игорь и его посол, 2) шесть бесспорных представителей его рода и их послы, 3) 18 знатных персон, видимо, более низкого ранга и их послы, 4) купцы.

В последующем тексте договора (ПВЛ по спискам И, Х, Л) дважды, но несколько по-разному, обозначается социальный состав этих четырёх групп. В первом случае перечисляются посланные «от Игоря, великого князя русского», «от всея княжьа», «от всех людии руское земли», во втором называются «великий наш князь Игорь», «и бо(л)яре его», «и людие вси рустии». Таким образом, место «княжьа» в первом перечислении занимают «бо(л)яре» во втором. И только в ПВЛ по спискам Р, А во втором перечислении имеем: «и князи, и боаре». Вероятно, в греческом оригинале договора стояло слово *ἄρχοντες*, которое можно было переводить и как ‘князи, княжьё’, и как ‘бо(л)яре’. Но что-то – возможно, выраженная четырёхчастность поименного списка и особенная выделяемость первых двух категорий – заставляло переводчика колебаться в переводе. На мой взгляд, всё склоняет к тому, что правящий род Рюриковичей явно ограничен первыми семью посылающими, а как в представлении переводчика разграничивались посланные от «бояр» и от «всех людие», неясно; в частности, по договору купцы также названы в числе посланных, и, возможно, именно они представляют «всех людей» военно-торговой «русии».

**Νεβογαρδάς* (в рукописи *Νεμογαρδάς*), называемый в «De administrando imperio» первым среди поселений «Внешней России», откуда каждую весну идут в Киев моносилы, может реконструироваться и как **Nev(a,o)garðr*, и как **Nev(a,o)garðar* – в последнем случае оно может обозначать не отдельное поселение, а всю местность у истоков Волхова, по аналогии с *Hólmgarðar* и «островом русов», тем более что Невогард не назван «крепостью», в отличие от Милински (Смоленска), Самватаса в Киеве и Витичева.

Строго следуя смыслу текста, приходится признать, что к собственно России отнесён лишь Киев, а к Внешней России, кроме Невогарда, отнесены все опорные поселения русов в бассейне Днепра, включая Вышеград. Но Вышгород, княжеский замок Игоря и Ольги, никак не мог быть «внешним» или «дальним» по отношению к Киеву. И когда «архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в „полюдия“», то они должны были выходить и из этого града. Информаторы Константина что-то передали неточно. Сам термин «Внешняя Русь» употребляется также у ал-Идриси (середина XII в.), пересказывающего (с добавлениями) источники X в. В этой «Внешней Русии», соседящей с Волжской Булгарией, находятся уже рассмотренные нами «три вида» русов: Арсания, Славия и Куяба, названная у ал-Идриси Кукийаной, т. е. речь опять

идёт, как и в «De administrando», о северной (преимущественно северо-восточной) Руси. Кроме этой «Внешней Руси», ал-Идриси знает «самую отдалённую Русь», называя в составе её города от Прикарпатья до Днепровского Левобережья (Бейлис 1984).

Из всего этого с определённостью вытекает лишь то, что «De administrando» знает в России два центра высшей власти: Киев и Невогард. К слову, нигде не говорится, что Κίοβα-Κίαρος – это город или крепость; сообщается лишь, что в ней есть крепость Самватас. Не является ли топоним Κίοβα обозначением целого района высоких прибрежных холмов, ограниченного Оболонью на севере, Лыбедью на западе и будущим княжеским «зверинцем» включительно на юге?

Область же, реально подвластная непосредственно Киеву, соответствует той территории, которую росы из Киева ежегодно обходят во время зимних «полюдий» и откуда славяне сплавляют весной по Днепру новые долблёнки, чтобы продать их в Киевские росам. В обоих случаях эта область локализуется, по «De administrando», в бассейне Днепра и ограничивается на севере землёй кривичей-кривитеинов. Ни ильменские словене, ни чудь, ни нерева, ни меря не упомянуты в трактате, хотя в ином, не связанном с росами контексте упомянута соседняя с мерей Мордиа (мордва). Видимо, начиная с верховий Западной Двины и севернее располагалась область, подчинённая Невогарду, откуда «внешние росы» ходили в свои собственные «полюдия». Возможно, к северному центру «тянуло» и Волго-Клязьминское междуречье с Ростовом-Арсой и Куябой, а также Изборск.

Вероятно, малолетнему Святославу с кормильцем Асмундом жилось беспокойно в окружении буйных северных дружин, при постоянной угрозе появления новых контингентов «варягов из-за моря», что отразилось в ответе Святослава новгородцам (невогардцам) при распределении сыновей по княжениям: «Абы пошелъ кто к вамъ». Видимо, в 970 г. среди этих послов с севера ещё преобладала русь, базировавшаяся на Невогарде/Рюриковом городке и помнившая о практике приглашения князей из-за моря.

Однако к этому времени уже существовал и собственно Новгород, возникший, судя по всему, в результате деятельности Ольги.

В истории отношений этносоциума русь с автохтонами Восточной Европы прослеживается три основных этапа. При первом протогосударстве (760–840-е гг.) с центром в Aldeigja/Ладоге – это интенсивное этносоциальное взаимодействие, а отчасти и смешение пришельцев из Скандинавии (росов-свеонов) со славянами и славянобалтами и приобретение – в виде дани или через покупку – ценных мехов у них и особенно у финно-угорских народностей от Балтики до Прикамья. В это время верховный конунг-князь этого протогосударства принимает титул «хакан». Возможно, это произошло ещё в 770–790-х гг., в период начального контакта Ладоги с юго-востоком Европы (по археологическим данным) и до принятия каганом хазар иудаизма, или же, что вероятнее, в 810–830-х гг. В функционировании торгового «серебряного» пути между Дорестадом и Багдадом через Приладожье и Приильменье были заинтересованы не только русь и хакан, но и социально-политические верхи местных этносов.

После викингских ударов западных скандинавов и последовавшей междоусобицы (850–860-е гг.), приведших к разрушению предшествующей системы, в середине 860–870-х гг. появляются новые пришельцы из Швеции, приглашённые остаточной русью, чудью, словенами и кривичами и вступившие с ними в договорные отношения. Однако новая «вся русь» (столица в Ладоге, затем в Невогарде) ведёт себя первоначально

довольно жёстко, захватывая пленных у ас-сакалиба и продавая их как рабов, но при этом рассматривая ас-сакалиба как свою экономическую сельскохозяйственную базу. Позднее, перенеся столицу на Средний Днепр (Киев) и оказавшись в окружении большого массива чисто славянских княжений и племён, способных к упорному сопротивлению (древляне) или к выбору между Русью и хазарами (северяне и др.), росы/русь и возглавлявшие их Рюриковичи вырабатывают сложную систему отношений со славянами, сочетающую зимние поборы (иногда жёсткие) во время «полюдий» и сотрудничество и партнёрство весной, при подготовке ежегодных торговых поездок в Константинополь. Вероятно, подобная система существовала и в Северной Руси.

Третий этап начинается с попытки Ольги в 947 – начале 960-х гг. установить приемлемые и постоянные «уставы и уроки», «погосты и дани и... оброки», и на юге, и на севере в Новгородчине, а также через принятие христианства включить Русь в систему государств Европы.

Совпадение во времени этой деятельности Ольги с археологическими и дендрохронологическими датами начала бурного строительства на территории будущего Новгорода позволяет полагать, что Ольга способствовала появлению на севере нового центра власти и торгово-ремесленной деятельности, наряду с трудноуправляемым древним Невогардом, мужское военно-торговое население которого (потомки рюриковой «руси») помнило о столичном статусе Невогарда.

Когда же совершился переход экономического и социально-политического лидерства от Невогарда к собственно Новгороду?

Если опираться на сохранённую В. Н. Татищевым дату смерти Вышеслава (1010 г.) и на то, что первый княжеский двор (*garðr*) в Новгороде принадлежал Ярославу (Ярославово дворище), а не Вышеславу или Владимиру, можно предполагать, что это произошло после 1010 г. Но это не так.

Дата самой поздней арабской монеты на Городище (в Невогарде) – 960 г., в то время как в Новгороде имеются монеты и клады 970–980-х гг., а в словенском Поозерье арабские монеты закрывают весь X в. (Гайдуков и др. 2007). Некий перелом произошёл около 970–971 гг., когда Владимир с Добрыней отправились в Новгород. Видимо, они перенесли главную княжескую резиденцию в другое место и, продолжая традицию Ольги, сделали акцент на развитии торгово-ремесленной деятельности в собственно Новгороде.

В связи с этим возникает следующий вопрос: где Добрыня поставил идол Перуна в 980 г. и где в 989 г. низвергли его в Волхов? Разнообразные соображения (Васильев 2000) не позволяют согласиться с доминирующей версией – что Перун стоял на Перыни. Предложу альтернативу.

На торговой стороне Новгорода, в юго-восточной части его, именуемой Славно, находилась местность, называемая Холм. На этом Холме регулярно строились и сгорали церкви пророка Ильи и апостолов Петра и Павла (1105, 1134, 1144, 1146 гг.). В 1146 г. поставили церковь «святую апостолу Петра и Павла на Хълме». В 1192 г. «съгоре цръкы на Хълме святых апостол, зажжена от грома», а в 1194 г. **«сърубиша церковь святую апостолу на Хълме Живогложю»** (НПЛс). **«Не могла церковь верховных апостолов Петра и Павла просто так называться «Живогложей», если только то место, где она была построена, не называлось ранее «Хълм Живогложь».** Но это народное название попало в писанную монахами летопись лишь однажды. Возможно, позднее название это было перенесено и на церковь.

Часть Новгорода, называвшаяся гордым именем Славно, вероятно, изначально была местом проживания «мужей» той военной организации новгородцев, которая в летописи называется «славна тысяча» и которая в 1016 г. сначала изрубила приглашённых Ярославом и насильничавших варягов, потом сама (вероятно, верхушка её) была порублена дружиной Ярослава в Ракоме и, наконец, вновь оказала поддержку князю в борьбе со Святополком после смерти Владимира. А **Холм Живогложь на Славне мог называться так, только если на нём стоял некогда идол «Живоглода»: так могли называть именно идол Перуна, которому, как и идолу Перуна в Киеве, несомненно, приносили человеческие жертвы.** Вспомним знаменитые слова горшечника-пидьблянина, оттолкнувшего шестом от берега приплывший свергнутый идол Перуна: «ты, рече, Перушице, досыти пиль и яль, а ныне поплочи прочь» (НПЛм). Вокруг Перуна должны были стоять изображения других богов, как это было в Киеве и у русов в Бугарии (Ибн Фадлан). И нейтрализовать это нечистое место после принятия христианства было поручено «огненному пророку» Илье, позднее соотносимому с Перуном, и двум главным апостолам. Есть все основания полагать, что «Илья» – это имя Добрыни после крещения (Elias, дядя Вальдесмара в «Саге о Тидреке Бернском» и др.). Всё это аналогично действиям Владимира в Киеве, который «постави церковь святого Василия (христианское имя Владимира. – Д. М.) на холме, идеже стояша кумиры Перун и прочии» (НПЛс).

Таким образом, Новгород уже к 980 г. был ещё и религиозным центром Поволховья и Приильменя. А собственно «княжий двор» и «стол» Владимира, Вышеслава и Ярослава в 970-е – 1016 гг. мог находиться не в Невогарде и не в новом Новгороде, а, возможно, в Ракоме, в Поозерье, и лишь позднее был перенесён на Торговую сторону.

Известное равенство Киева и Новгорода в конце X – начале XI в. выражено определённо. С помощью приглашённых варягов Владимир, двигаясь из Новгорода, в 978–980 гг. захватывает Полоцк и Киев, а после этого сажает в Новгороде своего «юя» Добрыню, который был ему «во отца место» и обладал властью не меньшей, чем Владимир (так же, как Олег при Игоре, Свенельд при Святославе и Ярополке). Языческий пантеон создаётся одновременно в двух городах.

После принятия христианства в Киеве строится Десятинная церковь, зато в Новгороде – деревянная София с тринадцатью верхами. Полиэтничный север остаётся для Владимира источником военной силы: в 988 г. для обороны от печенегов он набрал там лучших мужей «от словень, и от кривичь, и от чюди» и посадил их по построенным им пограничным городкам. В момент противостояния с отцом в 1014–1015 гг., грозившим перейти в войну, Ярослав начинает чеканить в Новгороде, как и ранее Владимир в Киеве, собственную монету.

В 1023–1036 гг., во время противостояния, а потом соправительства с братом Мстиславом Ярослав отмечается летописью чаще в Новгороде, чем в Киеве. В 1036 г. (или в 1034 г.) после смерти Мстислава Ярослав сажает на стол в Новгороде старшего сына Владимира и ставит там епископом Луку Жидяту. Особое значение Новгорода и Северной Руси в это время состоит ещё и в том, что Ладога, свадебный дар Ярослава жене Ингигерд-Ирине в 1019 г., эта «дверь в Европу», является её доменом и управляется её родичами – Рёгнвальдом, затем Эйливом. В 1043 г. последний поход Руси на Царьград начинается, как и первый в 860 г., с севера. Его возглавляют Владимир и новгородский воевода Вышата; участвуют в походе и варяги, преимущественно ладожские, которым до смерти Ярослава выплачивалась определённая сумма за охрану северных ворот из Балтики на Русь.

Окончательное оформление этой «двуглавой» конструкции Русского государства происходит в 1044–1045 гг., когда Владимир начинает строительство детинца и закладывает собор Св. Софии. После строительства Софии Киевской это – знаковое событие, благословляющее уже реальное существование в Новгороде второго «стола», почти равного киевскому.

И в 1050 г. собор завершён, но в этом же году (или в начале 1051 г.) умирает Ирина-Ингигерд, по церковному преданию, похороненная в Новгородской Софии. В 1052 г. умирает Владимир, уже достоверно погребённый там же. На новгородском столе оказывается его 14-летний сын Ростислав-Михаил (Татищев II: с. 78, 81; IV: с. 423; подробнее обо всех событиях 1052–1066 гг. см.: Мачинский 2003б: с. 217–277, а также Куза 1968; Цыб 1995: с. 94).

В 1054 г. умирает «благочестивый каган» Ярослав. И после этого происходит полное разрушение сложившейся киевско-новгородской конструкции Русского государства. У постели умирающего находится лишь его сын Всеволод, а Изяслав, старший после Владимира, сидит в это время в «почётной ссылке» в Полесье, в Турове – там же, где некогда сидел Святополк перед смертью Владимира, рядом с которым в Киеве находился лишь Борис, в последний момент отправленный отцом в поход на печенегов.

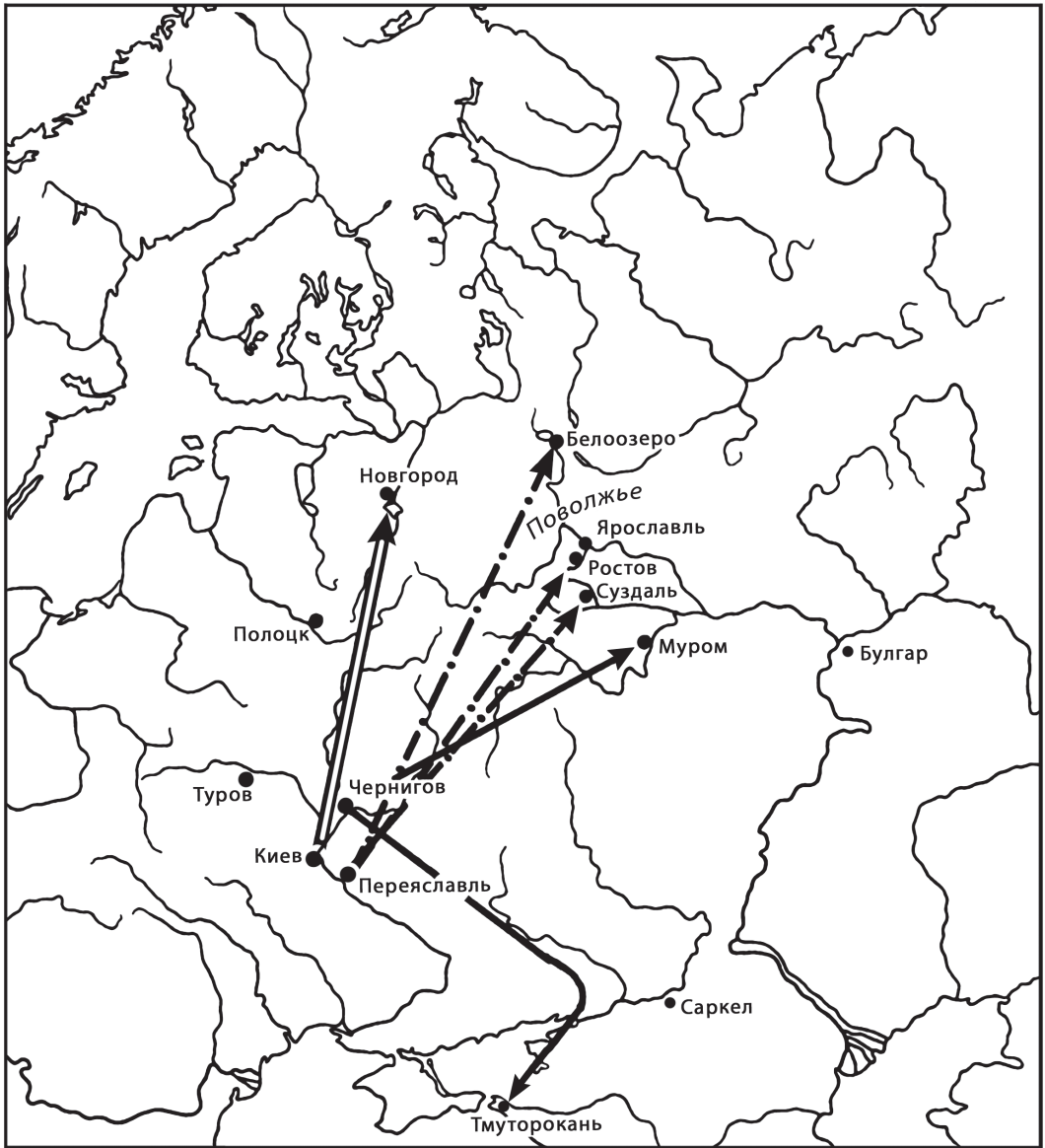
Многие отредактированные летописи стараются скрыть подозрительное сидение Изяслава в Турове в 1054 г. В достоверных списках ПВЛ (И, X) имеем: «Изяславу тогда суццоу в Турове княжачи», а в Л и НПЛМ фраза стыдливо оборвана: «Изяславу тогда суццу...» – а далее пустота, скрывающая опасную для Изяслава тайну. Особенно трогательна запись в Новгородской карамзинской: «Изяславу суццу тогда Ту...» – и дальше не хватило сил написать правду (ПСРА XVII 2002: стб. 65). Зато в поздних новгородских летописях (Софийская I и др.) имеем уже: «Изяславу суццу тогда в Новегороде», хотя ниже сообщается: «и приде Изяслав к Новугороду», что нелогично. Налицо попытки обосновать отсутствовавшие у Изяслава права на новгородский стол, который он вопреки воле отца и матери захватил в 1055 г. (карта 5).

О том, как это воспринималось в Новгороде даже близкими Изяславу людьми, о том, как тщательно построенная конструкция государства, обращённого и к «Скандинавскому», и к «Эллинскому» Средиземноморью, была разрушена, – два свидетельства: **«Изяславу же князю тогда придержащу обе власти, и отца своего Ярослава и брата своего Владимира. Сам же Изяслав князь правляше стол отца своего в Кыеве, а брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новеграде»** (приписка дьяка Григория, написавшего в 1056–1057 гг. «Остромирово Евангелие» для Остромира, родственника и Изяслава, и Ростислава).

Две «власти», два «стола». Изяслав, с согласия двух других старших братьев, захватывает Новгород, изгоняет Ростислава и поручает город родичу своему Остромиру, что зыбко и компромиссно, поскольку сын Остромира Вышата был воеводой Владимира, а позднее – сторонником и соратником Ростислава.

«Временникъ, еже есть нарицается летописание князей и земля Руския, и како избра Бог страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская». Это – начало НПЛМ. Опять две «волости», но явный приоритет отдан Новгородской по существенному признаку: более раннему созданию «градов».

Не грозила ли эта неосуществлённая «двуглавая» конструкция распадом Руси на два государства? Несомненно, эта возможность учитывалась и нейтрализовалась в планах

Карта 5. Система трёх центров и подчинённых им областей после «переворота Ярославичей» в 1054–1066 гг.

- ⇒ подчинение Новгорода и Руси Изяславу (стол в Киеве);
- ⇒ Муром и Тмутарокань, отданные Святославу (стол в Чернигове);
- ⇒ Северо-Восточная Русь, отданная Всеволоду (стол в Переяславле)

таких дальновидных политиков, как Ярослав и Ингигерд. Но об их конкретных планах дальнейшего обустройства Руси и сохранения её единства при правлении следующего поколения мы не знаем почти ничего. Неожиданные смерти 50-летней Ингигерд и 32-летнего Владимира разрушили эти планы. (Отмечу, что в 1066 г. был отравлен 28-летний Ростислав по заказу Изяслава или Святослава.) Видимо, Ярослав и Ингигерд

связывали некие надежды с умным, образованным и талантливым «русином» митрополитом Иларионом, знакомым, судя по его «Слову» и деятельности, и с византийской, и с западноевропейской церковной и богословской традицией и способным на очень самостоятельные действия и свободные и оригинальные трактовки и Священного Писания, и истории и предназначения Руси.

Знаменитое «завещание» Ярослава явно многократно отредактировано. Не мог Ярослав не упомянуть в нём любимого Новгорода и старшего внука Ростислава, княжившего там после смерти отца (Мачинский 2003б)!

Произведённый переворот коснулся многого. Русь получила три столицы – и все на юге. «И преставися Ярослав, и осташих 3 сынове его... И разделиша землю, и взя болюший Изяславъ Киевъ и Новъгород и иныи города многы киевския в пределех, а Святославъ Черниговъ и всю страну вьсточную до Мурома, а Всеволод Переяславъ, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье» (НПЛм) (карта 5).

В 1054–1055 гг. Ростислав был смещён с новгородского стола. Одновременно пост главы русской церкви покидает (явно смещённый) митрополит Иларион, поставленный в 1051 г. Ярославом и собором русских епископов, а его место в 1055 г. занимает митрополит-грек Ефрем, присланный константинопольским патриархом.

Надо помнить, что 1054 г. – это год окончательного и бесповоротного расхождения западной (римско-католической) и восточной (греко-кафолической, ортодоксальной) церквей. Неизвестно, как бы повели себя при этом расколе Ярослав и Иларион. При первой «репетиции» раскола в 863–869 гг. святые Константин (Кирилл) и Мефодий, просветители славян, позднее включённые в число святых сопокровителей Европы, своими действиями показали, что они не приемлют нарушение единства христианской церкви, и, будучи подчинены константинопольскому патриарху, интенсивно общались с папой и ездили в Рим. Многие предки и старшие родичи Ярослава (Ольга, Ярополк, Владимир) тоже интенсивно общались с западной христианской церковью, возглавляемой папой. Прочные династические брачные связи с Западом были у Владимира и особенно у Ярослава, у которого складывались непростые отношения с Византией, выразившиеся в походе 1043 г. «Мних и пресвитер Иларион» был несомненно поставлен главой русской церкви в 1051 г. не по инициативе константинопольского патриарха, а волей Ярослава и исполнявшим её собором епископов. Смещение Илариона и призвание (или принятие) Ярославичами митрополита-грека, поставленного одним из инициаторов раскола патриархом Михаилом Керуларием, основательно отделяло Русь от Запада, что в дальнейшем определило многое в её судьбах.

После 1054–1055 гг. ничего достоверного о судьбе многообразно одарённого Илариона мы не знаем. Новый митрополит Ефрем, воспользовавшись доносом «холопа Дудики», в 1055 г. вызвал в Киев для следствия и сместил с новгородской кафедры Луку Жидяту.

Ростислав продолжал борьбу за новгородский стол и, судя по всему, ок. 1060–1064 гг. завладел им. Очень знаковым было наречение именем Рюрик первого сына Ростислава, рождённого ок. 1056–1060 гг. Это первый Рюрик в русской истории после основателя династии. Его имя говорит о том, что предание о призвании Рюрика пользовалось известностью и авторитетом в первой половине XI в. Именованье Рюриком сына означает, что Ростислав убеждён в своём праве и праве своих потомков на новгородский стол. Второго сына он называет в честь отца Владимиром (известен в летописях как Володарь).

После вторичного свержения с новгородского стола ок. 1064 г. (Куза 1968; Мачинский 2003б) Ростислав с верным Вышатой бежит в Тмуторокань, куда ещё раньше, в 1061 г., после конфликта с Изяславом бежал Никон Великий, игумен Киево-Печерского монастыря. В 1066 г. Ростислав отравлен в Тмуторокани.

Полоцкий князь Всеслав, относящийся к тому же поколению Рюриковичей, что и Ростислав, в 1064 г. начинает войну за утратившую законного князя Новгородчину, в 1066–1067 гг. берёт и частично сжигает Новгород и грабит Св. Софию. Потерпев поражение от Ярославичей, он заключён ими – в нарушение крестного целования – в поруб в Киеве.

В 1068 г. триумвират Ярославичей и их объединённое войско терпят сокрушительное поражение на Лъте от нового врага Руси – половцев. На этом событии лежит «тень, которую отбрасывает Будущее». Оно сигнализирует об уязвимости южной Руси и трёх её столиц со стороны степи, о том, что реальный центр раздробленного на княжения государства будет перенесён в XII в. на север, но не на северо-запад в Новгород, оскорблённый и отвергнутый в качестве «второй столицы», а на отдалённый северо-восток, в конечном итоге во Владимир, построенный Мономахом в непосредственной близости от городка X в. с провиденциальным именем Куяба. Поражение на Лъте предупреждает и о грядущем завоевании Руси евразийской Степью.

Предоставляю другим исследователям определять экономические и социально-политические предпосылки совершённого переворота – мой долг состоял лишь в том, чтобы выявить сам факт переворота, не замеченный многими. Полагаю, что в основе всё же лежит русский «инстинкт», который глубже менталитета и вернее чувствует предначертанное. Как сказал поэт, «здесь дышат почва и судьба». Но только отважное осознание поворотных моментов отечественной истории позволит нам перестать быть «рабами предначертанного» и стать сознательными корректорами своего настоящего и будущего. Есть основание думать, что это, в известной степени, возможно.

За век, со второй четверти VII в. по третью четверть VIII в., возник и совершил свою экспансию ислам, создавший свою империю – Халифат, сложилось Франкское государство Каролингов, произошло великое расселение славян на северо-восток, началась эпоха викингов (или «эпоха *rǫþ*») на Балтике, появились первые протогорода в скандинавских странах, возникли опорные пункты скандинавов в Европейской Скифии и, в частности, в низовьях Волхова, активизировался торгово-сакральный путь Швеция – Прикамье и впервые начал функционировать торговый путь Балтика – Халифат через территорию Северной Руси и Хазарии (карта 3).

Около середины XI в., в 1054 г., произошёл раскол в христианской церкви Европы (раскол Европы), в 1055 г. турками-сельджуками был взят Багдад, столица Халифата, в 1066 г. кончилась эпоха викингов и произошло завоевание Англии французскими норманнами, в 1055 г. на границе Руси впервые появились половцы, переселившиеся в степи Европейской Скифии, в 1054–1066 гг. произошли кардинальные изменения в структуре русского государства.

У эпохи второй четверти VII – середины XI в. были моменты длительного вдоха, поддержки дыхания (наполнение лёгких кислородом) и короткого выдоха. Огромный вздох истории, ничтожный в масштабах бытия Земли и Космоса.

Начало первого периода древнерусской истории – VIII в. н. э. – занимает срединное место между двумя «эпохами мощной интенсификации» в жизни человечества,

отмеченной двумя плато на калибровочной кривой, отражающими резкое возрастание космо-солярно-магнитных изменений (КСМИ – см. первый раздел статьи), судя по всему, определяющее природные изменения и возрастание потенциала человечества. В пределах первой из этих эпох (ок. 840–320 гг. до н. э.) происходит, по мнению авторитетных и объективных лингвистов (Mažiulis 1970; Топоров 2006: с. 20) первоначальное выделение праславянского языка из прабалтопротославянского языкового массива, условно датированное около V в. до н. э. Этот процесс зарождения будущего базового этноса Руси и России (и ряда других государств) происходит в пределах территории будущих Древнерусского государства и Российской империи. К близкому и чуть более раннему времени (ок. VIII–VI вв. до н. э.) лингвисты и археологи относят и выделение из североευропейского индоевропейского массива германской этноязыковой общности и обособление прибалтийско-финской этноязыковой общности, которые также сыграли свою роль в процессе сложения русских протогосударств и государства (первого и второго «русского каганата»). Развитие русской государственности продолжается вплоть до второй «эпохи мощной интенсификации», отмеченной в основном теми же признаками, что и первая, – 1600/1700–1950 гг. (точка отсчёта калибровочной кривой) и, судя по всему, далее, вплоть до наших дней. В начале этой эпохи Россия совершает беспрецедентный рывок и переворот, именуемый «реформами Петра I», становясь внешне европейской империей, но по сути оставаясь прежней Евразийской Скифией, выражением коей на государственном уровне и стала Российская империя.

После завоевания и присоединения почти всей Азийской Скифии центр Российского государства – Петербург – возвращается (через тысячу лет) почти в ту же самую точку контакта с Северной Европой, где некогда возник центр «первого русского каганата» (русского протогосударства) – Альдейгьёборг-Ладога, лишь из-за изменившихся осадки и размеров морских судов переместившись из низовьев Волхова в низовья Невы, а на месте существовавших с VIII в. «ворот в Европу» возникает в XVIII в. пресловутое «окно в Европу».

После последующего периода успехов на международной арене и достижения высочайшего в истории Руси-России уровня развития науки, культуры и самоосознания (XVIII – начало XX в.) следует ужасное завершение, когда в 1920-х – начале 1950-х гг. на территории России складывается преступное пыточное государство, возглавляемое преступным Человекоорудием Зла, проводящим геноцид и перерождение многонационального народа России сначала через изгнание, а затем через повторяющиеся периоды уничтожения лучших представителей всех классов, сословий и категорий населения страны, что вело к катастрофическим утратам генофонда. Победа во Второй мировой войне, спровоцированной этим же Человекоорудием, далась ценой беспримерных и бессмысленных потерь и страданий, а также ценой гибели лучшей части мужской половины российского народа. Это государственное образование точнее всего назвать «первым русским паханатом», который после смерти первого «пахана» продолжал существовать в менее жестоких формах до середины 1980-х гг., сохраняя традицию передачи власти от одного главаря к другому либо путём подковёрного переворота, либо путём договорённости на строго засекреченной сходке после смерти предыдущего.

Поощряя жёстко контролируемое развитие отдельных отраслей науки, культуры и искусства, это идеолого-политическое образование пыталось придать себе некоторый имперский блеск, оставаясь в основе новым (по меньшей мере, в европейской традиции) типом государства – первым российским паханатом.

Отважное и честное осознание своей истории с V в. до н. э. по XXI в. н. э. должно служить посильному предотвращению повторения в новых формах пережитого в те годы и возрождению и развитию лучших гуманистических тенденций и проявлений в российской и всемирной истории.

Литература

- Анфертьев А. Н. 1994. Иордан. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.
- Бейлис В. М. 1984. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М.
- Белецкий С. В. 1993. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // ПАВ. 6. СПб.
- Белецкий С. В. 1996. Начало Пскова. СПб.
- Беліцкая Г. 2006. Археалагічны помнікі постзарубінецкага часу каля Давыд-гарадка // ГАЗ. 21. Мінск.
- Белявец В. 2004. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйна-рымскіх уплываў: стан і перспектывы даследавання // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa.
- Белявец В., Вяргей В. 2005. Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава I каля Пінска // ГАЗ. 20. Мінск.
- Бибииков М. В. 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 год. М.
- Богуславский О. И., Мачинская А. Д. 1993. Сяское городище и поселения Нижнего Поволховья // ПАВ. 6. СПб.
- Богуславский О. И., Щеглова О. А. 1998. Новые данные о группе памятников в районе д. Городище на р. Сясь // Ладога и эпоха викингов. Четвёртые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Васильев В. А. 2005. Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород.
- Васильев М. А. 2000. Была ли новгородская Перынь местом официального капища Перуна при князе Владимире? // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М.
- Велиханова Н. 1986. Предисловие. Введение в изучение памятника. Комментарии и примечания // Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку.
- Волковицкий А. И. 1995. Ещё раз о пояском наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Волковицкий А. И. 2001. Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Воронятов С. В. 2005. Вольтинцевская «культура» и «Русский каганат» // Альманах молодых археологов 2005. СПб.
- Воронятов С. В. 2007. «Черта оседлости» русов конца VIII – первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси. Девятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Гавритухин И. О. 1997. Хронология пражской культуры // Труды VI МКСА. Т. 3.

- Гавритухин И. О. 2000. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ; Чернівці.
- Гавритухин И. О. 2003. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. 18. Мінск.
- Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М. 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель.
- Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н. 2007. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков Русской государственности. СПб.
- Глазырина Г. В. 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.
- Гороховский Е. А. 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчатою емаллю // Археологія. Київ.
- Гуревич А. Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.
- Далин О. 1805. История шведского государства. Ч. 1. Кн. 2. СПб.
- Джаксон Т. Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.
- Джаксон Т. Н. 2000. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.
- Джаксон Т. Н., Рождественская Т. В. 1988. К вопросу о происхождении топонима Изборск // ДГ. 1986. М.
- Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. 1989. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстена» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск.
- Егорейченко А. А. 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Ерёмченко В. Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.
- Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачёв В. А. и др. 2007. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- Заходер Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.
- Ибн Хордадбех. 1986. Книга путей и стран / Перевод, комментарий, исследование Н. Велихановой. Баку.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. 1980. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев.
- Каспарова К. В. 1978. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. [Вып.] 18. СПб.
- Кирпичников А. Н. 1988. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л.
- Кляшторный С. Г. 2005. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Степные империи Евразии. СПб.
- Ковалевский А. П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Коломиец В. Т. 1983. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев.
- Коновалова И. Г. 1995. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М.
- Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. М.

- Коряков Ю. Б. 2006. Карты // Языки мира: Балтийские языки. М. Круг Земной. 1980. М.
- Куза А. В. 1968. Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М.
- Кузенков П. В. 2003. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2000 г. М.
- Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1989. Ладога и её округа в VIII–X веках // XI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.
- Кулешов В[яч]. С. 2003. Нева // Ладога – первая столицы Руси. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Кулешов Вяч. С. 2008. Ещё раз о восточноевропейской топонимической основе *šlac- в связи с этнонимом *šlac-ĕp-aĭ и проблемой происхождения древнейших *словен* // Истоки славянства и Руси. Девятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Кулешов В[яч]. С. 2009. О распространении золотых куфических монет VIII в. в Восточной Европе // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. М.
- Кулькова М. А. 2007. Распределение радиоуглеродных дат для археологических памятников второй половины голоцена лесостепной зоны Западной Сибири и корреляция их с изменениями климата // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
- Куник А. А. 1862. Замечания // Геденов С. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. XIII–XIV. (Записки Императорской Академии наук. Т. II. № 3.) СПб.
- Лапшин В. А. 1981. Ранняя дата владимирских курганов // КСИА. № 166. М.
- Лапшин В. А., Мухина Т. Ф. 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.
- Лебедев Г. С., Жвиташвили Ю. Б. 1999. Дракон «Нево» на Пути из Варяг в Греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб.
- Лебедев Г. С. 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.
- Мачинская А. Д. 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Мачинский Д. А. 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашѣвка // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мачинский Д. А. 1976. К вопросу о территории обитания славян I–VI вв. // АСГЭ. [Вып.] 7. Л.
- Мачинский Д. А., Тиханова М. А. 1976. О местах обитания и направлениях движения славян I–VII вв. по письменным и археологическим источникам // Acta Archaeologica Carpathica. Т. 16.
- Мачинский Д. А. 1981. Миграции славян в I тыс. н. э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.
- Мачинский Д. А. 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

- Мачинский Д. А. 1984. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологические исследования Новгородской земли. Л.
- Мачинский Д. А. 1985а. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Мачинский Д. А. 1985б. Переяславль Южный и Переяславль Залесский // Тезисы докладов советской делегации на 5-м МКСА. М.
- Мачинский Д. А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // Русский Север. Л.
- Мачинский Д. А., Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII–X вв. // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М.
- Мачинский Д. А. 1988. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства // АСГЭ. [Вып.] 29. Л.
- Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л.
- Мачинский Д. А. 1990. О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «русь» // Современное финно-угроведение. Л.
- Мачинский Д. А. 1993. Скифия и Боспор. От Аристия до Волошина // Скифия и Боспор / Сборник статей в честь академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск.
- Мачинский Д. А. 1997. Ладога/Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А. 1998. Эпоха викингов в «Скандинавском Средиземноморье» и «русско-варяжский период» на «восточных путях» («Austrvegir») // Ладога и эпоха викингов. Четвёртые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А. 2001. «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX–VII в. до н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб.
- Мачинский Д. А. 2002а. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А. 2002б. Ещё раз о древнейшем сакральном пути Евразии, о соотношении афанасьевской культуры и стел с «трёхглазыми ликами» // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А. 2003а. Ладога – древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога: древняя столица Руси: Каталог выставки. СПб.
- Мачинский Д. А. 2003б. Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога – первая столица Руси. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А. 2004. Крест и молот // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А., Кулешов В[яч]. С. 2004. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в Getica Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

- Мачинский Д. А. 2008. О прародине славян в I–V вв. и об этносоциуме *ryсь/rōs* в IX в. (чрезвычайно развёрнутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа») // Истоки славянства и Руси. Девятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А., Панкратова М. В. 1996. Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мачинский Д. А., Панкратова М. В. 2002. Северная Русь и саги о древних временах // Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб.
- Мельникова Е. А. 1998. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Історія Русі – України (історико-археологічний збірник). Київ.
- Мельникова Е. А. 2001. Скандинавские рунические надписи. М.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Зализняк А. А. 1989. Комментарий к гл. 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. М.
- Миненко В. В. 2004. О назначении шиферных пряслиц из железоделательной мастерской на древнерусском поселении Борча-2 // Деснинские древности. Вып. III. Брянск.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. 1997. Боровское купалище: топография и хронология комплекса памятников // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Мишин Д. Е. 2002. Сакалиба: славяне в исламском мире. М.
- Мюллер Л. 2000. «Третья редакция» «Повести временных лет» // Мюллер Л. Понять Россию. Историко-культурные исследования. М.
- Назаренко А. В. 1993. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М.
- Назаренко А. В. 2001. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.
- Новосельцев А. П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е. Н. 2005. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.
- Носов Е. Н., Плохов А. В. 2005. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.
- Носов Е. Н. 2007. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков Русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. СПб.
- Петрухин В. Я. 2001. Легенда о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М.
- Плоткин К. М. 1993. К вопросу о топониме «Изборск» и реке Исе // ПАВ. 6. СПб.
- Пряди истории 2008. Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М.
- Радиоуглерод 2007. Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.

- Роспонд С. 1968. Значение русской ономастики для истории. К этимологии топонима *Киев* // Вопросы языкознания. № 1.
- Свод 1 1994. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.
- Свод 2 1995. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М.
- Седов В. В. 2004. Голтескифы // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.
- Семёнов А. И. 1994. Забытый динар 121 г. х. (738/39 г. н. э.) из Староладожской крепости в свете новых нумизматических находок // Древности Северо-Западной России. СПб.
- Скржинская Е. Ч. 1960. Вступительная статья, перевод, комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). М.
- Смірнов П. П. 1928. Волзький шлях і стародавні руси. Київ.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г. 1983. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.
- Татищев В. Н. 1964. История Российская. Т. IV. М.; Л.
- Творогов О. В. 1997. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoiam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб.
- Тиханова М. А. 1971. Раскопки поселения у с. Лепесовка (к вопросу о происхождении черняховской культуры) // Actes du VIIème CISPP. Vol. 2. Prague.
- Тиханова М. А. 1973. Гончарные печи на поселении Лепесовка // КСИА. № 133. М.
- Томсен В. 1891. Начало русского государства. М.
- Топоров В. Н. 1979. Golthescytha Иордана // VIII конференция по Древнему Востоку. М.
- Топоров В. Н. 1983. Ещё раз о Golthescytha у Иордана (Getica 116) // Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов. М.
- Топоров В. Н. 2000. О балтийском слое русской истории // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М.
- Топоров В. Н. 2006. Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки. М.
- Тохтасьев С. Р. 1998. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. СПб.
- Трубачёв О. Н. 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.
- Урьева А. Ф., Черных Н. Б. 1995. Дендрошкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Флёрова В. Е. 1997. Граффити Хазарии. М.
- Флёрова В. Е. 2001. Сюжеты и образы мифологии Хазарии. Иерусалим; М.
- Франклин С., Шепард Д. 2000. Начало Руси. 750–1200. СПб.
- Цыб С. В. 1995. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул.
- Шафарик П. И. Славянские древности. Т. I: 1848. Т. II: 1847–1848.
- Шувалов П. В. 1998. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания: Языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки). СПб.
- Шувалов П. В. 2004. Pelles sappherrinae и восточный путь // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Щукин М. Б. 1988. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка // СА. № 3. М.
- Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М. Б. 1995. Некоторые замечания к хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. 9. СПб.

- Щукин М. Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.
- Янин В. А., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. 1995. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. Новгород.
- Ekblom R. 1957. Roslagen-Rußland // *Zeitschrift für slawische Philologie*. Bd. 26. H. 1. Heidelberg.
- Godłowski K. 1979. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w. n. e. Kraków.
- Howard-Johnston J. 2000. De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus' // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris.
- Impact of the Environment 2004. Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht; Boston; London.
- Konovalova I. 2000. Les Rūs sur les voies de commerce de l'Europe orientale d'après les sources arabo-persanes // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris.
- Kuz'min S. 2000. Ladoga, le premier centre proto-urbaine russe // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris.
- Lowmiański H. 1964. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. I. Warszawa.
- Mažiulis V. 1970. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (deklamacija). Vilnius.
- Miller K. 1927–1931. Arabische Welt- und Landkarten. I–II. Stuttgart.
- Minorsky V. 1937. Ḥudūd al-'ālam (The Regions of the World). A Persian Geography (A. H. 372 – A.D. 982) / Translated and explained by V. Minorsky. London.
- Moszyński K. 1925. Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian. I. Kraków.
- Moszyński K. 1957. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków.
- Moszyński K. 1962. O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. Wrocław.
- Müller L. 1967. Die "dritte Redaktion" der sogenannten Nestorchronik // *Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag*. Heidelberg.
- Noonan Th. S. 1992. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 16.
- Noonan Th. S. 2000. The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus' lands: The Tenth and Early Eleventh Centuries // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris.
- Rostafiński J. 1908. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach. Kraków.
- Tikhanova M. A., Shchukin M. B., Shcheglova O. A., Sharov O. V. 1999. The Structure of the Lepesovka Settlement // *Die Sintana de Mureș-Černjachov-Kultur: Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995*. Bonn.
- Vanagas A. 1981. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius.
- Zaitseva G. I., Geel B. van 2004. The occupation history of the southern Eurasian steppe during the Holocene: chronology, the calibration curve and methodological problems of the Scythian chronology // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. Dordrecht; Boston; London.
- Zuckerman C. 2000. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris.